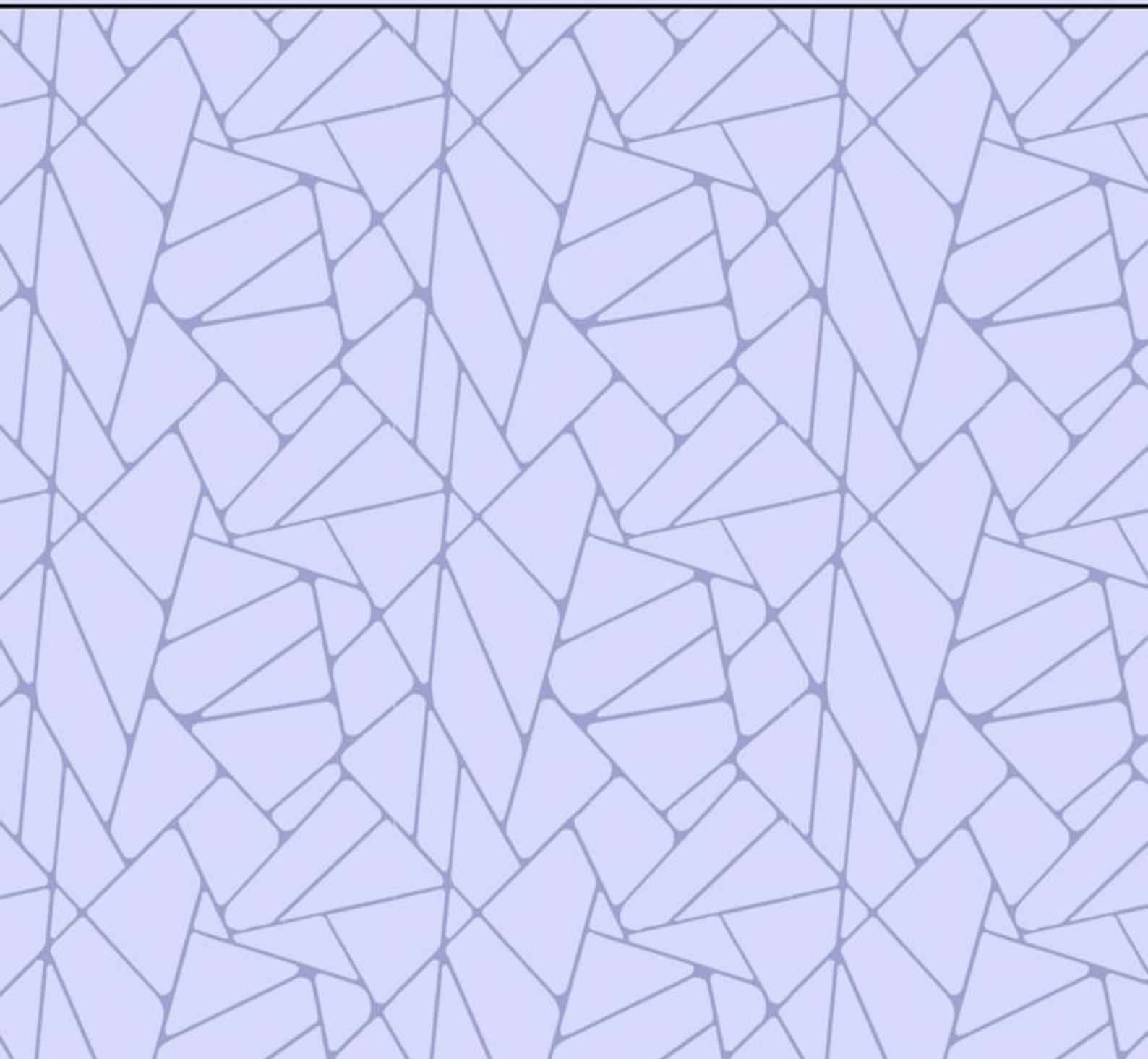

18+

Георгий Протопопов

Холодный мир

Георгий Протопопов

Холодный мир

«Издательские решения»

Протопопов Г. В.

Холодный мир / Г. В. Протопопов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514764-6

Фэнтэзийный мир с северным колоритом. В центре сюжета — история жизни человека, вынужденного поневоле погрузиться в иную для себя культуру на фоне исторических потрясений.

ISBN 978-5-00-514764-6

© Протопопов Г. В.
© Издательские решения

Содержание

Георгий Протопопов	6
Часть первая	7
Часть вторая	37
Часть третья	61
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Холодный мир

Георгий Викторович Протопопов

© Георгий Викторович Протопопов, 2020

ISBN 978-5-0051-4764-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Георгий Протопопов
Холодный мир

Часть первая

Теперь я изгнанник! Что ж! Я беглец. И пускай! Никто не нужен! Один проживу.

Злость все еще кипела в нем. Руоль взмахнул сюзом, втыкая его прямо в сугроб; широкое лезвие топора звякнуло об лед. Руоль устался на отколотые грязно- чернo- серые куски горящего камня, словно пытался зажечь их взглядом. Перед его глазами вставали лица и лица, и Руолю вот уже в который раз захотелось взвыть. Он лишь стиснул зубы и стал складывать камни в мешок. Потом подобрал сюг, взвалил мешок на плечо и побрел обратно к тороху. Это переносное жилище в виде конуса, крытое шкурой олья сиротливо примостилось к подножию холма.

Кругом снега. Напротив- еще один холм, небольшой торох почти незаметен. Вот он- сурт одинокого, его горький ночлег.

Постоянно тлеющая в груди злость несколько улеглась. Скоро он будет сидеть у очага, в тепле и уюте, а вокруг- холодная зимняя ночь. А, впрочем, зима умирает. Ненавистный Белый Зверь уже нетвердо стоит на ногах. Вот только Сэи- коварная луна. Время перелома и напряженной борьбы, когда ни одна из сторон уже не превосходит, и еще неясно, каков будет исход. Время, когда случаются долгожданные оттепели, но столь же вероятно ударяют морозы, не менее лютые, чем в Чусхаан, предыдущую луну, не менее жестокие, чем в Чунгас- луну, что перед Чусхааном.

Из-за оттепелей и морозов- постоянная гололедица, отчего оронам все трудней добывать лувикту- свой белый мох. Не самая легкая луна, если вообще бывают легкие. И все же лучше тех холодных, темных, неживых, что идут перед ней. И зато потом придет Сурапчи- как называется следующая луна, а также козырек от солнечного сияния, чтобы не ослепнуть. В самом деле, света будет много, непривычно много после долгой зимней тьмы. Затем придет Муусутар- луна, когда отступят льды. А потом... луна Эдж с песней пробуждения принесет время тепла. Скоротечное- всего-то две луны, если не считать самого Эджа- Ыргях тыйа и Оту, – но такое бурное, светлое. Именно тогда- жизнь, а зимой... зимой- зима.

Эдж... какое дивное, чудесное время, и чудесно само слово! Руоль скрипнул зубами, подходя к своему тороху. Да, Эдж... песня, веселый, чистый хоровод. Радость, ликующая радость! И все это будет не для него.

Двадцать зим он прожил. И стал изгоем. Хуже, чем...

Руоль угрюмо бросил мешок на хидасу- утоптанное место вокруг тороха, -остановился, посмотрел кругом.

Двадцать зим... вернее, уже двадцать первая подходит к концу. Именно в Эдж он появился на свет и тогда скажет, что прожил двадцать одну зиму. Пришел, когда весь мир-эджуген, – вся матушка мора дивно расцвела, проснувшись наконец от долгой спячки, стряхнув с себя сны, распустив косы, войдя в светлый хоровод небес и земли, запев счастливую песнь пробуждения, запев эдж.

Дорогие братья! Дорогие сестры!
Веселей поведем круговой наш танец!
Послушайте братья! Послушайте сестры!
Пусть все услышат наш светлый эдж!
Севера ветры нас замечают
Снегом колючим, покровом снежным;
Ветры запада нас заносят
Снегом холодным на долгие луны.
Эй! Вы проснулись, равнины дети,

Жители рек и распадков горных!
Зверь убежал в великом страхе,
Пятясь, скуля, рогами поддетый!
Солнца лучи оживили землю!
Ну-ка встречайте наш светлый эдж!

Дул ветер, стелясь по равнине; снег повсюду. Руоль с потерянным видом стоял возле тороха, глаза застилало. Большой праздник! Великий праздник! Сейчас закричу...

Два верных орона паслись неподалеку, разрывая копытом снег, нетерпеливо хватая губами скупой мерзлый белый мох. Руоль смотрел на них.

– Орончики мои, – прошептал он. Орон- то же самое, что и «олья», только слово это более древнее, местами и вовсе забытое. Руоль помнил древние слова. Он вышел из семьи подобной тем, которые даже свой народ, более зажиточная его часть считает неотесанными, дикими.

В детстве он был таким и жил так. Потом было иначе, и иначе он жил. И, может быть, зря. Это привело его сюда, сделало таким, каким он стал.

Руоль отвязал подбитые шерстью короткие, широкие лыжи, с бесцельным видом взялся за мешок.

Сидеть у костра, глядеть как постепенно прогорают камни, есть мясо... и не с кем даже поговорить. Разве что с Лынтой и Куюком... Посмотрят только и ничего не скажут... Пусть ищут свою лувикту. Полуголодные уж сколько времени, бедняжечки.

Ничего, проживет один. Найдет хорошие места, станет охотиться, жить- поживать, совсем забудет о людях. Зачем они? Сам по себе будет. Никто не нужен.

Что же я натворил... что натворил...

– Арад- би! Здравствуйте, орончики мои! Арад- би, мои единственные друзья, мои братья! Теплый день... соберем наш торох, нагрузим нарту, поедем дальше. Только мы втроем, братья мои, больше у нас нет никого.

Два верных олья грустно смотрят на Руоля. Оба- мощные, гордые. У одного рога вперед, как две широкие ладони с пальцами, и две длинные дуги, слегка ветвящиеся на концах, круто уходящие назад, царственно высящиеся над могучим хребтом. Этот олья весь черной масти- харгин, его зовут Куюк, то есть Бодливый. Еще хотоем- одногодком никому не давал спуску. Теперь он спокоен, мудр, горд.

Другой олья пегий, наполовину пестрый- бугади. Рога у него ветвятся не вперед и назад, а в стороны. Не такие большие как у Куюка, но тоже весьма красивые. Еще маленьким ороненком- туютом получил имя Лынта, что значит тихий, смиренный. Он, однако, не менее могуч, горд и мудр, чем Куюк. Возможно, и мудрее. Оттого и был всегда спокоен тем спокойствием, какое к Куюку пришло лишь со временем.

– Куда мы поедем? – спрашивает Руоль, как бы ища совета у величественных животных. После некоторого раздумья он решает ехать дальше на юг, к Архатахской гряде. В тех местах редко кто бывает. Слишком близко к Туасу- высоким горам, большому хребту еще дальше на юге. Тот хребет зовут Турган или Сюнхваан, именами, несущими скорбь, угрозу, запрет. Толком неизвестно, почему, слухи ходят разные. В любом случае, там- конец море, а значит и владениям луорветанов. А фактически, владения оронных людей заканчиваются еще раньше, ибо близко к Турган Туасу не подходят, как не ходят и далеко на север- во льды. И там, и там- зло. Жить можно только посередине.

За Архатахом мора еще продолжается, но решение Руоля ехать к нему, есть, по большому счету, решение ехать к границе. Кто живет за Архатахом?

Руоль понимает, что его выбор как нельзя более логичен теперь. Куда бежать беглецу? Подальше от людей. Там он будет совершенно один. До самого конца жизни. Остается надеяться, что она не окажется слишком длинной.

– В путь, мои дорогие братья!

Воистину, братья. Луорветаны и оля- единое племя. У них один отец. И улики- дикие оля, – тоже дети Хота, и всех их человек должен уважать и любить. Без них не прожить, без них он вообще никто. Жилище, тепло еда- все от них. Ах, как вкусна умаса из мяса и жира улика! Вкусен ньюго- истинное лакомство, мясо с позвоночника возле хвоста. Сладок каыс из молока. А, впрочем, мора велика, живет в ней немало иного зверя, птицы, рыбы. Но только ороны и луорветаны- дети Хота, и потому навсегда неразрывно связаны.

Где-то там Архатах. Место изгнания. Его, Руоля, вечного изгнания.

Ирги- оля- самцы, послушно тронулись в путь, на юг. Меж холмов на равнину. С ними брат их- угрюмый Руоль.

В древние времена, перед самым началом истории луорветанов, из вечных льдов на севере вышел изначальный орон Хот. Увидел он великий край. Безбрежную мору- рыже-серую, с пятнами снега, с равнинами и горными склонами, с озерами и сопками, поросшими почти непролазным корявым лесом- туахан, где прямоствольные высокие деревья встречаются только изредка. Далеко на востоке, однако, есть целые леса прямоствольных- турун. В те края ныне луорветаны совершают мустаныр- ездят за длинными ровными деревьями, идущими не на дрова, а для шестов и прочего. Там одна из границ моря. На западе такой границей являются непроходимые болота, на юге- Туас, высокие злые горы. И вечные льды на севере.

Однако, огромна мора между ними, велика, пустынна. Совсем пустой кажется оттого, что так велика.

А когда Хот бродил по ней, она и была пустой. Почти. Только звери, рыба да птицы.

Долго бродил Хот в одиночестве и понял однажды, что он одинок, и затосковал.

– Я вдоволь ем лувикту, – сказал он, – но здесь ее слишком много для меня одного.

Тогда он потерялся о глыбу льда, и возникло все племя оронов.

– Вот вы, – сказал им Хот. – Поедайте лувикту, плодитесь и живите. Этот эджуген, весь этот край для вас, хотя и не я его создал. Но я вас здесь поселил.

Все оля были тогда улики- дикие. Разбежались они стадами по безбрежной море, стали плодиться жить, поедать лувикту.

Изначальный Хот теперь бродил меж ними, радуясь, что есть отныне в море похожие на него, и что не так уж она пуста.

А потом пришла зима. Выскочил Белый Зверь, морозный, холодный- глаза изо льда, но горят студеным пламенем. Как замерзшие звезды, как сполохи зимнего огня в темном небе.

Завыл Зверь- стал кругом снег, закружились вьюги. Плюнул Зверь- сковало все льдом, промерзли насквозь, застонали кривые туахан-масы на сопках, побросав красивые иголочки, превратились в мертвые пни, застывшие коряги. Дунул Зверь- загудели, замели холодные хаусы, полетело над морой снежно- ледяное крошево.

Стало плохо Хоту. Как плохо было в вечных льдах, откуда он пришел в мору. Белый Зверь гнался за ним во льдах и пришел следом.

Разбежавшиеся повсюду улики страдали, гибли от холода, но и учились выживать. Ничего они не знали, ничего не хотели кроме того, что заповедовал им Хот.

Иные же ороны пришли к Хоту и взмолились:

– Отец, трудно нам!

Хмурился Хот, потрясал в печали рогами.

– Отец, не хотим быть дикими. Пропадем. Только дичайшие выживают сейчас. Хотим, чтобы о нас заботились, того и сами заботой оделим.

Хот внял. Пошел к горам, потерся о черный камень. Появился так человек, луорветан.

– Ок! – воскликнул он. – Кто это я?

– Ты человек, – молвил мудрый Хот.

– Хо... – почесал в затылке человек.

Все поведал тогда ему Хот и напоследок наказал заботиться об оляя- детях своих, братьях человека.

С тех пор живут вместе луорветан и орон.

А дикие улики так и бегают по море.

Кто-то измыслил такую сказку, будто некий Сэнжой- огромный улик- самец, вожак, сказал однажды всем диким оляя:

– Луорветаны на нас охотятся, Белый Зверь губит нас. А когда приходит тепло, нам нет покоя от ыргахов- свирепых оводов, и от различного зверья. Но мы гордые, мы сильные, мы выживаем. Бегаем по море где хотим, плодимся, поедаем лувикту. Мы свободны как ветер, и это наша мора. А домашние оляя, небось, дают человеку гораздо больше, чем получают взамен. Высокую цену платят они, а за что? Наша плата тоже высока, но мы знаем, что она- за свободу. И только в борьбе!

Когда и чьими устами произнес Сэнжой эту речь- неизвестно.

А вот Хот, после того как устроил жизнь своих детей, ушел сражаться с Белым Зверем.

Постоянно Белый Зверь отступает назад во льды. Но ненадолго, ибо он слишком силен. Он возвращается, и снова- долгая, изнурительная борьба. Поначалу он будто бы побеждает, но не сдаётся и Хот. Каждый раз, собравшись с силами, поддевает Зверя рогами, гонит обратно во льды. Только для этого Хота нужно кормить. И поскольку человек заботится об оляя, человек обязан кормить и Хота.

А еще изначальному орону в его великой борьбе помогают различные светлые духи. Кое-кто говорит, что это Хот помогает им, а основную борьбу ведут именно духи и божества.

Много злых духов помогает и Белому Зверю. Или это он помогает им- как знать?

Главное, что приходит зима- долгая, бесконечная. Но потом непременно возвращается тепло- бурное, красивое, радостное.

К Архатаху, далекому Архатаху... много кос пути впереди. Бела, чиста мора. Путь безрадостный.

Вот Руоль: смуглое лицо, маленький нос, череп узкий, черные глаза, черные волосы, заплетенные в косу. Вся одежда оронья, начиная от треухой шапки кли из шкуры молодого оляя, кончая кумасами- обуви из шкурок с ног оляя. Еще на нем подбитая мехом ровдужная доха, меховая шуба поверх, ровдужные штаны, и другие штаны, которые на каждую ногу натягиваются отдельно- сотуро.

Руки в варежках держат трость для погонки, впрочем, оляя понимают ездока и без нее. Шуба у Руоля длиннополая, мехом наружу, а на ногах, поверх камусов, еще меховые галоши.

Руолю тепло, тем более что день сегодня ясный, безветренный- к оттепели. Тепло ему снаружи, но какой холод внутри.

– Где этот проклятый старик? – вскричал князец Ака Ака. – Ну-ка приведите его сюда!

Два калута- воина- слуги с поклонами вышли из юрты. Толстый, злой, взбешенный Ака Ака откинулся на подушки, сидя на своем любимом кулане- меховом коврике.

Велик князец Ака Ака! Безгранична его сила, власть, бесчисленны его стада. Есть у него прекрасный сарай- огромное, богатое, живописное стойбище над рекой Ороху, в месте, называемом Баан. Туда Ака Ака приходит во время тепла. Стойбище так и зовется- Баан- сарай. Там у князца есть несколько неразборных жилищ, много амбарушек, просторный раль- загон для оляя. Никто не может останавливаться там на время тепла, кроме Аки Аки. Сейчас, однако,

Сэи, и князец находится в холмах, в местах, называемых Сыла, по имени протекающей здесь реки.

Он сидит в своей большой богатой юрте, глаза его гневно сверкают.

Вернулись калуты, толкнули на пол худого, измученного старца. Длинные, редкие седые волосы, порванная жалкая одежонка, кровь на темном, изрезанном морщинами лице со впалыми щеками, тонкие, ослабшие руки, связанные ремнем.

– Ближе его.

Калуты подтолкнули распростертого старика. Ака Ака поднял ногу, обутую в сапог из мягкой кожи (внутри жилища было тепло, даже жарко), лениво пнул старца, чтобы тот не валялся мешком, потом, когда старик слегка приподнялся, трясаясь от слабости, поддел его подбородок носком сапога, заставив смотреть на себя.

– Теперь ты будешь говорить, Тыкель.

Старик закрыл воспаленные глаза.

– Я уже говорил. Мне ничего не известно.

– Врешь, огор! – Ака Ака от злости вскинулся, подался вперед.

Один калут замахнулся плеткой.

– Подожди, – остановил Ака Ака. – Тыкель, несчастный, почему не образумишься? Понравилось тебе страдать? О, ты еще узнаешь настоящее страдание!

Старик молчал; князец посмотрел на него с презрением и сожалением.

– Послушай меня, огор... откуда такое упрямство? Разве ты не понимаешь? Разве не видишь, что произошло? Как ты можешь? Или у тебя нет сердца? Зачем покрываешь злодея? – голос Аки Аки смягчился, стал как будто более искренним, даже сдерживаемая боль послышалась в нем. – Только скажи мне, прошу тебя. Клянусь, я тебя тут же отпущу. Я тебя даже награжу.

Старый Тыкель опустил голову.

– Ничего не знаю.

Калут, по знаку, махнул плеткой; старец со стоном повалился.

– Как не знаешь! Говори, жалкий!

Войдя во вкус, калут снова замахнулся. И снова Ака Ака остановил его.

– Где его прячешь, скажи мне. Ладно, может, не прячешь. Но ведь знаешь, куда бежал, а? К кому? Кто его прячет? Кто из его дружков? Охотник? Этот наглец Акар? Или Кыртак? Или кто еще? Говори! Я ведь всех найду. Я же всех заставлю страдать. Познаете истинный джар! Хочешь спасти друзей, Тыкель?

Молчание. Потом:

– Ничего не знаю.

– Глупец! Эй вы! Найдите мне всех, притащите сюда! Кого- кого! Дружков проклятых! Всех, у кого он может прятаться. Всех, кто может знать, где он прячется. Ты слышишь, Тыкель? Еще не поздно. Скажи лучше ты мне, я уважал тебя когда-то.

– Я ничего не знаю. Это правда.

– Ну-ну. Эй, давайте его обратно. Со! Посмотрим, что скажет Оллон- шиман.

Слабого старика увели, вернее, унесли волоком.

– Найду я его, – сказал Ака Ака, сжимая кулаки. – Найду. Обязательно найду. От меня не уйдет.

Шиманы говорят с духами, шиманам ведомы многие тайны. Даже Хот- создатель не знает много из того. По крайней мере, некоторые так похваляются.

Мир древнее Хота. Много в нем разных существ. Из них лишь луорветаны и олья- дети Хота. Но кто-то создавал остальное. И даже Хота, быть может.

Известно, что человек неспокоен изначально.

Спознались шиманы с духами, открывая многие тайны, обретая то силу, то проклятие. Проникли они в мир божеств. В глубины бездонные, на вершины небесные.

Хот того не заповедовал, но и не запрещал познавать. Быть может, мало он думал о любопытстве и одержимости человека. Из-за чего, возможно, пришлось ему несколько потесниться.

Ведь как человек пришел к духам, к божествам, так и они пришли к нему.

Лучшие шиманы служат Аке Аке и говорят, что он избранный. Он богат, и шиманы его богаты. Кроме того, подобно шиманам, ему ведомы многие тайны. Ну кто еще может так запросто общаться, вести торговлю с Пришлыми, Высокими? Теми, что навеваются откуда-то с юга... уж не с Турган Туаса ли, запретного хребта? Уж не духи ли они в таком случае? Многие так и считают. Ака Ака, тем не менее, говорит с ними как равный и знает дорогу, специальный тракт- чуос, вдоль которого зимой ставятся вежи. Иногда Ака Ака ездит по чуосу навстречу, иногда Высокие сами приезжают.

Ну кто еще имеет от них столько диковинных вещей, дающих власть, богатство, уважение, почет? И страх перед его могуществом. Воистину, он избранный! Хозяин моря- один из его любимых титулов. По праву ли- о том думать нельзя.

Помимо лучших шиманов Аки Аки есть еще истинные, настоящие, как о них шепотом говорят, шиманы. Они не служат кому-то одному, им все равно, кого называют лучшими. Говорят, что власть их истинно велика.

Хот создал луорветана. Луорветан жил, тем довольный. А потом открыл духов. И стала мора загадочной, непонятной, эджуген стал глубже, сложнее, значительней. Мир наполнился седой древностью, великими деяниями, легендарными героями.

Откуда взялись духи, божества, шиманы?

Когда-то пришел в мору человек ли, дух ли, божество ли... огромный, бородатый, светловолосый. Звал себя- Менавит Шаф. Никто из тогдашних луорветанов не мог выговорить это имя, поэтому стали называть его Мыыну.

Этот некий Мыыну, этот Менавит Шаф рассказывал удивительные вещи.

Далек Архатах. Много кос и дней пути. Руоль все время двигался к нему с почти безумным упорством. И бездумным. В оттепели, в стужу, в пургу и в ясную погоду, с ветром в спину и с ветром в лицо.

Не так уж быстро он продвигался. Время от времени задерживался, чтобы поохотиться или вырубить изо льда и снега замерзшую, но живую рыбу- иногда удачно, иногда нет. Несколько раз встречался с волками- свирепыми хищниками моря, о которых иные говорят, что они и не звери вовсе, а сами злые духи. Звери или духи встречались в пути Руолю, он и сам не знал, но один раз они осмелели чересчур- пришлось с ними сразиться. Для Руоля и его олья в тот раз обошлось, а вот четверка волков- хоть духи, хоть звери- отправилась в другое бытие. Руоль был охотник. Он хорошо стрелял из лука, владел копьём, ножом. Часто от этого зависела его жизнь.

И вот однажды на горизонте он увидел Архатах. Его взгорья, его склоны, поросшие лесом. В это время солнце взбиралось все выше, но сегодня его не было видно за свинцовыми волнами неподвижных туч. Под застывшим небом- застывший Архатах- белое и черное. Он ввергал в уныние.

Луна Сэи подходила к концу, завершала свой круг. Был день Учах- двадцать шестой день луны, день верхового олья. Руоль остановил своих оронов и долго, в немом, подавленном очаровании смотрел на Архатах. Отныне ему предстоит здесь жить. Влачить существование подобно тому как все живое существует зимой в ожидании тепла. Для него зима никогда не кончится.

Он сидел в стареньком седле на спине своенравного, но сейчас замершего в грустном спокойствии, разделяя настроение хозяина и его изгнание, Куюка, держась одной рукой в рукавице

за длинную, гладкую дугу рога. Рядом столь же спокойно стоял Лынта, впряженный в легкую нарту- не столь уж много вещей было у Руоля. Лынта не нуждался в понукании, сам послушно тянул нарту следом за Куюком и хозяином. Когда бывало, что ему одному было не справиться, Руоль впрягал и Куюка.

Дул несильный ветер, подметая снежную пыль с сугробов. Свежий ветер, уже не столь холодный, принадлежащий более теплу, чем зиме- вовсе не хаус. Хот побеждает. Сейчас ему еще трудно, но вскоре он осилит, прогонит Зверя во льды. Ему нужна помощь. Вчера Руоль кормил Хота мясом и кровью пойманной дичи. Хот ест не только лувикту. Руоль не мог преподнести еду идолу, обмазав его подбородок кровью и жиром. Ну ничего, у него есть огонь. Огонь- дух тепла, а значит, борется на одной с Хотом стороне.

Сначала Руоль, как всегда, когда разжигал костер, покормил духа огня, но в этот раз вдвое щедрее обычного, потом попросил отнести пищу Хоту от него, Руоля.

– Я отменно сыт, – сообщил дух огня. – Ты меня хорошо покормил, я доволен. Исполню твою просьбу.

Руоль отдал ему пищу для Хота, огонь принял ее. Можно верить, просьба будет исполнена.

Пасмурный день, но воздух прозрачен, Архатах виден во всех деталях. Правда, не столь он еще и близок. Огромные деревья похожи на маленькие черные точки, карабкающиеся по склонам. Немало там корявых деревьев- целые заросли, лабиринты, но немало и прямоствольных- могучих, больших, почти неохватных. Таков уж Архатах. Высоко возносится он, но даже отсюда видно, как выглядывают из-за его широкой спины вершины, что много выше и дальше его. Вершины в синей дымке. Далекий Турган Туас.

Руоль неотрывно смотрел, скользил взглядом по своему новому дому, со смешанными чувствами. Может статься, он смотрит отсюда, с равнины в последний раз. А потом будет смотреть только оттуда. Кто знает. Он не шиман, чтобы видеть будущее. И не умеет гадать по жженной лопатке улика или по рыбьим костяшкам. Хотя видел и вроде бы знает, как это делается. Схема-то проста. Сорок одна костяшка, вынимается одна, на которую шепчешь свою просьбу. Все костяшки в кучу. Разбить на глаз на три части. От каждой отсчитывать по три штуки, пока в каждой кучке не останется меньше четырех костяшек. Лишки откидывать порознь в разные места со значением: голова, два плеча, две руки, две ноги, сердце, печень. Потом...

Эх, все равно не приходит к нему судьба через гадание. Не понимает он этого. Но тут нечего и гадать. Вот Архатах- конец пути. Что может быть еще?

Руоль смотрел, и изо рта его клубами пара вырывалось неровное дыхание. Оля терпеливо ждали. Если бы не облачка пара, они все казались бы сейчас вытесанными из камня и припорошенными снегом фигурами.

Наконец Руоль стряхнул с себя задумчивое оцепенение, встрепенулся, зашевелился.

– То! – решительно воскликнул он. – Вперед!

Оля послушно и даже с резвостью тронулись в путь. Видимо, и им передавалось одержимое стремление хозяина, его безоглядная, горькая решимость.

Руоль продолжал смотреть на Архатах, голова его как-то пьяно моталась из стороны в сторону. Упорство было в его голосе, но тело... тело страдало... и выдавало Руоля. Сейчас он боролся с самим собой. Кажется, победил Руоль решительный. Потому что он вдруг запел во весь голос, хотя тело продолжало вяло раскачиваться, не выказывая стремления и силы воли, словно оля волокли его сами по себе, против желания, а он просто не сопротивлялся, не находя в себе сил для борьбы.

Но Руоль пел, и его голос летел, метался, кружился над снегами, будто ветер, подбадривая верных оронов.

То! Вперед, живей!

Ну!
Мои орончики!
Смотри-ка! Архатах!
Неприветливые склоны, суровые!
Я еду к нему, еду!
Вперед, Лынта, вперед, Куюк!
Эй!
Архатах! Суровый дедушка.
Как меня встретишь?
Мора- матушка прогнала меня.
Меня- беглеца. Меня- беглеца.
Как меня встретишь?
Зима холодна, морозна, жестока.
Еду к тебе.
Бегу с равнины, словно Белый Зверь.
Который на север, во льды,
А я на юг- к тебе.
Архатах! Ты дитя моры.
Не могу ее совсем лишиться.
Отныне буду жить здесь.
Вот мой эджуген!
Буду один.
В этом краю безлюдном.
Принимай, дедушка!
Встречай беглеца!

Долго еще пел Руоль в таком духе. Пел, пока не устал. Затем он просто молчал, свесив голову. На ресницах были замерзшие слезы.

Руоля посетило сомнение: имел ли он право, такой жалкий, несчастный, падший, предлагать еду Хоту?

День пасмурный, но не холодный. Будет оттепель. Снега заискрятся, засияют нестерпимым светом.

Хот мудр, он должен понять своего заблудившегося сына. Прощает ли? Сердится ли? И думать- гадать боязно.

Вообще Руоль редко задумывался над этим, совершая какие-нибудь свои деяния. Угодно или негодно богам, духам, Хоту, наконец? По большей части, ему всегда это было почти что безразлично, хотя он старательно, с серьезной верой исполнял все ритуалы. И на том обычно успокаивался. Если и волновало его, что дальше, то весьма поверхностно.

И сейчас это безразлично, говорил себе Руоль.

И, однако же... Хот принял предложенную им пищу.

Руоль поднял голову, смахнул льдинки с ресниц и уже смелее- и тело стало тверже- смотрел на Архатах.

Тот выросстал, приближаясь.

Бесился князец Ака Ака, заплывшие глазки его метали молнии.

Сгнули куда-то Акар и Кыртак, разбежались по морю. Ага! Чуют вину за собой! Значит, это верный след. Наверняка укрывают беглеца. Пошел слух, что охотники подались куда-то

на восток, в землю Тарву. Вот там их и сцапают. Обязательно выследят, схватят, притащат. Узнают тогда, как бегать от Аки Аки.

Ждать, правда, невыносимо.

Остальные тоже попрыгались. Мерзкие, все виноваты! Всех найдут!

Пока калуты привели только придурочного Тынюра с женой Чурой. Этим, видно, ума не хватило в бега податься, хоть и считались они друзьями злодея. Простота. Толку с них. Едва ли они вообще что-то знают. Баба Чура, конечно, себе на уме, но не настолько уж. Ака Ака пострадал их, шибко пострадал. Что тут началось! Муж с женой бухнулись на колени, стали рыдать в голос, ползать по земляному полу, пытаясь поцеловать его ноги. Давно бы уже выболтали все, если бы хоть что-то им было известно. Особенно Тынюр, тот вообще не умеет ни секретов хранить, ни рот на замке держать. Насочиняет, бывало, выше гор, а потом и сам не помнит.

Тем не менее, Ака Ака велел запереть их на всякий случай- пускай потомятся.

Найти бы действительно виноватых!

Аке Аке было известно, что злодей- беглец навещал иногда могучего шимана Тары- Яха, на которого давно зуб имеется. Кто знает, шиман-то дружелюбно относился к злодею. Но Тары- Яха князец не решался трогать, хотя тот и зимовал где-то поблизости.

В начале луны Сурапчи, в день седьмой, день Иктенчан- трехлетнего оля, приехал на стойбище князца шиман Оллон- один из величайших шиманов, один из лучших шиманов.

Ака Ака встретил его как положено, с щедрым размахом, подобающим истинно великим. К каковому относил в первую очередь себя.

Как ни спешил князец Ака Ака, решено было несколько отложить основное дело, ибо давно пора было кормить Хота. Ранее, за всеми волнениями, князец и забыл совсем. Сейчас он сделал вид, что позвал шимана именно за этим, для помощи в совершении обряда.

Обряд совершили. Шиман скакал вокруг огромного идола как запряженный орон. Идол был доволен, весь перемазан свежей кровью и жиром, на голове его ветвились могучие рога- настоящие, тогда как сам идол был деревянным. Рога были велики, ветвисты, красивы. Прославленный священный орон когда-то носил их, теперь они принадлежали Хоту.

И хотя приход тепла и победа Хота стали очевидны задолго до совершения обряда (тут оплошал Ака Ака, запоздал малость), князец произнес речь:

– Теперь непременно наступит тепло. Я щедро покормил Хота. Кто еще предлагает ему такую сытную пищу? Воистину, только я один во всей море могу по-настоящему накормить великого Хота, я один его истинно насыщаю. Если бы не я, разве Хот смог бы побеждать Зверя, разве был бы он сыт, набирался бы сил для удара? Приходило бы тогда к нам тепло?

И все смотрели на Аку Аку в трепетном страхе, в суеверном благоговении.

Воспрянувшее солнце сверкало, отражаясь в снегах; огромные, вознесшиеся высоко над землей рога- словно диковинное дерево, тянущееся к небу.

Вскоре, уже после обряда, князец поделился с шиманом и основной своей проблемой. Тому, впрочем, давно все было известно, причем простыми человеческими способами, ибо, в основном, люди общительны. Однако во время рассказа Аки Аки старый шиман задумчиво произнес:

– Да- да... знаю, знаю. Открылось мне это.

Под конец Ака Ака высказал свои подозрения насчет Акара и Кыртака, по слухам, подавшихся куда-то на восток в сторону Тарвы.

Оллон покивал.

– Награжу тебя, щедро награжу! – воскликнул Ака Ака. – Только найди мне его. Пусть духи откроют тебе, укажи мне след.

Оллон, лицо которого было старым, темным, сморщенным и хитрым, напустил на себя мудрости, свет глубокого прозрения мелькнул в его глазах, задумчивым стало его лицо, ведь

предстояла большая многотрудная работа, и шиман подчеркивал это всем своим видом. Он сказал тихим мудрым голосом:

– Да, нелегко будет. Не человек, а зверь тот злодей. Сильные духи его охраняют и им владеют. Но обряд будет! Я брошу им вызов. Я, Оллон- могучий шиман! Только я могу сделать это, только я в силах помочь тебе. Но...

– Я слушаю.

– Если злые духи заступят мне дорогу... возможно, их надо будет умиловать.

– Э! Пах! Не хватил ли лишку? Я ведь и так щедро тебя награжу!

Оллон глянул на Аку Аку. Тот немного смешался. Шиман, все-таки.

– Будь по-твоему. Мне ничего не жалко. Теперь ничто не имеет значения. Лишь бы его изловить.

– Всего один олья, – смиловился Оллон. – В данном случае больше не потребуется.

Ну и. твоя благодарность совершающему обряд...

– Будет, будет тебе, не волнуйся. Я свое слово держу. Но мне нужен результат.

– В этом доверься мне.

– Вот и хорошо.

– Куда (посвященный орон) потребуется особый. Чаалкэ- белой масти, без единого пятнышка.

– Ай, предоставляю тебе выбрать самому.

– Конечно, конечно, так и должно быть.

Оллон величественно расправил тщедушные плечи. Жарко горело пламя в очаге. В красных отсветах и колеблющихся тенях шиман показался выше, грознее.

– Эй, женщина! – позвал князец. – Наложите нам еще мяса, да побольше! Кушай Оллон, смело запускай руку в жир.

Орибон- специальный крик, опустился в булькающий котел, от которого поднимался ароматный пар.

Снова стало уютно. Ака Ака радовался, надеясь на шимана. Правда, по-прежнему его грызла тоска, ибо не будет ему покоя, пока это дело не завершится. Оллон же сейчас был всецело доволен, млея в тепле и сытости. Никакие сомнения его не грызли.

И вот, в день Амаркин- шестилетнего олья- самца, в десятый день луны Сурапчи, шиман Оллон со своими помощниками совершил великий обряд поиска.

Однажды, давным-давно, странствовал по морю Менавит Шаф. Ученый человек из совсем других краев.

Как-то, находясь в жилище Ихилгана, которого потом стали называть Отцом шиманов, Менавит вел такую беседу:

– Удивительно, – говорил он, – как человек все время приходит к одному и тому же.

Тогда еще все луорветаны говорили на одном языке, и Менавит Шаф этот язык знал. Это потом уже язык людей моря стал распадаться на диалекты по местностям, поскольку край их огромен, и луорветаны в нем разбросаны. Впрочем, во времена Руоля и даже сына его, богоподобного Ургина, все луорветаны понимали друг друга, различия были только в произношении, да иные слова в разных местностях употреблялись по-разному. Во времена же Менавита было еще проще. Он говорил, и слова его, не сразу, постепенно, но доходили до сознания луорветанов. Хотя он-то как раз частенько говорил о том, о чем простые жители моря вообще не имели раньше понятия, и использовал много незнакомых слов.

Пожалуй, Ихилган- будущий великий шиман, в доме которого Менавит Шаф жил какое-то время, был первым, кто понял странные речи. И прозрел. Правда, прозрел по-своему.

– Наше прошлое, – говорил Менавит, – от нас самих скрыто завесой забвения. Позади осталось что-то темное. Но кое-что сохранилось, кое- что мы знаем.

И я вижу, что вы, невинные дети тундры, повторяете извечный путь человечества. Ваш Хот- творец, но пока еще не бог. Однако и к вам придут боги, а там и... загробная жизнь, идолы, кровавые жертвоприношения.

– А боги- это кто? – спрашивал Ихилган. – И что такое жертвоприношения?

И Менавит Шаф рассказывал с простодушной наивностью, со свойственным ему фатализмом, вряд ли понимая, что творит в своей одержимости. Рассказывал не один день, не одну долгую зимнюю ночь. Его внимательно слушали. Со временем все уверовали, что Мыыну не человек, а некий посланец, пришедший открыть им доселе неведомый мир. Как это раньше- то никто не задумывался, какой он- мир?

А потом Ихилган стал шиманом. И слушали его, и потрясал он великими чудесами.

Был запоминающимся, потрясающим тот обряд.

Ревело пламя в очагах. Помощники подготовили для шимана бубен- нагрели кожу, подтянули, потом Оллон лично нарисовал на бубне кровью изображение материнского оля. После этого стали готовить самого шимана. Усадили его на расстеленную шкуру, затянув потуже все ремешки на ритуальной одежде- дабы духи не смогли утащить. Затем помощники встали вокруг, начали петь, держа за длинные ремешки будто бы запряженного шимана.

Ака Ака сидел поодаль на своем кулане, испытывая волнение много больше ожидаемого.

Оллон раскачивался в трансе, вдруг вскочил, дергаясь в ритуальном танце. Помощники натянули ремешки. Оллон заклекотал, зарычал, затрясся, завертелся на месте, поскакал вокруг очага. И все узрели чудо. Ибо шиман уже был не человеком, а неведомым зверем. Зверь запел:

Духи, скорее сюда летите!
Духи, летите ко мне скорее!
Вас вызываю своею силой!
Дайте ответ, окажите помощь!

– Уууу-рррр, – зарычал зверь, бывший шиманом.

Потом все слышали низкий, нечеловеческий голос духов, вырывающийся из уст Оллона:

Сильны злобные духи, заградившие нам дорогу.
Обернись птицей Хоп, великий шиман!
Порви заслоны враждебные.
Тогда ответ ты узнаешь.
А мы будем рядом- поможем.

Оллон вскричал, закружился.

– Быстрее! Быстрее! – воскликнул он. – Вверх меня бросайте!

Помощники подняли шимана на руки и быстро понесли по кругу.

И вновь все поразились. Ибо не было Оллона, а была птица Хоп.

Взмахнув крыльями, она воспарила, вырвалась сквозь отверстие дымохода, поднялась в небесную высь, обозрела свысока всю сияющую мору. Потом полетела туда, куда указывали духи, где виднелся след. Быстрее ветра, меж иных пространств, среди многослойных небес, на волшебных крыльях. Стремительно летела, неслась птица Хоп в окружении благорасположенных духов, которые всегда склонялись перед могучей силой шимана- великого, повелевающего.

Вот дорогу заступили злобные духи- словно мерцающие ледяные фигуры.

– А ну-ка! Пропустите! – вскричал шиман.

– Не пропустим.

– Ах, так!

Шиман выметнул из-под крыла головню; духи огня бросились вперед.

– О-о-о! Проклятый! Величайший! Погубитель! – закричали ледяные фигуры. И стали шипящими лужами.

Шиман полетел дальше.

– У-у-л-ли! У-у-ли! – клекотал он, и трясся, и пел.

Самое трудное еще впереди.

Вихрилась снежная крупа, вспыхивали тут и там во тьме огни, всполохи, текучие покрывала света. Птица Хоп стала снижаться к морю, проносясь сквозь небеса.

И вот наконец они появились. Возникли из черной пустоты. Свирепые звери-духи. Этих так просто не проведешь.

Снова запел шиман:

Пропустите меня вперед,

Жестокие обитатели черных пространств.

Убирайтесь в ледяную бездну!

В силах ли вы тягаться

С великим шиманом Оллоном?

И отозвались звери:

О великий шиман

В образе птицы сияющей Хоп!

Не в силах мы, свирепые,

Совсем тебя одолеть.

Но знай, что много нас.

Надолго тебя задержим.

Или без боя пропустим.

Ведь ты велик и знаешь, что делать.

Выбирай же, великий шиман.

Страшная битва или...

– Не надо сражений, прошептал князец Ака Ака помертвевшими губами. У всех присутствующих замерло дыхание. Оллон приоткрыл один глаз и улыбнулся.

Страшные звери, слушайте!

Сразился бы с вами охотно.

Битва была бы славной.

Трепещите, ведь я победил бы!

Но сегодня мне некогда, звери.

Цель у меня есть иная.

– Тогда плати, – хором вскричали звери.

Шиман взмахнул могучими крыльями, завис, словно в раздумье.

– Так и быть. Чего же вы хотите?

– Ты знаешь. Только жрать.

– Знаю! Получайте и посторонитесь. Дорогу!

Птица Хоп понеслась вперед, на ходу отрывая клювом куски собственной плоти, швыряя их ненасытным зверям. Те хватали зубами кровоточащее мясо и с рычанием скрывались во тьме.

Это только орон, говорил себе Ака Ака, наблюдая как Оллон на плечах своих помощников вырывает из себя все новые куски мяса. Орон, тот самый- чаалкэ, жертвенный...

Но князю было не по себе, по лицу его катились жирные капли пота. Он, как и все, видел, что шиман не просто извлекает мясо откуда-то из-под одежды, а разрывает собственную, живую плоть. Огонь по-прежнему ревел, бросая страшные тени на багровые пятна света, мечущиеся по черным, закопченным стенам. Дым и копоть.

Путь был свободен. Невредимая птица Хоп опускалась к морю. Далеко от того места, где телесно пребывал шиман Оллон. Там виднелось несколько сопков, корявый лес, стадо диких уликов бежало в долину. Откуда-то из-за леса вился дымок костра. Птица Хоп устремилась в ту сторону.

...Близился обряд к завершению. Оллон шел вокруг очага, движения его замедлялись, тише звучал голос, медленнее ударял он в бубен.

Духи- помощники, вас отпускаю.
Славную помощь вы мне оказали.
Духи парящие, невидимки,
Вольно летите теперь обратно.

Шимана вновь усадили на шкуру, замкнули уста специальным действием, раздели, очистили.

Наконец Оллон пришел в себя.

– Ну вот, – сказал он обычным голосом, – я справился. Дайте скорее мне пить чистой воды!

Ака Ака вскочил в нетерпении, но торопить не стал. Он еще не совсем избавился от наваждения и сейчас смотрел на шимана с некоторой опаской и даже восхищением. Оллон поднял голову и улыбнулся.

– Говори, – не вытерпел Ака Ака.

– Был я птицей Хоп, далеко летел, указали мне духи путь. Спустился я и сам все видел. Духи сказали правду, – Оллон устало повел головой, ему сунули жирный, дымящийся кусок мяса. Он продолжил:

– На востоке, в местности зовущейся Тарвой скрылся беглец. Скрылся вместе с охотниками Акаром и Кыртаком. Недавно Акар скрадывал улика при помощи дулды. Толкал перед собой щит на полозьях, смотрел в прорези. Удачной была охота. Теперь братья сидят у костра, жуют мясо и смеются, довольные. Твой беглец с ними. Режет мясо ножом у самого рта и хохочет. Так я видел.

Ака Ака побагровел, потом, однако, злорадно воскликнул:

– Ага, значит, я был прав!

– Истинно.

– Спасибо, Оллон. Ты самый великий шиман. Щедро тебя вознагражу!

Довольный Оллон с воодушевлением впился в мясо остатками зубов.

– Ну, теперь не уйдет, – зловещим тоном сказал Ака Ака.

Толстые губы его растянулись в яростной ухмылке.

Время шло. Высоко забравшееся уже солнце словно бы обещало: непременно, непременно придет тепло. Скоро, скоро!

Небо было таким ярким, глубоким и чистым. Невозможно долго оставаться мрачным под таким небом. Руоль невольно, хоть и редко, но улыбался иной раз, когда взгляд его устремлялся ввысь. Целую долгую зиму, целую жизнь он не видел этого неба. Полной грудью вдыхал свежий, с запахом грядущего тепла воздух, от которого уже и отвык. Столько времени втягивал в себя колючий, сухой, морозный, а вот он- настоящий воздух!

Снега сверкали, нестерпимо сверкали под ярким солнцем, вся мора была наполнена ослепительным сиянием. Выходя на равнину, Руоль надевал сурапчи, как того требовало даже название луны, – козырек с узкими прорезями для глаз, чтобы снега не поразили слепотой. Свет повсюду. Будто компенсация за всю черную темную зиму. И скоро такой внешне неизблемый покров снега загорится в этом сверкании, станет исчезать, и расколются прочнейшие льды. Снова. Как и должно быть. Освободится мора от белой зимней шубы- неравномерно, постепенно, не везде, – и замрет на время. Перед буйным пробуждением. И родится тогда эдж-великая, радостная песня.

Время шло к теплу. Перевалила за половину луна Сурапчи. Руоль поселился в Архатахе, уже освоился, пообвыкся. Он, правда, до сих пор искал лучшее место, где мог бы поставить неподвижное жилище. Осесть окончательно. Власти в эту землю корнями печали и изгнания.

Пока он обитал на склонах Архатаха, обращенных на север. Каждый день сквозь прорези козырька смотрел на тонушую в сиянии мору. Нет, говорил он себе всякий раз, нельзя оставаться тут, видеть это постоянно. Надо уходить на другую сторону. Лучше уж смотреть все время на Турган Туас.

Но Руоль не сразу решился. Ему так трудно было окончательно порвать последнюю, призрачную связь. Он не представлял себя без этого, ему нужно было видеть мору- ее белое, голубое, золотое сияние, где глаз, теряясь в пространствах и потоках света, не мог определить никаких границ. Каждый день. Знать, что она рядом, по-прежнему никуда не делась. Грустить, глядя на нее, изводить себя, и все же вновь и вновь приходить, замирать надолго на склоне, как правило, в вечерние часы, и смотреть, просто смотреть, ничего не делая. Глупо, конечно. Архатах, в конце концов, тоже мора. И даже то, что за Архатахом- все еще мора.

Однако Руоль не спешил перебираться на ту сторону. Он охотился целыми днями, смотрел за своими оронами, готовил еду, что-то мастерил, что-то чинил. Иногда просто бродил без дела, поднимался и опускался по склонам, выходил на равнину, забирался на снегоступах в корявый лес, где и зимой, и в тепло одинаково трудно ходить- настолько переплелись стволы и выпирающие корни искореженных деревьев, напоминая чудовищно запутанную рыболовную сеть. Зимой в таких местах всегда очень много снега. Даже на снегоступах ходить тяжело, а порой и опасно. Но зверь в таких местах водится, и охота часто бывает удачной, если повезет не утонуть в сугробах и не переломать ноги.

Как-то вечером Руоль сидел на облюбованной, торчащей из снега коряге (место вокруг было уже изрядно утоптанно) и в привычной тоске смотрел на мору. Солнце садилось на западе, в краю жутких болот, о которых ходят мрачные легенды, ибо там обитают духи (а кто еще может жить в таких местах?). Вся мора, ее плоские равнины, ее холмы, силуэт огромной, похожей на кочку Серой Горы на востоке, все это вдруг залилось красным светом. Нежный, мягкий покров вечернего света ложился на снега, медленно отступая, вытягивая за собой длинные тени. В этот раз вовсе не нежным показался Руолю спокойный, приятный свет вечера. Он был зловещим, тревожным в его глазах. Руоль вскочил. На раскрасневшемся от ветра лице его проступили белые пятна, словно следы обморожения.

Вот. Вся бесконечная, величественная мора лежала под ним. Лучился над нею алый свет. Тени двигались, делая снега голубыми, потом синими, заставляя их темнеть все больше, и в них, как звездочки, вспыхивали блики, и алый свет колыхался, протягиваясь куполом по небу. Горизонт исчезал в туманной дымке.

– Кровь, – прошептал Руоль, – там кровь. А я сижу и смотрю туда. Нет! Суо!

Руоль затрясся, резко отвернулся и почти бегом устремился в свой торох, чтобы тут же с головой забраться в теплый кутуль- спальный мешок из ороньих шкур.

Не найти успокоения.

Опять и опять видеть лица. Руоль ворочался, не в силах расслабиться. Лишь усилием воли он не позволял себе закричать в голос, только глухое мычание прорывалось время от времени, когда совсем уже невольно становилось. Словно бы он страдал от ужасной физической боли, однако эта боль была намного глубже. Истинный Джар. Боль.

Руоль стонал, корчился, пока, наконец, не провалился в сон. Но сон был беспокойным. Злые духи преследовали его и там. Нападали один за другим. Бросались, впивались в беззащитного.

На следующий день Руоль был весь черен лицом, он был слаб и шатался, руки его дрожали.

Это был двадцатый день луны Сурапчи- Суама, день стада домашних оля. Именно в этот день Руоль принял решение, оборвал последнюю нить. Прочь. Не видеть больше северных пределов моря. Дальше на юг, выше, в глубь Архатаха, на ту сторону. Найти там хорошее место, поставить жилище, осесть. И если доведется кочевать, то далеко, далеко от прежних, некогда дорогих сердцу мест.

И Руоль отправился вверх по тропам Архатаха, не оглядываясь назад, вместе с верными Куюком и Лынттой, думая со всей обреченностью, что этот отрезок окажется последним в его пути.

А духи по-прежнему преследовали его, дышали неземным холодом в самую спину. Руоль пытался умиловить духов. Кормил их, просил, рыдал или кричал:

– Оставьте меня! Оставьте!

Но духи не оставляли. Кусали, грызли, насылали злые сны. А в тех снах почти каждую ночь являлись Руолю лица, образы былого, нещадно тянули его в прошлое.

Жил в море жизнерадостный, сильный, свободный как ветер луорветан, которого звали Урдах. Потом его чаще называли отец Стаха, поскольку его старший сын носил такое имя. Среднего сына Урдаха звали Саин, младшего- Руоль. Была у него еще дочь- Туя- ровесница- двойняшка Стаха, старшего сына, и другая дочь- Унгу, – годом младше маленького Руоля. Жену Урдаха звали Айгу.

Удачливым охотником был Урдах, и веселым человеком. Его взрослый сын Стах тоже был охотником. Старшая дочь Туя ушла из родительской семьи, выданная замуж за Аку Аку- весьма богатого луорветана, год от года становящегося все богаче. Знакомые с Урдахом люди говорили, что растет уважение к Аке Аке, что выгодно отдать дочь за такого человека. Ака Ака увидел Тую случайно на празднике во время эджа, и вскоре родителям пришлось решать судьбу дочери. Сам Урдах мало что знал о будущем родственнике, но ничего плохого не слышал, многие даже хвалили. К тому же, Туе жених приглянулся, а для доброго Урдаха это было немаловажно. Так Туя и стала женой Аки Аки, который до того времени вдовствовал, и от первой жены у него была дочь- ровесница Унги, младшей сестры Руоля. Ему было пять зим, а Унге четыре, когда старшая сестра Туя, которой исполнилось семнадцать, вышла за Аку Аку. Он тогда тоже был молод, моложе тридцати. Со временем он действительно становился все богаче, все влиятельнее. Наконец стал князем, объявил своими многие земли, начал распоряжаться свободными луорветанами по своему хотению. Говорили, что его уже не узнать и что им завладели духи. Впрочем, жену свою он любил и относился к ней хорошо. А больше всех он любил свою единственную (ибо Туя так и не понесла) дочь Нёр- ни в чем она не знала отказа.

Урдах ошибся. Никакой выгоды оттого, что заимел такого богатого, могущественного родственника он так и не получил. Семья его так и осталась бедной, потому что в основном они жили только охотой, а она бывает разной- когда удачной, когда нет. Скиталась, кочевала

по бескрайней море семья Урдаха. Через три зимы после свадьбы дочь Туя традиционно навестила родителей. Приехала с подарками, в роскошной одежде, незнакомая, прекрасная. Изменилась Туя, отдалилась, хоть и рыдала сперва на груди матери, хоть и выслушивала со смирением, как счастливый отец журит непутевую дочь, чтобы скрыть радость и волнение. Но Туя теперь была другой, она и говорила по-иному. Она теперь была госпожой.

Погостила, а потом уехала, не задерживаясь излишне. И позабыла родителей.

Пришли суровые зимы. Невыносимые холода даже для привычных луорветанов, которые с раннего детства ползают в сугробах, с вечно обмороженными щеками и носами. Всем жителям моря пришлось тогда тяжело. Даже Ака Ака терпел лишения, впрочем, он тогда уже встречался с Высокими, да и в любом случае, особый голод ему не грозил. Но в той или иной степени доставалось всем. И уж естественно, беды не могли не коснуться семьи Урдаха, которой и в лучшие-то времена не особенно сладко жилось.

Сначала заболел средний сын Саин. Болел тяжело, и с каждым днем ему становилось все хуже. Горевали родители, но ничего не могли поделать, чтобы вырвать Саина из холодных когтей болезни. Почти все добытое на охоте Урдах отдавал духам. Но даже это не помогало.

В ту зиму семья кочевала далеко ото всех, но случилось чудо- их нашла известная шиманка по имени Кыра. Молодая, но уже очень сильная.

– Проведала про твоё несчастье, добрый Урдах, – сказала она. – Я помогу, однако придется тебе кое-чем пожертвовать.

– Что угодно, – сказал Урдах.

– Твой молодой черный орон.

Кроме упомянутого орона, которого так и звали- Харгин, у Урдаха оставалось всего три олья: самец, самка и туют- ороненок. Урдах, не задумываясь, сказал:

– Бери.

– Мне он не нужен, – покачала головой Кыра. – Саин болен. Я возьму его болезнь и загоню в харгина. Потом ты отпустишь его на волю. Олья выживет, присоединится к уликам, будет свободно жить и бегать где захочет. А твой сын выздоровеет. Но только отныне он будет связан с этим ороном. Если с харгином что-нибудь случится, болезнь вырвется и может вернуться. Но может быть, и уйдет куда-нибудь еще. Поверь мне, это лучшее, что я могу сделать. Иначе Саин умрет.

– Прощу тебя, сделай так, как нужно.

И Кыра все сделала. Урдах отпустил орона на волю, когда в нем оказалась болезнь Саина, и тот убежал. Впервые за долгое время Саин уснул спокойно.

– Чем мне отблагодарить тебя? – воскликнул Урдах позже.

– Не надо меня благодарить, – отвечала Кыра и странным, долгим взглядом посмотрела на Саина, а потом на Руоля, сидящего вместе с сестрой у стенки за очагом.

После Кыра добавила:

– Урдах, отныне можешь не отдавать большую часть своей еды духам. Саин поправится. Если будет нужно, я сама стану говорить с духами за тебя, где бы я ни была. А ты должен кормить семью.

И Кыра уехала в холодную ночь. Урдах послушался. Возможно, именно это позволило им протянуть ту зиму.

Но на следующую зиму случилось новое несчастье. Может, духи обиделись, что им не уделяется должного внимания, может, Кыра забыла свои слова и больше не держала Урдаха и его семью под защитой.

Как-то Стах- старший сын, отправился на охоту и за запасом дров заодно. Он по-прежнему жил в одном жилище с родителями, кочевал вместе с ними и был холост.

– Разве ж я вас брошу? – говорил он.

Он был прав. Отец- то старел, а семью надо было кормить. Саин что-то не проявлял способностей к охоте, а Руоль когда еще подрастет. Стах был опорой семьи.

Мать иногда говорила:

– Почему не привести жену к нам? Все вместе бы жили.

– Лишний рот, – огрызался Стах и мрачнел. Он понимал, что говорит неправду.

– Э-э, помощница бы была, -качала головой Айгу.

И вот Стах пошел на охоту. Ушел и не вернулся. Спустя какое-то время забеспокоившийся Урдах отправился следом и нашел сына замерзшим насмерть.

Не так-то обычно это для луорветана. Даже в самые сильные морозы он выживает. И заблудиться в море луорветан не может. Даже если застигла пурга, и нет огня и негде укрыться- зароется, бывает, в снег и сидит, пережидает. Да и одежду этот народ жизнь научила делать такую, что превосходно сохраняет тепло в любую стужу.

Но Стаху не повезло. В суровые зимы звери становятся лютыми. На молодого охотника набросилась стая голодных хищников. Он, конечно, отбил, но был ранен. А потом сломал ногу, неудачно упав (а дело было на сопках, в корявом лесу) и запутался в деревьях, как в силках. Он еще пытался зарыться в снег, зная, что отец его обязательно отыщет, но прямо под ним, совсем неглубоко оказались выпирающие корни и лежащие стволы. Они не позволили Стаху уйти вглубь, более того, он даже шевелиться почти не мог. Так и замерз.

Отец был убит горем. Он враз постарел, заметно сдал, ослаб, исхудал. Больше не был веселым и жизнерадостным. Стал тихим, мрачным и замкнутым. Айгу была не лучше. Может быть, только забота об остальных детях не позволила ей окончательно сломаться.

– Дитятки мои, – часто рыдала она, обнимая их. Руоль и Унгу еще не особенно понимали, что случилось, но тоже плакали в голос.

– Урдах, муженек мой, – сказала однажды Айгу, – совсем вышли припасы. Чем детей кормить?

Урдах поднял голову, посмотрел... потом встал и отправился на охоту. Теперь он снова, как в былые времена, был единственным добытчиком. Нет больше Стаха. Молодого красавца Стаха.

Так, помаленьку, жила семья. Но однажды вернулся Урдах с охоты весь мрачный, черный. Принес тушу сэнжоя- самца дикого орона. Обрадовалась было Айгу, но потом глянула в лицо мужа и замерла.

– Ох! Что произошло, муженек мой?

Урдах молча показал на тушу. Прошел к очагу, повесил котелок, уселся. И только потом сказал:

– Вари мясо, жена. Пировать будем.

И позже, много позже он сообщил:

– Не должен я был того орона убивать.

– Почему? Что такое?

– Тень древнего шимана была в нем, странствовала по море в виде сэнжоя. А я откуда мог знать? Убил орона, стал веселиться, радоваться. Вдруг слышу голос: «Как посмел убить моего сэнжоя? Как посмел лишить меня тела? Не будет тебе больше удачи в охоте!»

– О! – Айгу испуганно поднесла ладонь ко рту. – Зачем же мы его ели?

Урдах криво усмехнулся.

– А что, пропадать ему? Что сделано, то сделано. Назад не воротишь. Может статься, не доведется больше так сытно есть.

– Что ты говоришь? Неужели нельзя ничего сделать? Неужели не обойдется? Может, прощения просить? Искать помощи! Может, Кыра поможет? Помнишь, как она спасла нашего сына? Разве оставит в беде?

Урдах вдруг расхохотался.

– Нет! Не дождемся мы помощи. Да и кто из нынешних шиманов захочет и сможет схватиться с древним?

– Пропали мы? – тихо спросила Айгу.

Урдах угрюмо встал, выпрямился.

– Ну уж нет. Не собираюсь опускать руки. Буду охотиться. Все время, если будет нужно. Упорство мне заменит удачу.

С гордостью смотрела Айгу на своего мужа.

Однако с тех пор действительно не было ему удачи в охоте. Урдах, конечно, добывал кое-что- изредка даже удавалось наесться до отвала, – но самым напряженным трудом. Урдах стал совсем мрачным, старел на глазах, все большая тяжесть ложилась ему на сердце. Никто не мог облегчить ее, даже милая, заботливая и любящая Айгу. Любящая так же сильно как в те далекие дни, когда они встречались на цветущем просторе- молодые, сильные, у которых все еще было впереди, когда им сияло самое яркое солнце, в самую светлую пору их жизни.

Давно это было. Иной раз они вспоминали те счастливые времена, забывая на мгновения о теперешних невзгодах, и нежные, теплые улыбки ложились на их лица, делая их моложе, а вокруг ревели ветра, стонала злая ночь, снега, снега без края.

Однажды во время тепла, в луну Ыргах тыйа, когда появляются злые жалящие ыргахи, Саин, который теперь был старшим сыном, и действительно подросший к тому времени (он был на пять зим старше Руоля), пришел к родителям и сказал:

– Надоело так жить. Вечно брюхо от голода сводит. Голова от голода кружится. Скоро даже встать не смогу. Ношу обноски. На эдже людям на глаза стыдно показаться. Не хочу больше.

– А ты бы охотился, сыночек, – промолвила мать. – Научился бы у отца. Может, была бы у тебя своя удача.

– Не умею! Зверь от меня бежит, и все тут!

– А ты бы учился. У отца есть умение, он бы тебе передавал. Его умение да твоя удача... зажили бы опять, сыночек.

Саин фыркнул.

– Зажили бы! Это когда же мы нормально жили? Да и сколько ждать? Пока там еще умение придет. С голоду подохнуть можно!

Отец все это время слушал молча и нахмурено. Теперь он спросил:

– А ты, я вижу, что-то решил?

– Да. Я ухожу.

– Куда, сынок? – мать всплеснула руками. Отец нахмурился еще больше.

– К Аке Аке. У него буду жить. Хорошо живут его люди! Всегда буду ходить с выпуклым животом. Всегда буду весь перемазан жиром. Небось, сестра моя еще меня не забыла. А Аке Аке, конечно, нужны такие молодцы как я!

Навернулись слезы на глаза Айги. Урдах долго молчал, опустив голову (Саин, вызывающе стоящий перед родителями, напустив на себя дерзости, немного даже испугался), наконец он сказал:

– Сам додумался? Или кого на эдже встретил?

– Это дело решенное, – бросил Саин.

– Что ж, иди.

Айгу посмотрела на мужа, потом повернулась и сказала:

– Лишь бы тебе было хорошо, сыночек.

Саин помялся на месте, вдруг растеряв решимость, а затем развернулся, сверкнув глазами, и выскочил прочь.

Так Урдах и Айгу потеряли еще одного сына.

Стали жить вчетвером, все так же кочуя по бескрайней море. Руоль и Унгу, как могли, помогали родителям. В последнее время часть прежней охотничьей удачи будто бы вернулась к Урдаху, он стал приносить больше добычи; Айгу занималась домашними делами, Унгу помогала ей, а-то ловила вместе с Руолем рыбу. Временами уловы были хороши, так что не все сразу съедалось, а кое-что удавалось наготовить впрок.

Семья продолжала жить и, казалось, худшие времена остались позади. Даже зимы стали мягче.

Но, видно, не забывали Урдаху злые духи. А он не был шиманом, а простому луорветану трудно бороться с духами.

Но простой луорветан взамен шиманской силы имеет другое оружие- неведение. Впрочем, не столько оружие, сколько щит перед грядущим, который не позволяет предаться отчаянию раньше времени.

Не имея шиманской силы, простой луорветан хотя бы и не ведает свое будущее.

Ака Ака отправил на восток, к Тарве, лучших своих калутов- воинов. Ускакали они с громкими кличами по искрящимся снегам, и князец смотрел им вслед. Теперь он ждал и не находил себе места. Всею душой он рвался отправиться с ними на поимки беглеца, однако, поразмыслив, от этой затеи отказался и остался в стойбище. Не подобает степенному князю метаться по море, достаточно поскакал в свое время, упрочивая свое положение. Вот так должно быть: сидит Ака Ака на одном месте и отдает приказы. Уходят калуты по тем приказам и приходят со связанным злодеем. Ака Ака доволен. Недаром едят с его очага верные калуты.

Но вот идут, идут дни... до Тарвы путь, конечно, неблизкий, но как тяжело ждать!

Хотел Ака Ака и Оллона- шимана отправить вместе с отрядом, но тот рьяно воспротивился.

– Нет! Нельзя мне! – и принялся непонятно объяснять, почему именно нельзя. Все о духах, о злых тенях, о путях шиманов, которые всегда знают, где им надо быть, а где нет.

Стало быть, сейчас присутствие шимана было необходимо в стойбище Аки Аки, поскольку Оллон не спешил покидать богатого князца и уезжать восвояси. Зачем спешить? Еда здесь изрядная, можно и погостить, такое ведь дело совершил. Оллон уже начал задумываться, не отправить ли людей, чтобы перенесли кочевку шимана сюда, в Сылу. Такое ведь происходит вокруг, – неужто он, Оллон, оставит без помощи, без поддержки давнего друга?

Был день Нэкчин- день самца улика, лишившегося рогов, двадцать восьмой день луны Сурапчи. С утра неожиданно начался обильный мокрый снегопад. Вся мора исчезла в сплошной завесе крупных белых хлопьев. Сверху пробивался размазанный свет. День был теплым, тихим и почти безветренным.

Ака Ака делил трапезу с шиманом Оллоном и прибывшим недавно с охот молодым сильным воином, которого князец называл порой своим сыном. Сытно ели, обсуждая разные дела. Молодой воин говорил:

– Удалась охота. Шкур взяли немало. Удачно их продашь Высоким, отец мой.

Ака Ака рассеянно кивнул. Воин продолжал, вдруг нахмурясь:

– Дерзкий Тэль и его стойбище не хотели платить...

Князец сдвинул брови.

– И что?

– Поучили маленько.

Губы воина растянулись в злой ухмылке. Ака Ака хлопнул его по плечу.

– Правильно. Впредь будут знать.

– А задумают против идти или разбежаться, найдем всюду. Так я им сказал, – процедил воин, и глаза его жестоко сверкнули.

– Хорошо. Давно пора было пострадать этого Тэля. Но хватит об этом, – Ака Ака повернулся к шиману. – А скажи мне, Оллон...

Вдруг без предупреждения вбежал калут и застыл, глотая ртом горячий воздух, пытаясь перевести сбившееся дыхание и что-то вымолвить.

Вскочил трапезничающий воин; Ака Ака грозно уставился на калута и рыкнул:

– Эй, ты! В чем дело! Почему!

Калут попятился, но все-таки обрел наконец дар речи и выдохнул:

– Идет! Идет!..

Ака Ака раскрыл рот. Кто? – бросилось в голову. Неужели уже вернулись? Поймали? Да ведь рано еще!

– Говори! – вскричал он.

Калут смотрел в немом ужасе.

– Ты слышал? – рявкнул воин. – Отвечай! Кто идет?

– Ш-шиман! – и калут спиной вывалился наружу. Летящий за пологом снег словно бы растворил его, поглотил как некое течение.

Все переглянулись в наступившей тишине.

– К-какой еще шиман? – зашевелился Оллон, до этого уютно возлежавший возле очага.

– Сейчас разберемся, – сказал воин и двинулся наружу.

Внезапно полог откинулся, будто бы сам по себе, и черноволосому, плечистому молодцу с тугой косой пришлось отступить обратно. Там, снаружи, был только снег. Валящий хлопьями в сумрачном свете. Но вот из этого тусклого, рябящего, обманывающего глаз сияния выступила присыпанная снегом фигура. Человек шагнул внутрь, снял треух и стал неспешно отряхиваться. Полог за спиной неожиданного гостя качнулся на место, отрезав их от зыбкого, кружащегося снежного дня. Лишь в дымовом отверстии среди коптящего дыма пронеслись и исчезали белые хлопья.

Гость продолжал отряхиваться; все увидели теперь, что это очень старый, но выглядящий удивительно здоровым и сильным невысокого роста луорветан с длинными белыми волосами и бородой. Незнакомцем он не был. Его узнали сразу, и на всех лицах отразились разные, но в чем-то похожие чувства.

– Арад-би, Ака Ака! – весело, совсем не слабым старческим голосом сказал гость.

Князец пришел в себя и натянуто улыбнулся.

– Арад-би, шиман Тары- Ях! Садись, обогрейся с пути, обсушись, подели с нами пищу.

Шиман кивнул, легко прошагал к очагу, присел.

– Будь почетным гостем! – воскликнул Ака Ака и признался: – Хотя, по правде сказать, не ожидал.

Тары- Ях усмехнулся.

– Знаю. Но ведь тебе известно, что я тут поблизости нахожусь.

– Да, конечно. Только... обычно шиманы не приходят просто так...

– Ты прав, я по делу.

– Ладно, – Ака Ака снова улыбнулся, – но это после. Сначала гостя нужно напоить- накормить. Не хочу, чтобы люди потом говорили, что Ака Ака плохо встретил такого знаменитого шимана, – он искоса глянул на Оллона, в напряжении застывшего на шкуре. – Садись поближе, дорогой, Тары- Ях!

Тот посидел молча, потом серьезно сказал:

– Я возьму пищу с твоего очага.

Князец моргнул, а потом опять улыбнулся, глядя на шимана со всем дружелюбием.

Тары- Яха он не любил, почти ненавидел. Оттого что боялся. Ибо это был шиман. Ака Ака иной раз побаивался всех шиманов, искренне веря в их силу, но все они были для него живые люди, и только перед мифическими, легендарными шиманами древности князец испы-

тывал подлинный суеверный страх и трепет. А Тары- Ях в глазах Аки Аки как раз и был каким-то древним шиманом во плоти. Кто знает, говорил он себе иногда, может, в нем тень самого Ихилгана. Шиманы живут не как обычные люди и умирают необычно. Или вовсе не умирают. Кто его знает. Разное говорят. И много легенд ходит о Тары- Яхе. Сам он себя никогда, в отличие от Оллона, не называет великим, но все луорветаны с уважением, с тем самым трепетом говорят о нем, передают из уст в уста чудесные истории, шепотом произносят: истинный шиман.

Еще за то не любил Ака Ака Тары- Яха, что действительно считал его ровней себе, самым лучшим из известных ему шиманов, лучше всех, которыми владеет Ака Ака, вместе взятых. И при этом он на самом деле свободен. Никогда не удавалось князю накинуть на него, как на других, свои невидимые арканы- чуоты, более того, зловерный шиман вообще обычно отказывался иметь какие-либо дела с Акой Акой. Смеет его игнорировать, а князец и поделаться ничего не может.

И вот сейчас- поди-ка ты- исключение.

А еще Тары- Ях, как известно, весьма дружелюбно относился к подлому злодею, которого сейчас разыскивают, что тоже важно.

Но теперь шиман здесь, что бы его ни привело, явился лично, и Ака Ака готов был внимательно и с уважением выслушать.

– Ну вот, теперь я сыт, – произнес Тары- Ях, едва притронувшись к угощению. – Можно и о деле.

Он вытер пальцы и в красноватом полумраке внимательно посмотрел на князца, отчего тот почувствовал себя крайне неудобно.

– Ты удивляешься, зачем я пришел.

Он помолчал, потом вдруг повернулся к Оллону и обратился к нему:

– Быть может, ты знаешь, зачем я пришел? Говорят, ты великий, знаменитый шиман, и воистину велика твоя слава. Недавно ты совершил сложный обряд, достойный такого большого шимана. Скажи, зачем я пришел?

Отчего-то Оллон съежился на своей шкуре, заметались его глаза. Тары- Ях спокойно, выжидающе смотрел на него. Ака Ака тоже взглянул, как бы говоря: ну-ка, покажи ему! Ты ведь мой лучший шиман!

Оллон уже проклинал решение задержаться в гостях. С другой стороны, он действительно считал себя великим шиманом и, хотя обнаружил вдруг, что не имеет ни малейшего понятия, зачем пришел Тары- Ях, все же не мог ударить в грязь лицом. Он помедлил в раздумье, потом выпрямился со всем достоинством и отвечал:

– Какая-то недобрая тень набежала на мои глаза. Думаю, это неспроста.

– Само собой, – улыбнулся Тары- Ях и кивнул.

– Думается мне, здесь собираются злые духи, – угрюмо и многозначительно молвил Оллон.

Тары- Ях снова кивнул, с еще большим удовлетворением.

– Может быть, Оллон, может быть.

Вдруг он поднялся.

– Ну ладно. Медлить больше нельзя. Придется разомкнуть уста и сказать то, что одна моя половина не желает произносить, а другая попросту дрожит в великом страхе. Я пришел, Ака Ака, чтобы сказать правду.

– Какую правду? – князец заметно напрягся.

– О деле, которое ты нынче считаешь самым важным. О поимке беглеца.

– Что? Ты? Пришел сказать мне?

– Тихо. Лучше слушай меня. Ты отправил своих людей к Тарве, как сказал тебе Оллон. И напрасно. Кыртак и Акар действительно в тех местах, но того, кого ты ищешь, там нет. Оллон- могучий шиман, но на этот раз духи обманули, перехитрили его.

Ака Ака почесал голову.

– Ты же его другом был! Неужто стану тебе верить?

– Правильно, – встрял Оллон, которому возмущение придало сил. – Духи обманули? Меня?!

– Молчите, – спокойно сказал Тары- Ях. – Ака Ака, ты знаешь, кто я. И ты мне веришь.

– Верю, – внезапно согласился князец, – хотя не представляю, какие у тебя причины. Пути шиманов мне неведомы. И... неужели ты даже скажешь мне, где он на самом деле скрывается?

– За этим я и пришел.

– Это ложь! – вскричал Оллон- Все ложь! Не слушай ничего, что он скажет! Я тебе указал верный путь, а он, понятно же, хочет сбить тебя со следа, ведь они друзья со злодеем!

– Где его искать? – спросил Ака Ака, не обращая внимание на беснующегося Оллона.

– На юге. Он забрался на Архатах и сейчас живет там. Отправь людей, вот его людей, – он указал на застывшего молодого воина, – и вскоре ты убедишься сам.

– Значит, ты встречался с ним, и он рассказал, куда направляется. Но я не пойму, почему ты?..

– Нет, Ака Ака. Я уже давно его не видел. Но я знаю. А что касается предательства... этот груз навсегда останется со мной. Но так нужно, и это не моя воля. Беглец должен встретиться с твоими людьми, и они толкнут его на новый путь. И грядут в нескором еще будущем великие изменения. Того будущего я боюсь, но вот сам иду ему навстречу. Так предопределено. Все мне открылось.

– Ничего не понял, – моргнул Ака Ака.

Тары- Ях печально улыбнулся.

– Ты правильно сказал, что неведомы пути шиманов. Даже Хот не знает путей шимана. Я сейчас здесь и сказал тебе истинную правду. И ты знаешь, что я не соврал. Считай, Ака Ака, что духи заставили меня пойти на это.

– Да-а, – протянул князец, – теперь понимаю. Справедливость должна быть. Духи все знают. Тебя- подумать только! – тебя послали донести до меня правду!

– Да, наверное, все так, как ты сказал, – со странной улыбкой произнес шиман.

– Не слушай Тары- Яха! – вскричал Оллон- Он все наврал! Заставил поверить!

– Значит, Архатах?

– Архатах.

– Будь ты проклят, Тары- Ях! Вот я тебя испепелю!

– А? Что, шиман Оллон? Ты предлагаешь мне поединок? Будем биться по-шимански? Знай же, я прямо сейчас могу лишить тебя всей твоей силы, сколько бы ее ни было. Поединок?

Оллон растерялся, поняв, что перегнул- не готов он к поединку, боялся, попросту говоря. Своего шимана спас Ака Ака.

– Перестаньте. Вы оба- великие шиманы. У нас одно дело. Зачем ссориться? Великий шиман Оллон, я хочу, чтобы ты все проверил. Может, правда злые духи набросили на тебя тень, пытаются обмануть, боясь твоей истинной силы. Но ты, конечно, сможешь их прогнать и все узнать. Соверши обряд и сбрось тень. Я полагаюсь на твои слова.

– Посмотрим, – скрипнул зубами Оллон и с достоинством, но стремительно выметнулся наружу со словами: – Но я немедленно уезжаю к себе.

Тары- Ях с улыбкой посмотрел ему вслед, а князец задумчиво произнес:

– Ничего, ничего, он скоро отойдет.

Шиман сказал:

– Я тоже уйду. Правду я донес до твоих ушей, теперь думай, – он двинулся к выходу, у самого порога остановился, обернулся. – Да, кстати, Ака Ака... отпусти Тыкеля. И Тынюра, и Чуру. Ты напрасно их держишь. Мне пора, прощай.

И столь же внезапно исчез шиман, как и появился. Что-то в тоне последних его слов не понравилось Аке Аке. Настолько, что пот прошиб.

– Отпущу, – произнес он похолодевшими губами, обращаясь к закрытому порогу. – Действительно, зачем они мне. Пускай уходят.

Аку Аку вдруг передернуло, он провел рукой по лицу, отгоняя наваждение, потом запустил пятерню в блюдо с мясом.

– Отец мой, ты поверил ему? – спросил воин, все это время молчавший.

Ака Ака медлил с ответом, задумчиво глядя в огонь. А что сказать? Он и вправду поверил.

Воин присел рядом; Ака Ака наконец повернул голову и сказал:

– Поверил- не поверил, значения не имеет. Что изменилось? Люди к Тарве уже отбыли. Пускай уже проверят. Может, Оллон сказал правду- обряд-то хорош был. А может, прав Тары- Ях.

– Или это какая-то ловушка, нет?

– Не знаю. Не думаю. В любом случае, стоит проверить и Архатах.

– Дозволь мне, отец. Не подведу.

– Я тебе верю больше всех. Если бы ты не отсутствовал, ты бы отправился к Тарве.

– А вдруг это и к лучшему? Если он на Архатахе...

– Надеюсь.

– Верь мне, отец. Ничто меня с ним не связывает и не связывало никогда. Только тебе я предан. Если он там, найду, притащу, брошу к твоим ногам. Никакой пощады, только ненависть в моем сердце.

– Нисколько не сомневаюсь в тебе. Теперь я почти спокоен, зная, что дело в твоих руках. Что ж, бери своих людей и отправляйся в путь, как только будешь готов.

– Я готов в любой момент, отец мой.

– Тогда завтра. Удачи тебе, Саин. Духи за нас, и они тебе помогут. Поймай негодного Руоля.

– Скоро ты его увидишь, – сказал Саин, с почтением склоняя черноволосую голову на богатырских плечах, – посаженного на цепь.

Князец и воин кивнули друг другу.

Морозным выдался день, но безветренным. Небо очистилось после тяжелых снеговых туч, застывший воздух был колюч и прозрачен.

Немолодые, устало сутулящиеся, стояли рядом Тынюр и Чуру- бездетные супруги, бывшие работники Аки Аки. Тынюр в свое время был пастухом- пас тучные стада князца, а в последнее время нанимался разнорабочим, но в постоянных калутах не числился и жил всегда за стойбищем, отдельно.

Теперь он был свободен. Ни калут, ни наемный рабочий, вообще никто.

Ака Ака ясно дал понять, что гонит его прочь и надеется никогда больше не увидеть. Живи как знаешь.

– Ох-хо... да... – вздохнул Тынюр, почесывая шапку на затылке.

Они стояли с Чурой- печаль на лицах- и издали смотрели на богато раскинувшееся стойбище.

– Во дела, старуха! – на плоском лице Тынюра вдруг появилось лукавое выражение. – А все-таки мы победили Аку Аку! Запугать не смог, пришлось отпустить.

– Что болтаешь? Похваляешься, дурак безмозглый! Выгнали нас просто, вот и все. Как жить теперь будем?

– Не беда, проживем. Всегда ведь жили.

– Ничего не понимаешь! Еду ты от кого получал?

– Да... а может, вернуться? Простит еще, а?

– Дурак опять! Простит! Не знаешь ты Аки Аки. Радуйся, что хоть живым ушел. Нет уж, лучше убираться пока целы.

– Правильно говоришь, старуха. Все равно проживем. Я ведь охотиться стану.

– Охотник из тебя...

– А чего! Не совсем еще старик.

Они продолжали спорить, пока Тынюр вдруг не брякнул:

– А ведь это из-за Руоля все.

Чуру сразу изменилась в лице.

– Ты Руоля не трогай, глупый ты старик. Он нам как сын был.

– Да, – кивнул Тынюр, и на глаза его даже слезы навернулись. – Неужели он правда содеял все, о чем говорят? Даже слушать страшно. Не верится что-то.

– И знать не хочу! – воскликнула невысокая, полная Чуру. – Ему, своему сыну стану верить. Что остальные говорят- неинтересно.

– Ну... Э, старуха, а ведь правильно говоришь. И все равно, ты меня не вини, что нас прогнали. Мы же и знать ничего не знаем. Злой просто он, наш князец.

– Эх, Тынюр... Пойдем-ка домой. А завтра в путь тронемся. Подальше отсюда. Не хочет нас видеть Ака Ака, так и мы его не хотим.

Они медленно пошли прочь от огромного стойбища к холодной, давно нетопленной юрте, примостившейся у берега реки поодаль от остальных жилищ.

– Вернет Ака Ака наших олья? – хмурилась Чуру. – А-то как поедем?

– Калуты сказали, пригонят. На присмотр ведь взяли. Дождемся. Неужто позарятся на чужое?

Чуру, покачав головой, сочувственно взглянула на мужа.

– Еще как позарятся. Но на этот раз вернут, наверное. Чтоб спровадить подальше да поскорей. – Чуру вдруг всхлипнула, поднесла руку к глазам. – Так и вижу: наши орончики, бедняжечки, совсем задохленькие, некормленные!

Тынюр обернулся; стойбище еще не скрылось из виду.

– Смотри-ка, старуха! Там плетется кто-то. Оттуда.

В их сторону из становища Аки Аки, сильно шатаясь, медленно брел человек. Маленькая темная фигурка- ничтожная на огромном просторе.

– Кто это?

– Дождемся?

– Надо ли?

Все же они оставались на месте, и прошло какое-то время прежде чем Тынюр, узнав, воскликнул:

– Да ведь это Тыкель!

– Тыкель! Тыкель! – закричали они, двинувшись навстречу.

Он был совсем плох, почти неузнаваем, еле держался на ногах.

– Тыкель, неужто и тебя отпустили? А мы уж думали...

– Отпустили, – нахмурился старик, – и я вижу в этом какую-то беду для Руоля. Спроста ли отпустили?

– Хочешь сказать, его поймали? – в страхе промолвила Чуру.

– Не знаю. Нет, вряд ли. Почему бы тогда меня отпустили? Но все равно плохо, беспокойно в груди. Надеюсь, он спасется. Или... – какая-то мысль мелькнула в его глазах, и на изму-

ченном лице даже появилась мимолетная улыбка. – Может, думают, что я выведу на него. Если так, они обманулись. Тогда хорошо.

Старый Тыкель приободрился, немного выпрямился, чуть увереннее держался на ногах.

– И хорошо, что я вас встретил, – сказал он. – Помогите до дома пройти. Тяжело что-то самому.

– Э-э-э... – начал было Тынюр, неловко топчась на месте, но Чуру быстро перебила:

– К нам пойдем. Лечить тебя стану. Никак, разбираюсь в травах, хоть и не шиманка. Не хуже иных. Сам знаешь, скольких вылечивала. Нельзя тебе теперь одному. У нас будешь.

– Да и нет у тебя больше жилья, – брякнул Тынюр. – Пожгли все, как только тебя взяли. Добро калуты прежде растащили. Сами слышали, как говорили, что не больно-то много у тебя оказалось, жаловались, проклятые.

Тыкель остановился, поддерживаемый под локоть более молодым Тынюром, снял рукавицу, провел рукой по лицу, усмехнулся.

– А и сам должен был догадаться.

– Значит, с нами пошли, – решительно сказала Чуру. – Куда тебе одному-то. Не бросим. Ака Ака нас прогнал, собираемся уезжать отсюда. Вместе поедем, вдвоем-то веселее. Уж как-нибудь проживем. Тепло вот скоро, легче будет.

– Да, вместе проживем! – воскликнул Тынюр и погрозил назад кулаком. – Узнает еще Ака Ака!

Старый Тыкель утер слезы, молча, с благодарностью посмотрел на супругов. Потом все они медленно побрели дальше.

Есть на вершине вытянутой, сглаженной гряды Архатаха чашеобразная впадина- красивая долина, окруженная прямоствольными деревьями, а в центре той долины- чистое озеро. Прекраснейшее, живописное место, и довольно укромное, к тому же. Защищенное от ветров деревьями и склонами Архатаха, укрытое и от людей. Во всяком случае, тогда о ней мало кто знал, поскольку край этот вообще был почти безлюден. Но Руоль пришел сюда и, хотя все вокруг еще было завалено снегом, и озеро не вскрылось, оценил красоту этого чудесного места и понял, что будет здесь жить. К тому же, вокруг было много лувикты, которую орны без труда добывали из-под снега.

– Конец пути, – сказал Руоль. – Вот наш новый дом.

В словах сквозила печаль, но в душе он даже порадовался, что, скорее всего, отыскал лучшее место на Архатахе. Значит, есть еще благосклонные к нему духи.

Лес неподвижен, еще не проснулся, и безмолвен искрящийся снег. Такая первозданная тишина вокруг. Кажется, от начала времен не ступала здесь нога человека. Руоль подумал: а может, оно священо? Может, тут издревле живут какие-нибудь духи, а человеку не место? Нет, все-таки духи привели его сюда, теперь он в этом уверился. Этот край сам ему открылся. Но Руоль обязательно принесет жертву местным духам, чтобы соседство было мирным.

Так Руоль и поселился в прекрасной долине, и думал, что навсегда. Она так и называется- долина Руоля, – но в те годы была безымянной.

На одном из крутых озерных берегов Руоль обнаружил большую, скрытую от возможных посторонних глаз пещеру, которой в будущем предстояло стать очень знаменитой- в основном, стараниями Тирги Эны Витонис, известной также как мать Шагреда, но начало положил именно Руоль.

В пещере он жить не стал, но поставил торох у самого входа, под низким козырьком, и жилище его тоже стало незаметным.

Первое время он опасался пещеры, не зная, какие духи там скрываются. Принеся жертвы, набравшись храбрости, он все-таки решился исследовать пещеру. Ни в какие злые глубины

она не вела, а заканчивалась после нескольких залов и коридоров, лишь узкий лаз вел наружу в другом месте где-то в лесу.

Руоль успокоился. И стал жить. Исследовать свой новый дом. Восхитительная долина. И духи совсем не тревожат. Разве что те, которых он притащил с собой из тьмы прошлого. Эти- да. Эти не дают покоя и никогда не дадут. День за днем они пожирают, и не нужно им другой жертвы- эта и так достаточно кровава.

Как бы это было, если бы к нему вернулся покой? Как можно вспоминать и не испытывать боли?

Ороны безмятежно спали на мягких подстилках внутри пещеры, где почему-то постоянно сохранялось тепло, словно сама горячая печень Архатаха согревала каменные стены. А Руоль, ложась спать, всегда знал, что, как бы не утомился за день, все равно не сможет заснуть так быстро, как хотелось бы. Опять лежать в темноте, опять видеть лица. А духи будут вновь и вновь терзать его.

А когда уснет- там будет то же самое.

Тяжело жила семья охотника Урдаха- много испытаний, много тягот выпало им. Тяжко. Но так жили большинство луорветанов.

И не ведал Урдах, не ведала жена его Айгу, не ведали сын их Руоль и дочь Унгу своего будущего. Но оно подкралось.

Позже Руоль твердо уверился, что все началось с визита Высоких, и что именно они были повинны в последовавших несчастьях, после которых семьи Урдаха не стало. Кто знает. Возможно, два события просто почти случайно совпали по времени, а позже совершенно слились в сознании Руоля, ведь, хоть он и считал себя достаточно взрослым к тому времени, ему едва минуло двенадцать зим.

В любом случае, это был переломный момент, там менялись судьбы всего известного мира. Или просто шли по назначенным им дорогам, от одной вехи к другой. И Высокие были вехой, без сомнения. Хотя бы потому, что то был отряд самого Улемданара Шита, Зверя Улемданара, как прозвали его и враги, и друзья.

В один из дней тепла вся поредевшая семья Урдаха собралась в жилище, лишь Унгу пошла к реке за водой. Вдруг она вернулась бегом и с криками.

– Маха! Маха! Ой, мамочка! Там! Там!..

– Что ты орешь, глупая! – пугаясь, крикнул Руоль на сестру. – Что такое?

– Там!.. Там!..– всхлипывала Унгу, прижавшись к матери, не в силах больше вымолвить ни слова.

Внезапно послышался шум и стук множества копыт. Это был Улемданар. Знаменитый Улемданар Шит. Тот самый, что захватил Верхнюю, пытался двинуться на Среднюю, а прежде, при помощи сторонников, поднять в ней мятеж, но был разбит, хотел прорваться в Великие леса на юге, за Хребтом, был отброшен и в поисках прохода некоторое время скитался по тундре с остатками своей армии. Гражданская война, развязанная Улемданаром была прекращена, сам он канул, но, как видно, не умерло его дело, ибо он показал дорогу мятежей. Спустя годы его попытку повторила Тирга сотоварищи, да и некто Руоль был в это втянут. Но пока еще Зверь Улемданар, прежде чем исчезнуть с исторической арены, смело скакал по тундре, надеясь, что впереди новые битвы и слава.

Вся семья Урдаха в страхе застыла. Снаружи послышался властный голос:

– Эй хозяева! Есть кто дома? А ну-ка выходи!

Понятное дело, языка Высоких Урдах не знал, да и самих прежде не видел, а только слышал рассказы- один невероятней и страшнее другого. Он не понял ни слова, но уловил тон. Урдах гордо выпрямился, посмотрел на семью и молча вышел. Руоль едва не стучал зубами,

но все же последовал за отцом. Он выскользнул из жилища, встал за плечом отца, глянул... и обомлел. Даже коленки предательски задрожали.

Словно богатыри из древности, все в сверкающем железе, на неведомых, мощных безрогих животных, будто верхом на страшных духах. Как биться с такими?

Заговорил, по виду, самый главный из них- могучий плечистый воин с синими как небо глазами; голос его был мощен, под стать фигуре:

– Привет тебе, хозяин. Я Улемданар Шит. Это мои люди. Нам нужна еда.

– Арад- би, незнакомые богатыри, – сказал Урдах.

Улемданар повернулся к своим:

– Что он там болтает? А и в самом деле, откуда ж ему... эх, ты... да... Эй, старик! Ам-ам! Ня- ням! Еду нам давай! Видишь, проголодались люди.

Урдах и Руоль напряглись. Высокий раскрывал рот, причмокивал, хлопал себя по пузу. Собирается их съесть?

– Если вы со злом явились, – мрачно молвил Урдах, – я буду биться с вами, пока не умру.

– Я тоже, – дрожащим голосом пискнул Руоль.

– Мы вас не пропустим, – сказал Урдах, и сын его приободрился от этих слов, ибо понял, что отец в душе им гордится.

– Эдак мы не договоримся, – заметил Улемданар.

– Похоже, нам не больно-то рады, – усмехнулся кто-то из его воинов.

Другой воскликнул:

– Да чего с ними болтать! Возьмем все сами!

Но кто-то третий возразил:

– Посмотрите, какие на них обноски. Что с них можно взять? Небось, сами едят раз в неделю.

– Да они все так одеваются. Увидите, там у него...

– Успокойтесь! – поднял руку Улемданар. – Грабежа не будет. Ребята, мне кажется, у него и в самом деле ничего за душой. Но я сейчас сам проверю.

– Опасно, командир.

– Тихо. Всем оставаться здесь. Уж я-то знаю опасность, – он криво усмехнулся, соскочил с седла и направился прямо к Урдаху и его сыну.

Руолю показалось, что воин затмевает собой солнце, с каждым шагом вырастая все больше.

– Повторяю. Я Улемданар Шит, – воин ткнул себя пальцем в грудь. – А тебя как зовут?

Палец вопросительно уставился на Урдаху, и тот понял, что незнакомец представился, хоть имя непонятное- не разобрать, не произнести совсем, – и просит от него того же.

– Урдах.

– Ур-дах, – медленно, но довольно правильно повторил Улемданар. – А тебя как, паренек?

– Руоль. Мой сын.

– Что- что?

– Руоль, – представился Руоль самостоятельно и попытался смотреть гордо.

– Руоль... теперь понятно. Сынок, да? Ну что ж... мир вам, – Улемданар слегка поклонился. – Не пригласите войти?

Они действительно пригласили его в свое скромное жилище, поскольку поняли, что незнакомец обратился к ним как гость. Выставили скудное угощение- все, что имели.

Улемданар осматривался в полумраке, улыбаясь.

– Жена? Здравствуйтесь. Дочурка? Привет, малышка. Красавица, смотри-ка, – он подмигнул перепуганной Унге, потом посмотрел на угощение. – Да, негусто у вас. Ладно, чего уж.

Живите себе. И все же посмотрим. Это что у вас? Рыба? – он наклонился. – О-о! Ну и вонь! Прошлогодня, что ли? – отшатнувшись, Улемданар попятился к выходу. – Ну вы и живете!

Он вывалился наружу, крикнул своим:

– Чего уставились? Поехали отсюда. Здесь ловить нечего. Ты посмотри-ка, аж затошнило... будь она проклята, вся эта тундра!

А безмерно удивленный Урдах, стоя посреди своего жилища воскликнул:

– Ок! Что это с ним? – и выскочил наружу вслед за пришельцем.

Руолю в присутствии Высокого хотелось забиться в угол, но теперь он гордо глянул на испуганно сжавшихся мать и сестру и последовал за отцом.

Урдах растерянно стоял, приложив ладонь козырьком ко лбу и смотрел на удаляющийся отряд. Те скакали по пологому скату к реке и далее- вброд, брызгая водой и мелкой галькой. Отец и сын стояли молча, пока всадники вовсе не исчезли за холмами. Потом Урдах повернулся к Руолю, удивленно, но с явным одобрением посмотрел на него, улыбнулся, хлопнул по плечу. Руоль зарделся от гордости.

– Наверное, – раздумчиво произнес Урдах, – добрые духи нашего дома их отпугнули? Или еда наша не понравилась? Возможно, Пришлые не могут есть человеческой пищи?

– Они злые или добрые? – спросил Руоль.

– Не знаю, – задумался Урдах. – Говорят, разные бывают среди них.

– А как их отличить, когда они приходят в эджуген?

– Наверное, по делам.

– А они духи или нет?

– Трудно сказать. Я простой охотник, а не шиман. Думаю, они такие же люди, как и мы. Нас создал Хот, а кто их- неведомо. Эджуген огромен. Я не знаю, что это за народ, но они сильные.

– Сильнее нас?

– Не знаю. Ведь они все шиманы.

– Все- все?

– Так говорят.

– А мы их победим?

– Э, они живут далеко, у нас бывают редко. Мы друг другу не мешаем.

– А если будем мешать?

– Кто знает, что тогда будет? Да и что нам делить?.. Есть такая дорога- чуос- тракт с вехами. Иной раз Высокие приезжают по ней и меняют разные полезные вещи. Это разве не добро? Посмотри на мой нож. Он мне не от Пришлых достался, но когда-то ими был сделан. Сами луорветаны такого не умеют. Ну, пойдем назад. Глупеньких успокоим. Слышишь, сестренка твоя ревет в голос.

Руоль еще раз посмотрел в ту сторону, где скрылись диковинные Пришлые. В голове вдруг возник голос, и ледяные глаза вновь обожгли его: «Улымдаанырши» ... словно слова мощного заклинания, что-то грозное было в этих звуках. Весь народ- шиманы! Руоль невольно передернулся.

А вскоре, в луну Тиэкэн открылась правда о том визите Высоких. В это время уходит тепло, доносится уже с севера ледяное дыхание Белого Зверя, совсем немного остается до зимы. А еще Тиэкэн- луна большой охоты на уликов. В основном она ведется в устье реки Ороху, на многочисленных протоках и переправах, но также и на других, более мелких речках. Оляя, подгоняемые холодом, перебираются южнее, большими стадами переплывают реки. Вот на таких-то, издревле привычных для оронов переправах, их и поджидают охотники.

Луорветаны собираются вместе- и богатый, и бедный, и удачливый, и не очень. Разбиваются на специальные артели, выбирают охотничьих распорядителей. А потом добыча делится поровну между всеми участниками. Урдах всегда принимал участие в тиэкэнах, что позво-

ляло довольно сносно прожить первую половину зимы. Беден был Урдах, но все-таки охотник известный, уважаемый. Неоднократно бывал распорядителем тиэкэна на своем участке. Как и его старший сын Стах когда-то. Говорили, что Стах будет даже более удачливым охотником, чем отец. Но нет больше Стаха, и Урдах потерял свою удачу.

Но на тиэкэне есть только общая удача, и неудача Урдаха перевешивалась удачей остальных, почему ему и доставалось ровно столько же, сколько и всем. Однако в этот раз, луну спустя после визита Улемданара Шита, Урдах не смог отправиться на одно из мест сборов у переправ.

Все это время Руоль не переставал размышлять о Высоких. «Улымдаанырши», повторял он, почему-то запомнив непонятные слова. Что бы это значило? Имя духа? Заклятие? Проклятие? Кто они? Зачем пришли? Это были злые или добрые?

Ответ на последний вопрос пришел как раз в начале луны Тиэкэн.

Пришлые нагрянули как неожиданный порыв хауса, и ускакали, оставив бедствие. А за что? Может, просто потому, что такова их природа. Так или иначе, следом за ними пришел мор. Естественно, Руоль связал одно с другим.

Почти одновременно слегли вдруг Урдах и Айгу. Очень быстро ослабели и почти не могли шевелиться. Лежали, потемневшие лицами, покрытые язвами. Ясно, ими завладели злые духи.

Урдах сказал сыну:

– Хватит, Руоль, не ходи больше за нами, мы уже скоро умрем. Бери сестру, и скорее бегите отсюда. Ничего не берите, ничего не трогайте. Ведь я теперь понял, что это такое. Черная Беда, сынок.

– Это все Высокие! – закричал Руоль. – Они наслали!

– Уж я не знаю, – слова с трудом давались Урдаху. Он страшно изменился, стал ужасен лицом, мука поселилась во впалых глазах. – Да и так ли это уже важно?

– Важно! Я найду шимана! Спасу вас!

Урдах слегка качнул головой.

– Нет. Да и не успеешь. И нельзя тебе сюда возвращаться. Уходите. Беда может перекинуться и на вас. Мы умрем надеясь, что вас, таких молодых, не тронет Черная Старуха. Мы надеемся.

– Что ты говоришь, отец! Отец!

– Бегите! Это мое последнее повеление. Исполни его. Бегите, не оглядываясь.

Руоль закричал, и залилось слезами его перекошенное лицо.

– Иди! Позаботься о сестре. Ты справишься. Нет, не дотрагивайся. Иди! – голос Урдаха прозвучал твердо, властно.

Руоль отшатнулся, посмотрел, объятый ужасом, на ослабевших ногах двинулся к выходу.

В этот момент с улицы вошла Унгу.

– Ну вот, – сказала она, глядя на родителей с печалью в глазах, но стараясь бодро улыбаться. – Сейчас варить буду. Жирным вкусным бульоном кормить стану.

Руоль схватил сестру за руку.

– Пошли.

– А? – она непонимающе посмотрела на него. – Что с тобой, братик?

Руоль вытолкнул ее наружу, вышел сам, полог за ними закрылся.

– Прощайте, деточки мои, – прошептала Айгу.

– Пусть добрые духи будут с вами, – вторил слабеющим голосом Урдах.

...Руоль тащил за руку упирающуюся, громко рыдающую сестру. Уже темнело, скоро наступит холодная ночь. Они одни в пустой море. Нет дома, ничего нет. Только друг друга еще не потеряли.

Руоль остановился, прижал к себе ревущую сестру. Холодный ветер обжигал его, стылый воздух пронзал. Теперь Руоль действительно повзрослел. У него есть сестра, он будет о ней заботиться. Они выживут. Обязательно.

– Ничего, Унгу, – сказал Руоль. – Ничего, сестренка.

А позади них, там, где был их дом, возникло высокое пламя. Пожирающее, очищающее пламя.

– Пойдем, Унгу. Будем искать себе новый дом.

Слова были горькими слезами. Вокруг бескрайняя неприветливая мора.

Часть вторая

Опять Руоль проснулся с головной болью. Долгое время лежал, расслабившись, гнал от себя ночные наваждения. Словно наяву видел, как пятятся обратно во тьму, злобно шипя, жестокие его духи.

Позже он вышел наружу, окунулся головой в сугроб, а потом сидел у входа в пещеру, под козырьком, подальше от сквозняка, рвал зубами холодное мясо и думал уже о настоящем. Опять радостно, не по-зимнему сверкает солнце. Сегодня Руоль пойдет за озеро и углубится в прямоствольный лес на южной стороне. Там он еще не хаживал. Посмотрит, где кончается долина. Возможно, сразу за долиной и весь Архатах начинает спуск, и тогда, быть может, с высокого склона Руоль увидит далекий, загадочный, темный как кровь Турган Туас. Опасное, но притягательное, должно быть, зрелище.

Руоль торопливо закончил свою трапезу, вытер губы и сказал самому себе:
– Хо! Вперед, неугомонный!

Прекрасна долина Руоля на могучей седловине Архатаха!

Через десять лет после Руоля здесь, в этой самой долине и в этой самой пещере на берегу озера разместилась главная ставка разбойной вольницы Тирги Эны Витонис, некогда представительницы знатного рода Верхней, впоследствии более известной под именем Мятажная Тирга. Отсюда, во исполнение клятвы не давать покоя лживым городам Великого Хребта, совершались ее молниеносные набеги.

Сама же ставка долгое время оставалась убежищем тайным, ибо не так уж мал Архатах, и еще более незаметна на нем долина Руоля.

Вот один из эпизодов из жизни Тирги Эны Витонис, связанный с ее пребыванием в этом месте десять лет спустя.

Лес дремал в осенней тишине; вода в озере была темной, холодной, морщилась под порывистым ветром и отражала в себе низкие стальные тучи. Деревья стояли пожелтевшие, кусты оголились. Хмурое утро.

Запахивая поплотнее куртку, Тирга вышла из пещеры, остановилась на каменистой площадке, стала задумчиво смотреть на стылую воду в озере. Сегодня длинные светлые волосы Тирги не заплетены в косы, голова не покрыта боевым шлемом, ветер беспечно играет прядями.

Пока отряд отдыхает на Квартирах, как называют они меж собой эту укромную пещеру. Ожидание вестей. Разведчики рыскают где-то в районе Верхней. Тирга не знает, куда бы еще нанести удар. Впрочем, людям полезен небольшой отдых.

Глядя на темную воду, на замершую в ожидании зимы природу, Тирга думала о смерти. Мы бьемся, погибаем, а есть ли толк? Что изменится?

Такие мысли, впрочем, не слишком часто посещали Тиргу, и обычно в такую вот погоду, и были они признаком хандры, к чему, вообще-то, Тирга не была склонна.

Но сегодня хандра была спокойной- просто печаль внутри. Какое утро, такие и мысли. И еще, быть может, мрачное, тоскливое пение Сагура Шартуйлы навеивает.

Шартуйла- уроженец Той Стороны, некогда простой крестьянин, а ныне прожженный боец, один из командиров под началом Тирги, сидел у входа в пещеру и негромко напевал, старательно и с любовью чистя свое ружье.

Солнце над миром взойдет
Лучами нового дня.

Кто-то тебя найдет,
Но это буду не я...

Ну что ж, подумала Тирга, отрывая взгляд от воды, ее черной бездонной глубины, умрем все. Но свой путь мы пройдем до конца.

Повернулась спиной к озеру, бодро, с улыбкой воскликнула:

– Эй, Сагур, не нагоняй тоску!

Шартуйла засмеялся.

– Прикажете веселенького спеть?

– Спой веселенького.

– Э-э... а чего бы спеть? Я веселого только про девок знаю.

– Да хотя бы.

– Ну так приготовьтесь заткнуть уши.

– О! Что так? Из-за твоего голоса или содержания?

– Хе, из-за того и другого.

Но петь Сагур не стал.

– Я тут все хотел спросить...

– Ну спрашивай, – глаза Тирги сузились.

– Нет ли каких известий? Куда он вообще ушел?

– Ушел, – Тирга покачала головой. – Пока рано об этом говорить.

– Простите, госпожа.

...А позже вернулся кое-кто из разведки. Это тоже был один из старых бойцов, тоже уроженец Той Стороны. Звали его Висул Дарходка.

Он докладывал, Тирга слушала и задавала вопросы.

– Значит так, купчишки собрались и направились в тундру. Видно, пошла о нас слава. Большую охрану наняли.

– Выходит, не прекратили они?

– Ну да. Берут ценные шкуры, а дают что попало. Как не торговать? Никакие войны не помешают. Так это... потрясем их?

– Подожди-ка, – задумалась Тирга. – С одной стороны, конечно, дело нужное. Но понимаешь, Висул, местные уже привыкли. Полюбили муку, едят вкусные лепешки. Имеют неплохое холодное оружие, своих-то кузнецов у них нет. Если перекрыть это все... Но, с другой стороны, что нам мешает самим сбывать добычу?

– Одобряю. Но что если купцы прекратят?

– Ты же сам сказал. Я думаю, их даже мы не отпугнем. Ладно, приказываю: купцов отныне трепать. Наладить торговлю с местными- посмотрим, что из этого выйдет. Ну и... еще, Висул. Может обнаружится, что живет в тундре некий князец, зовущийся Ака Ака. Да, именно так- Ака Ака. По возможности... я бы хотела, чтобы мне доложили. Наслышана, знаешь ли.

Дарходка хмыкнул: уж понятно, от кого наслышана.

...Цель есть цель, думает Тирга. Если цель разрушение, только оно тебе и остается. Даже если надеешься, что когда-нибудь будет созидание. Но ты уже всецело отдаешься разрушению.

Вот скажут, стуча копытами, бряцая железом, лихие отряды Тирги. И вот сама она- грозная дева- воительница в боевом шлеме.

А десять лет назад несутся по морю другие грозные воины, и ведет их жестокосердный Саин в кожаном доспехе под шубой, сидя на мощном ороне. Все оля- боевые, самые выносливые, свирепые, быстроходные. А где-то позади тянутся нарты с переносными жилищами и со всем необходимым в дальнем походе скарбом.

Далек Архатах. И к нему стремятся посланные разгневанным князцом Акой Акой воины.

Ловить беглеца Руоля.

Руоль уверенно, но медленно шел через лес, пробираясь через сугробы, часто останавливаясь- не столько ради отдыха, а чтобы просто постоять в тишине, посмотреть вокруг. Все бело кругом. И черные деревья на белом фоне. И яркое синее небо за сетью, за сплетением их голых ветвей. Но природа готова проснуться, и воздух уже давно полнится предчувствием этого. Руоль смотрел и становился таким же спокойным, задумчивым, как и все вокруг. А постояв немного, шел дальше.

Это была пешая прогулка. Куюк и Лынта остались поедать лувикту неподалеку от пещеры. После трудного пути к Архатаху и далее вверх по его склонам, ороны в основном бездельничали, набирались сил, паслись где хотели, иной раз присоединяясь даже к не слишком пугливым местным уликам. Руоль знал, что в преддверии тепла ороны будут отлучаться порой на долгое время, но был спокоен: верные олья не бросят.

Лес кончился, перед Руолем возник довольно крутой подъем. Тяжело будет взбираться по снегу. И все же Руоль не отступил, полез на сопку. Один раз его сшибло поехавшим по сухой снежной крупе настом, но со второй попытки Руоль взобрался-таки наверх и там завалился в снег- восхождение отняло немало сил.

Потом он смотрел с высоты на безмолвный лес, сквозь который только что прошел, за ним виднелись другие склоны, но озеро с пещерой было скрыто от глаз. А повернувшись лицом на юг, Руоль понял, что здесь Архатах далеко не кончается. Впереди новый лес, новые отроги. Идти дальше?

Пойду, решил Руоль. Зря что ли шел? Тем более, благоразумно захватил с собой спальный мешок, запас еды. Сегодня назад не вернется. Тем ближе, тем больше узнает свой новый дом. А он, оказывается, огромен, впрочем, как и все на море, где пространства бесконечны и само время безбрежно.

...К вечеру Руоль прошел еще значительное расстояние и, кажется, достиг цели своего пути. Он сейчас был на самой высокой границе Архатаха и видел отсюда Турган Туас. Все еще далекий, мрачный, темный. С трудом усталый Руоль оторвал от него взгляд.

Архатах от этого места начинал понижаться, но не так резко, как с северной стороны. Здесь он шел вниз постепенными скатами, увалами, ступенями, поросшими лесом, и тянулся еще далеко, пока, почти незаметно, не сливался с равниной. Руоль решил, что дальше идти смысла нет.

Тревожное это, недоброе зрелище- Турган Туас на горизонте, и все же, Руоль наконец был удовлетворен. С таким чувством он и стал готовиться на ночлег.

И вдруг что-то блеснуло вдали.

Руоль поднял глаза и увидел внизу, гораздо дальше на юг, на одном из спусков, только что появившийся свет пламени в сгущающихся сумерках. Далеко, но недостаточно далеко. И главное, здесь, на Архатахе.

Костер разгорался, становился сильнее выше... кажется, кто-то там поджег целое дерево. Но кто? Охотник, забравшийся в эти безлюдные, но богатые на добычу края? И может быть, не один охотник?

Об этом думал Руоль, неподвижно стоя между огромным валуном и могучим деревом, и на лицо его легла тревога, а сердце неистово колотилось.

В сущности, он не так много знает об этих местах. Почему бы там кому-нибудь не жить?

Руоль хлопнул себя по бокам. Что мне до них? И отвернулся.

И все-таки продолжало скакать сердце в великом волнении, и здесь, уже почти совсем в ночи, Руоль явственно ощутил, познал свое одиночество. Один, затерянный в темноте... будет пытаться уснуть, и опять придут духи.

Руоль понял, что сегодня спать не ляжет. Пойдет туда, на свет далекого костра. И духи отступят.

– Хочу узнать, кто там, – сказал он себе вслух. – Неужто испугаюсь? Что мне, всю жизнь прятаться? Пойду и посмотрю.

С этими словами Руоль снова собрался в путь и почти поехал, поскользился вниз по склону, а далее шел то поднимаясь наверх, то съезжая вниз, застревая в снегу, выбираясь из него – все дальше на юг, все ниже.

А вокруг Руоля теперь были пологие ступени открытых голых пространств, которые неожиданно превращались чуть ли не в ущелья с крутыми стенами. Все это, и ночь. Ночь и снег.

Все мышцы Руоля гудели, но он упрямо продолжал идти вперед, карабкался, застыл ненадолго, устало обнимая стволы деревьев.

К середине ночи он добрался до места, вскарабкался на последний подъем. К тому времени ему уже казалось, что он сбился с пути, оставил костер где-то в стороне, если не позади. Но вот Руоль увидел свет между деревьями, и все чувства его вновь обострились. Он стал бесшумно, как истинный охотник, подкрадываться. И увидел уже почти прогоревший костер, а рядом одинокого, поникшего человека, закутанного в шубу, неподвижно сидящего спиной к Руолю, очевидно, дремлющего.

Тогда Руоль решил больше не таиться, вышел из-за деревьев и громко сказал:

– Арад-би, друг- человек! Дозволь обогреться у твоего огня.

Незнакомец сильно вздрогнул, чуть ли не подскочил на месте.

– Что? Кто здесь? – вскричал он, рывком оборачиваясь на звук.

И это был не язык луорветанов... а повернувшийся лицом незнакомец...

– Высокий!

Далеко на востоке моря есть местность, называемая Тарвой. За речкой Арын, что значит «вода», раскинулась холмистая равнина, переходящая в сопки, – это и есть Тарва. А еще дальше на восток протянулся край многочисленных озер, а за ними – большой прямоствольный лес. Но речь о Тарве. Куда князец Ака Ака отправил своих воинов. Вел отряд некий калут по имени Тюмят – весьма значительная фигура при Аке Аке. Известно, что он доводился каким-то родственником самому Улькану, а еще был исключительно предан хозяину, своему князю. Оттого пылал к Руолю ненавистью сравнимой с ненавистью самого Аки Аки. Оттого так ретиво вел свой отряд и желал, мечтал увидеть Руоля униженным. И смотрел Тюмят на свои грубые руки, представляя, как они будут душить ненавистного выродка, как сломают его хребет, как вырвут его черную печень.

Шиман Оллон указал на Тарву, князец Ака Ака послал свой гнев, свою волю, а Тюмят и есть этот гнев.

Задолго до того, как воины Саина достигли Архатаха, Тюмят и его отряд вступили на местность Тарву. Здесь предстоял поиск, но кто укроется от опытных следопытов.

И там, на одной из сопок, сидели два охотника – Кыртак и Акар. Отдыхали после удачной охоты, ни о чем не ведали.

Родные братья Кыртак и Акар были могучие богатыри. Глядя на них, люди невольно вспоминали героев древности. Старики гордились, что и в нынешнее время можно еще встретить настоящих молодцов.

Кыртак был старше Акара на одиннадцать зим. «Голова», – говорили о нем. Действительно, Кыртак был более мудрым, уравновешенным, не скорым на решение. Но иной раз во время охоты он раздражался таким буйством, что младший, более горячий, несдержанный Акар, который был всего на две зимы старше Руоля, мог показаться кротким тихоней.

Братья сидели в своем торохе. Кыртак досказывал историю о деяниях древности:

– Долго один гнал другого, но на открытом месте Сонинг выстрелил из лука и угодил злодею в бедро. Тот больше не мог бежать, и потому они сразились. Сонинг подрезал жилы на ногах врага, а потом раскроил ему череп. После он отрезал его косу, расколол голенную кость и отведаль мозга человека с вышитыми на лице рогами. Это было очень давно. Говорят, где-то в западных болотах еще есть такие, что не прочь отведать человеческого мозга и печени. Потому как они никогда не слышали о наших духах и о словах Мыыну.

– Да и у нас найдется немало пожирателей, – воскликнул молодой Акар, – только они по-другому пожирают!

– Ладно, давай спать, – сказал Кыртак, потому что уже был вечер.

Утром, едва проснувшись, Акар вскочил и сразу кинулся к брату.

– Кыртак, мне что-то приснилось! Дурной сон или нет, не пойму.

– Расскажи.

– Мне приснилось, что на нас напали неведомые существа. Сначала думалось, что это звери, и я на них охочусь. Я их колот и рубил, а потом рвал зубами их мясо, радуясь успешной охоте. И вдруг смотрю: это люди, луорветаны, такие же как мы. И увидел, что вокруг летают кровожадные духи. А один кричит мне: «Накормишь меня свежей кровью!», и я понял, что это дух войны, а не охоты. И крови он требует не от охотничьей добычи.

– Однако что-то будет, – нахмурившись, сказал Кыртак. – Где жертва, там и духи вьются. Они всегда чувствуют.

И духи не обманули. Через несколько дней Кыртак увидел скачущий с равнины отряд.

– Акар! – позвал он, прячась за деревом. – Посмотри-ка.

Появился Акар, бывший неподалеку. Сверху отряд был виден как на ладони.

– Ох, ты, – Акар так и замер, потом глаза его недобро блеснули.

– Скорее беги назад, в торох, – замахал руками Кыртак.

– Что? Зачем это? Оружие при нас.

– Дым! Огонь! Нас могут заметить.

– Пускай. Встретим их. И еще неизвестно, кто это такие. Может, не про нас.

– Вспомни свой сон.

– А! Ты прав. Значит, вот оно. Наконец-то. Не станем прятаться. Ничего, их не очень много, – он поднял обе руки на уровень лица и растопырил пальцы. – Разве это много? Два раза по столько.

– А то и все три, – хмыкнул Кыртак и покачал головой.

– Нам не уйти от битвы, – упрямылся младший брат. – Так сказал дух, – он помолчал, посмотрел на фигурки воинов. – Справимся. Ты сам рассказывал, что герои древности проделывали и не такое. А мы разве не достойны их славы?

– Ну, Акар, лучше не говори так, – он вздохнул. – Пока не знаю, кто это такие, но, по виду, не для нашего они здесь покоя. Чувствую, что-то плохое в них. Ладно, готовься пока и сиди молча. Там будет видно. Подождем, не высовываясь раньше времени.

Отряд подъехал к пологому склону и остановился. Главный махал рукой и показывал в сторону притаившихся охотников.

– А ведь я узнаю его, – сказал Кыртак. – Это Тюмят.

– Поганый раб Аки Аки, – проскрежетал зубами Акар. – Теперь я совсем уверен: быть битве.

– А зачем они здесь? Чего нужно? Кто тут живет?

– Сейчас здесь мы, – отвечал Акар, – а значит, это все наше. Не позволим им тут шастать, пугать зверье, мешать охоте, – глаза его уже налились яростью, он так и рвался в бой. Если бы не брат, не усидел бы на месте.

– Сделаем так, – решил старший брат. – Я пойду вон за те деревья, спрячусь там. А ты покажись им, спроси, чего надо, куда едут. Только помягче. А если что, я начну стрелять. Тогда и ты бей. А потом я к тебе приду.

– А ты надеешься, что не придется стрелять? – усмехнулся Акар.

– Если ты не очень будешь язык распускать, может, и не придется. Мало ли, зачем они пришли?

– А я думаю, придется. Дух сказал недаром. Ладно, иди скорее. И будь готов бить.

– Сиди пока. Я скоро дам сигнал.

– Я понял теперь, Кыртак! Духи во сне обещали мне победу.

...И вот, по сигналу, Акар показался из-за деревьев и вызывающе закричал сверху:

– Эй! Кто такие? Чего здесь рыскаете?

– А-а! – со страшным криком взвился на своем седле Тюмят. – Смотрите! Один из них! Эй, ты! Руолев проклятый пособник! Слезай оттуда! Вперед! Схватить его!

– Ого, – Акар, предвкушавший смачную перебранку, слегка растерялся и почесал в затылке.

Вдруг один калут слетел с орона, вышибленный стрелой Кыртака. Акар тоже не стал медлить. Спустил тетиву, отправил свою смертоносную стрелу. Так и продолжалось некоторое время. Оля, с трудом проламывая наст, тащили воинов вверх по склону, а братья сшибали седоков стрелами.

– Растянуться! Окружить! – визжал командир Тюмят.

Братья же перебежали между деревьями и продолжали обстрел. Однако вскоре дошло и до рукопашной. Братья соединились и стали биться вместе. Оба получили по несколько ран, но стояли незыблемо. Наконец, от всего нападающего отряда осталась едва половина, и вдруг враг дрогнул, осознав, что напротив бьются не люди, а какие-то духи. Словно восставшие воители древности. А если это люди, то все духи сегодня на их стороне.

Перепуганный Тюмят, который до этого люто злобствовал, понукал своих и делал вид, что энергично бросается вперед, немо уставился куда-то за спины братьев. Показалось ему в горячке боя, что он видит кровожадных тварей, рычащих, подбадривающих невероятных братьев, обещающих им славную победу. Больше павших врагов- больше крови для ненасытных духов!

Этого впечатленный Тюмят не смог вынести, он повернулся и с криком побежал прочь, потом вспрыгнул в седло и пустился вскачь. Оставшиеся его люди окончательно пали духом и тоже побежали. Братья не стали их преследовать. Кыртак сел на землю и устало перевел дух. Вокруг на утоптанном, местами окрасившемся алым снегом чернели тела. Среди деревьев растерянно бродили орны с пустыми седлами.

Акар озорно посмотрел на брата, и голос его весело зазвенел:

– Говорил же я, что справимся! Так, ерунда, забава! Чем мы хуже героев древности? Как тебе охота? А что, не отведать ли мне их костного мозга? Только вода у них там, а не мозг. Духи! – закричал он, подняв голову. – Вот ваша добыча! Ваша кровь! Спасибо вам!

– Подожди-ка, – сказал Кыртак. – Давно мы охотимся, не знаем, что в море происходит. Кажется, что-то случилось, пока мы с тобой тут. Слышал, что Тюмят орал?

– Что-то про Руоля.

– Может статься, наши друзья в опасности. Мы должны немедленно возвращаться. Едем прямо к Аке Аке.

– Представляю, как он нас встретит. Только что его калутов разгромили.

– Все равно. Надо самим все узнать. Что-то стряслось.

– Так и сделаем. Ты это правильно говоришь.

...На следующий день Акар сказал брату:

– Мне опять какой-то сон приснился. Всего не помню, но как будто кто-то назвал мне три имени: Руоль, Улькан и Нёр.

– Да уж, – мрачней, вздохнул Кыртак. – Видать, беда.

– Узнаем скоро, – сказал Акар, и тень набежала на его лицо.

Они возвращались обратно в людные места, полные дурных предчувствий.

Вот как, по преданию, Ихилган в древние времена стал шиманом, отцом всех шиманов.

Однажды в середине тепла Менавит Шаф отдыхал в укромной живописной ложбине, лежа среди северных трав, глядя на чистое небо.

Что я вообще делаю? – спрашивал себя он. Это же только сказки. Так ли уж я был неправ?

На склоне лет Менавит, после долгих лет странствий по тундре приобрел нечто вроде комплекса мессии и порой тяготился этим, изводя себя мучительными вопросами о собственной ответственности. Но мысль о роли доброго сказочника ему в целом нравилась. Какой вред могут нести сказки? Немножко мифологии, простые притчи. Никакой религии, никакого миссионерства.

Менавит всегда успокаивался.

И вот он лежал на травке- почти безмятежно, а неподалеку в это время вышел из своего жилища Ихилган, который еще не был шиманом. И вдруг смотрит Ихилган: сидит на камне огромный белый старец с палкой.

– Ты кто? – спросил Ихилган, немного оробев.

Старец повернул к нему убеленную сединами голову, посмотрел глубоким, теплым, мудрым взглядом.

– Я Небесный Дедушка. Вместе с другими богами сотворил этот эджуген, в котором Хот расселил вас- своих детей.

– О, Мыыну рассказывал. Значит, все правда, – Ихилган с почтением поклонился Небесному Дедушке. Тот сурово, но благосклонно улыбнулся.

– Слушай меня, Ихилган.

– Слушаю, Небесный Дедушка.

– Хотим мы, чтобы люди и духи, то есть все мы, больше общались. Чтобы мы соединились и помогали друг другу в какой нужде. Понимаешь ли ты?

– Понимаю, Небесный Дедушка.

– Тогда слушай дальше. Нам нужны посредники между людьми и богами. Посему, Ихилган, даю тебе великую власть, чтобы мог ты совершать чудеса, говорить с богами, возноситься наверх, спускаться вниз. Через тебя люди обратятся к нам. Владей и смотри, чтобы нас не забывали.

...Позже Ихилган прибежал к Мыыну, разбудил его в укромном месте в живописной ложбине.

– Мыыну! Я стал могучим! Я говорил с Небесным Дедушкой. Теперь я сделаю большой бубен, стану колотить в него, скакать, плясать. Духи будут говорить со мной, а я буду говорить с людьми. Я слышу голоса. Я могу делать чудеса, летать где захочу и быть кем захочу.

– О, сказал Мыыну, моргая спросонья. – Ты шаманом решил стать?

Ихилган начал кричать:

– Да! Смотрите! Ихилган! Могучий шиман!

Аке Аке был введом язык Высоких. Потому так удачно он вел с ними дела. Многие луорветаны и вовсе считали, что нет у Высоких никакого языка, а между собой они общаются ужасными звуками, которых и сами не понимают- просто претворяются, что якобы могут говорить. Достаточно послушать, как жалко и коряво они пытаются говорить на человеческом языке во время торгов, чтобы понять, каковы их способности к общению.

А многие не верили даже в существование самих Высоких. Велика мора. Кто знает, что происходит там или там.

Ака Ака, однако, знал этот народ- могучий народ, делающий непонятные вещи. Однажды Руоль бывал там, куда князец ездил торговать. Еще со времени визита Улемданара Шита он испытывал прямо- таки нездоровый и недобрый интерес к Высоким, ко всему, что с ними связано. Пылая этим болезненным интересом, он прислушивался к речи Высоких, но ничего не понимал.

А еще их загадочный язык знала любимая дочь Аки Аки- Нёр, причем знала его так же хорошо, как и свой. Нёр, быть может, была настолько же Высокой, насколько ее отец был луорветаном.

Как-то Руоль спросил Нёр:

– А что, Высокие действительно говорят? Это можно понимать?

Нёр засмеялась.

– Конечно же! – и вдруг она заговорила с ним на языке Высоких, который Руоль сразу узнал по слуху.

– Что ты сказала?

– Сказала, что ты глупый дурачок.

Руоль подался вперед, лицо его вспыхнуло.

– Нёр, научи меня! Я хочу понимать, говорить, как они!

– Зачем тебе?

– Научи, прошу тебя, научи.

Нёр вскинула брови, удивленная его неистовой жадой, в которой мерещилось что-то разрушительное.

...Так и вышло, что язык Высоких стал ведом и Руолю.

Бывает порой, что какие-то несвязанные на первый взгляд события, череда случайных совпадений, незначительных, а иногда, казалось бы, невероятных, меняют жизнь человека, направляют ее в новое русло. А, впрочем, не благодаря ли подобным совпадениям все люди появляются на свете?

Этого Высокого звали Димбуэфер Мит, и он был слеп. Это Руоль понял сразу. Высокий вертел головой, глядя в пустоту, испуганно спрашивая: «Кто? Кто?». Мора ослепила его, сияющие белые снега отняли зрение. Со временем оно должно вернуться, правда, это очень больно.

Руоль смотрел на него, и внутри у него все крутилось, словно дикая метель. Это Высокий. Что делать? Высокий!

Тот держал на коленях свое странное оружие, поводил им из стороны в сторону. Со слов Нёр, Руоль знал, что это именно оружие, которое Высокие носят на ремне за спиной, но даже не догадывался, как оно действует.

«Они злые или добрые?» – спрашивал когда-то Руоль отца. Он будто вновь слышал сейчас голос Урдаха: «Говорят, разные бывают среди них».

Разные бывают... Как их отличить, когда они приходят?..

– Ты замерзаешь, – сказал Руоль на языке Высоких. – Наверное, ты голоден. Залезай в мой мешок. Сейчас я приготовлю еду. А завтра пойдем ко мне. Нельзя тебе здесь одному.

– Твой акцент... – промолвил Высокий, – ты... ты ведь этот... что ты здесь делаешь?

– Здесь? Живу.

– Это... Это разве не Хребет?

– Это Архатах. Тундра.

– Я заблудился, – обреченно сказал Высокий. – Мои люди... а я... Я шел не в ту сторону. Потому что- будь все проклято! – я ослеп.

– Я помогу тебе, – сказал Руоль. – Зрение вернется.

...Руоль привел его в свою пещеру. Димбуэфер Мит был могучим, широким в плечах человеком с черной бородой, большим горбатым носом, похожим на клюв дикой птицы, с широкими бровями, придававшими лицу суровое и даже угрюмое выражение. Нелегко было тащить такую слепую громадину по глубокому липкому снегу- вверх да вниз по склонам.

– Куда мы идем? – то и дело спрашивал Высокий.

– Я уже сказал, в мое жилище. Хочешь один остаться?

– Далеко же ты живешь.

– Ближе, чем любая другая помощь. Осторожнее, сейчас будет спуск.

...Позже, уже в тепле и уюте, Димбуэфер Мит рассказывал, как попал на Архатах.

– Я поехал из Камней в Верхнюю. Камни- небольшой городок, где я жил. В общем, это названия мест. Из одного места я поехал в другое. Так? Надо сказать, у меня есть враги. И там такое завертелось... Меня и моих людей преследовали. Мы спустились на равнину, хотели сделать крюк- там, в принципе, не слишком далеко. Враги вот только настойчивыми оказались- последовали за нами. Мои люди... а мне как-то удалось бежать, ты понимаешь? Они меня прикрыли. Не знаю, смог ли хоть кто-то... Да что говорить. Проклятье, я даже близко не знаю, сколько бродил в этих снегах! Еда закончилась, холодно, помирать уже собрался. Но я думал, я на Хребет обратно лезу... горы, ты понимаешь, а здесь... Слушай, ты правду говоришь? Где Верхняя, скажи мне, где я?

– Я слышал когда-то, что так называется дом Высоких, которые приезжают с нами торговать. Но я не знаю, где он находится.

– Так, – сказал вдруг Димбуэфер Мит. – Я же не мог слишком уж долго шататься. Иначе бы мне давно конец пришел. И сначала-то я вроде как правильно шел. Я не мог далеко уйти. Скажи мне, друг, не виднеются ли где-нибудь горы?

Руоль отвечал бесстрастно, но его глаза при этом неподвижно смотрели на Высокого, словно он видел перед собой опасного зверя:

– Отсюда ничего не видно, но там, где я тебя нашел... на юге виден Турган Туас- большие темные горы. Луорветаны там не бывают. Мы считаем их недобрыми, злыми.

– Вполне понятно, – сказал Димбуэфер и обрадованно улыбнулся. – Теперь понятно. Стало быть, я на северной гряде. Мы называем ее Щит. Далеко же я забрался. Даже не верится.

На следующий вечер Руоль решил спросить:

– Турган Туас это твой эджуген, твоя страна?

– Мы ее не так зовем, но, думаю, мы говорим об одних и тех же горах. Да, там мой дом. И всего моего народа.

– Я так и думал, – сказал Руоль и отошел. Он давно подозревал и даже был убежден, что приходящие откуда-то с юга Высокие живут именно в Турган Туасе. Говорят, где-то там находится спуск в страшное подземное царство. Высокие что, оттуда вылазят? Как ко всему этому относиться? Димбуэфер Мит не похож на злодея.

С детства Руоль знал, что Турган Туас- место недоброе. Это передавалось из поколения в поколение, само название несло в себе зло. Вполне возможно, случилось когда-то что-то трагическое в истории луорветанов, связанное с теми горами. Возможно, именно в Высоких все дело. Какой народ может жить в подобном месте?

Шли дни. Руоль почти привык думать о маленькой долине как о своем доме. Высокий тоже обжился и чувствовал себя хорошо. Постепенно зрение его восстановилось. Как-то он сказал:

– Знаешь, Руоль, думал я сразу возвращаться, но потом поразмыслил. Погощу-ка я у тебя, а? Пусть дома все поуляжется. Это даже к лучшему. Может, до лета останусь. Спешить сейчас некуда. Большие, понимаешь, страсти разгорелись. Я рассказывал? Враги стали наущничать, что я забрал чужую землю, хотя на самом деле я лишь вернул свое по праву. Ну и...

впал в опалу. Даже отравить хотели. Потом Пресветлый велел отбыть к границе. И штраф... и землю, понятно, отнял. А я не стал дожидаться всех этих расправ. Деньги переправил аж в Среднюю надежным друзьям. Ну а дальше... может, до сих пор меня ищут. Нет, удачно получилось. В Верхней теперь не появлюсь, сразу в Среднюю. Там смогу устроиться. Эх, Руоль, хорошо здесь! Спокойно, тихо. Красота.

Руоль мало что понимал, фактически, только одно и понял: их пути в чем-то схожи, оба изгнанники. Правда, Высокий собирается еще вернуться, кого-то там наказывать.

...И так они жили, делили пищу, беседовали. Димбуэфер Мит охотно что-то рассказывал, отвечал на вопросы, не стараясь сделать свои слова понятнее. Со временем Руоль привык к нему настолько, что тот из загадочного, внушающего смутные противоречивые чувства Высокого превратился для него во вполне обычного человека. Впрочем, иногда этот человек творил чудеса.

Однажды они пошли на охоту, и Димбуэфер взял с собой свое странное оружие, сделанное из дерева и стали, покрытое искусным резным узором, самим видом внушающее смутную тревогу. Его Высокий без трепета повесил за плечо на ремне, и было видно, что оно является для него вещью естественной, как для Руоля - его нож. Почему-то луорветан не решался расспрашивать о таинственном оружии. Шиманов ведь тоже не спрашивают, где хранят они свою силу.

И вот шли на охоту. Руоль выследил зверя, осторожно показал Димбуэферу... А тот вдруг, недолго думая, вскинул свое оружие... для луорветана это было совершенно неожиданно.

Гром, прокатившийся эхом. Дым.

– А-а-а! – закричал Руоль. – И-и-и!..

Он упал на снег, сжимая голову. Все помутилось.

В себя его привел громкий, веселый, беззлобный смех Высокого.

– О-о-о! О-о-ох! – хохотал он. – Я ж думал, ты знаешь! Это же ружье! Думал знаешь!

Парень! Глаза! Глаза!..

Руоль поднялся с неподвижным лицом, стал отряхиваться.

– Очень могучие, быстрые твои духи, – сказал он.

– Какие духи? Говорю тебе, ружье.

– Какое оружие так сделает? – Руоль показал на темную грудку вдали.

– Всякое бывает оружие, – сказал Димбуэфер Мит. – Еще узнаешь.

В один из вечеров Высокий спросил Руоля:

– Что это ты все время делаешь?

– Что?

– Почему бросаешь добрую еду в огонь?

– О, – Руоль удивленно моргнул. – Кормлю духов.

– Духов.

– Сейчас делюсь с духом огня. Огонь нас греет, благодаря ему мы живем. Если мне потребуется что-то от других духов, я стану искать их милости жертвой... иначе могут не обратить внимание. Иные нарочно пакостят, чтобы от них откупились. Если огонь начинает бушевать, он берет все сам. А так он служит. Мы должны заботиться о тех, кто нам служит.

– Золотые слова, – хмыкнул Димбуэфер. – И что... хватает духам?

– Должно хватать.

– А если самому голодно?

Руоль стал хмур и задумчив.

– Мой отец... тоже думал, что лучше сперва накормить тех, кто ближе... семью, себя. Так ему когда-то сказала шиманка Кыра. Но это счастья не принесло. А вы разве не кормите духов?

Димбуэфер Мит перестал улыбаться.

– Вот ведь как завернул, а?

... Чуть позже Руоль сообщил:

– Дух огня остался доволен.

– Как ты узнал?

Руоль повернул голову. Рыжий старичок выпрыгнул из пламени, стал подпрыгивать, хлопать себя по пузу.

– Ух-ух! Хорошо! Как я сыт! Ух, бросай мне дрова, жарче буду гореть, теплом стану греть! Как я доволен!

– Он радуется. Спроси сам, если хочешь.

– Ты меня пугаешь, парень.

... Ночью к Руолю снова пришли свирепые духи. Он повернулся к ним лицом.

– Высокий говорит, что вас нет.

– А мы вот они.

– Он не верит в вас. И я не хочу верить.

– Он верит. Ты веришь. У каждого есть какие-нибудь духи.

Тени метнулись к нему. Во мраке появились знакомые лица, печально смотрящие. А духи знали свое дело. Во тьме летел их злорадный крик:

– В себя не веришь! Только в себя!

Шалашик в низине у ручья, кое-как обтянутый шкурой. Не годится такое жилище на зиму, а между тем, она уже близка. Холодные глаза Белого Зверя смотрят на замершую морю. Хот печально бредет по равнине. Начинается Каюл- Торгыйа- шестая луна. Луна, когда вода замерзает.

Но пока еще ручей, возле которого примостился шалашик, неторопливо течет по холодным камням, только по утрам вдоль берегов и в мелких запрудах образуются тонкие корочки льда, когда вся мора, ее пожухлые жесткие волосы седеют от инея.

Унгу сидела на корточках рядом с торохом, грустно смотрела вдаль. Худое, заострившееся лицо, не по-детски печальные большие, темные глаза, распущенные черные волосы. Вдруг она вздрогнула как потревоженная маленькая птица, оглянулась.

Руоль вернулся. Сестра вопросительно посмотрела на него, он молча покачал головой, отводя глаза.

Зверь как будто совсем исчез из моря. Руоль всегда помогал отцу, но самому быть охотником ему еще только предстояло научиться. Тут и выбора нет, а иначе некуда уже станет затягивать тьялоги- свой кожаный брючный ремешок. А Унгу, бедняжка, вздохнет и опять ничего не скажет. Хоть бы словом попрекнула. Что ли сварить этот самый тьялоги?

Да что говорить, жизнь всегда была не слишком сытной. Глядишь, и сейчас все как-нибудь образуется. Перетерпят. Руолю очень хотелось верить, что неудача отца на него не перекинулась. Черная Старуха ведь их тоже не тронула.

Не стану скулить, подумал Руоль. Луна без родителей- и все? Нужно привыкать.

Руоль присел, помолчал немного, потом сказал:

– Сейчас еще пойду. В другой стороне порыскаю. До вечера вернусь с добычей.

Унгу положила руку ему на голову, погладила по волосам. Совсем как мать когда-то. Руолю захотелось зажмуриться, погрузиться в тепло и уют домашнего очага, забыть, что это худенькая ручка его младшей сестренки. Он застыл, стиснул зубы.

– Пойду я.

– Ой, братик, но ты же устал. Остайся сегодня, отдохни.

«Глупости!» – хотелось крикнуть ему, но вместо этого он только улыбнулся ласково.

– Ты уж подожди. Я скоро.

Он ушел, а по дороге думал: надо идти туда, где люди. Или не проживем зиму. А где они, люди?

Получилось так, что в этот день он все-таки вернулся с добычей. Сияющий, счастливый. И радостно было смотреть, как Унгу устремляется ему навстречу.

И на следующий день Руоль отправился на охоту, чувствуя, что поймал наконец свою удачу. А Унгу улыбалась, провожая его.

И опять Руолю повезло, и даже больше, чем вчера. Возвращался он тяжело нагруженный, усталый, но довольный, представляя восторженный взгляд сестры.

Но встретил лишь пустоту. Разрушенный шалашик, сиротливо брошенный хотукан-напоясный мешочек Унги. Тихий пустой берег, пустая мора. И никаких следов, только в одном месте Руоль позже увидел единственный след орона.

Руоль онемел от ужаса. Бросил добычу, бегал, метался, беспомощно кричал, когда голос вернулся:

– Унгу! Унгу!

Всю ночь сходил с ума, и лишь под утро до него начало доходить, что, возможно, он никогда больше сестру не увидит. Руоль долго сидел, уткнув голову в колени. Уже без слез. Потом встал и отправился на поиски, не имея ни малейшего понятия, кто украл Унгу и в какую сторону ее увезли.

Близилась долгая ночь. Бесперывно веяло с севера стылým, морозным дыханием Зверя. Замели снега. Руоль упрямо шел, замерзая и голодая, брел куда-то, уже забыв обо всем на свете. Он сильно заболел и знал, что скоро умрет.

Но вот однажды он увидел одинокое жилище на открытом месте. Обитал там мудрый Тыкель- старик, очень уважаемый человек, скитающийся по море, то там появляющийся, то здесь. Он не был шиманом, но люди говорили, что ведомо ему многое, и даже сами шиманы с почтением относились к нему. Всюду Тыкель был желанным гостем. Кто еще мог так красочно поведать о мире, о деяниях древности, поражая своим ослепительным знанием?

Замерзший, едва живой Руоль добрел до его жилища.

– Ок! – изумленно приподнялся старик.

А Руоль уже повалился без сознания.

Долго он болел, а когда выздоровел, то остался жить у Тыкеля, привязался к нему, называл дедушкой. Так они стали странствовать вдвоем. Однажды Руоль признался, что совсем в нем пропала надежда найти свою сестру. Тыкель, который безрезультатно долгое время спрашивал об Унгу каждого встречного, только вздохнул и покачал головой.

– Никто не знает, как все обернется, – сказал он.

А вначале следующей зимы слег вдруг и сам Тыкель. Теперь настала очередь Руоля ухаживать за больным. Тяжело ему было, но, к счастью, в этой местности они жили не одни.

Неожиданно приехал сам князец Ака Ака, чье становище находилось неподалеку. Огромный, толстый, он грузно вошел, посмотрел озабоченно, заговорил:

– Давно я знаю Тыкеля. Не мог не приехать. Это ты тот сирота, которого подобрал огор?

– Я... не...

– Послушай, забираю я вас к себе. У меня тепло и сытно. Тыкель поправится. Шиманов кликну, самых лучших, изгонят болезнь.

Руоль не знал, что и сказать. Но пришел в себя Тыкель и, когда услышал щедрое предложение, мотнул было головой, а потом посмотрел на Руоля, на его тощую фигурку и сказал:

– Хорошо.

Так они стали жить у Аки Аки. Тыкель выздоровел. А князец узнал, кто есть Руоль.

– Так ты мой родственник! – воскликнул Ака Ака. – Ну, будешь теперь моим сыном!

К приходу тепла Тыкель собрался уходить. Он сказал:

– Спасибо тебе, Ака Ака. Достаточно я у тебя погостил.

– Оставайся, прошу тебя, – Ака Ака действительно не хотел отпускать Тыкеля. Ему нравилось, как люди говорили, что такой известный сказитель живет у богатого князца.

– Я привык странствовать, встречаться с разными людьми, – отвечал Тыкель, – поэтому уйду. Но я буду охотно навешать тебя.

– А Руоль? Он мой родственник, не забывай. Я могу многое ему дать.

– Руоль, – задумчиво молвил Тыкель, и морщины на его лице углубились. – Я бы сказал, что в этом наши с тобой желания совпадают. Сердце мое хотело бы оставить его при себе, но ты прав: здесь семья, которую он обрел, здесь друзья и женская забота.

– А еще ему все время будет тепло и сытно. Пора мальчишке узнать хорошую жизнь.

Тыкель грустно улыбнулся.

– Я поговорю с ним, Ака Ака.

И вот так Руоль остался жить у князца.

В один из пасмурных дней Саин со своим отрядом достиг гряды Архатаха. За время пути в нем все больше крепла уверенность, что именно здесь скрывается беглец Руоль. Именно здесь, а не в Тарве, а значит, Тары- Ях, как ни удивительно, сказал правду. И чем ближе подъезжал Саин, тем сильнее становилось это чувство. Словно бы некая невидимая связь установилась между ним и беглецом. Впрочем, Саин старался не думать, что эта связь вообще существует. Просто добрые духи его ведут, не иначе.

Тем не менее, Архатах это не просто холм, какая-нибудь сопка с редколесьем. Что ж, решительности Саину не занимать, а с пришедшей уверенностью она удвоилась. Велик, огромен Архатах, но, если придется, его прочешут вдоль и поперек, под каждый камень заглянут. Рано или поздно искомое отыщется. И хочется думать, духи окажут помощь, выведут как можно скорее. С этой целью Саин не поскупился на большую жертву.

И начался поиск. Время шло, воин не терял решимости. Все равно найдут, все равно выследят, все равно поймают. Оставаясь один, Саин все чаще проклинал Руоля, жалкого выродка.

– Ненавижу, -шептал он. – Ты бросаешь на меня свою черную тень. Твоей кровью только смою позор.

И скрипел зубами от злости и ненависти. С каждым безрезультатным днем росла эта злость. Велик Архатах, поиски продолжались. Чередой дней Саин, словно жгучими каплями, наполнял чашу своей ненависти, чтобы при встрече с Руолем выплеснуть ее тому в лицо. Эту едкую смесь обиды, презрения и всех этих напряженных дней, наполненных изводящей до печенок злостью и растущим раздражением.

Поиск продолжался.

Муусутар- луна, когда вскрываются льды и вновь начинают течь реки. А следом придет Эдж- луна веселого хоровода, новой жизни. Но сейчас эта жизнь только рождается в таянии снегов, в раскалывании толстых ледяных покровов. Именно сейчас закончилась зимняя спячка. Оттого Муусутар считается первой луной, а предыдущая- Сурапчи- соответственно, последней луной старого, сделавшего полный оборот года.

Впрочем, первая луна бывает разной в разные годы. Иногда Белый Зверь оказывается слишком силен, и снега лежат до самого конца Муусутара, да и в лучшие годы мора не освобождается от снега совсем- то там, то здесь встретишь чернеющие лоскуты ноздреватых сугробов или особенно толстые куски ледяных глыб, ставшие похожими на темные валуны. Но, как правило, последующий Эдж- это уже тепло, уже проснувшийся, распускающийся мир, хотя и в Эдж порой идет снег. В море бывает по-всякому, и ко всему здесь привыкли. Ведь смена времен- это борьба, живая борьба, которая не может каждый раз проходить совершенно одинаково.

В этом году луна Муусутар оказалась вполне обычной. Белый Зверь не имел нынче сил, чтобы бороться до конца. Он поогрызался, но отступил, сдался в конце концов. И вот потекли ручьи, стали исчезать снега, сбросила мора свою зимнюю шубу. И уже появились кое-где первые, самые ранние цветы, пробившиеся чуть ли не сквозь снежный покров. Сползал снег и со склонов Архатаха. Он чуть залежался было в почти нехоженных чащах корявых деревьев, но и там во второй половине Муусутара стал сходиться на нет.

– Вот и весна, – радостно говорил Димбуэфер. – И сюда докатилась. У нас-то, поди, уже все зелено. Подумать только, ведь рукой почти подать, а климат разный. Наверху мне тепло было, а стоило спуститься... чуть не околел, да и ослеп вдобавок. Вот какой у вас край. Но мне здесь нравится. Особенно теперь.

А Руоль снял свою тяжелую доху, сменил зимнюю обувь- хэмторэ- на тары- сапоги из мягкой кожи, и тоже, как и всякий луорветан, радовался, что отступает холод, что лютый Зверь опять вынужден убраться во льды, поддетый рогами Хота.

Между тем Высокий стал еще более шумным и болтливym. Частенько он поносил своих неведомых врагов, «продажных лизоблюдов, интриганов», потом начинал похваляться, упирая на свою принадлежность к «высокому роду». Руоль не совсем понимал, почему это так важно и почему не все Высокие на самом деле Высокие. Но он безошибочно заключил, что Димбуэфер уже скучает по дому, уже рвется назад, уже не терпится ему включиться в эту странную жизнь. Руоль думал об этом и отчего-то ему становилось грустно. Незаметно для себя он привык к этому беспокойному большому человеку, недаром называемому Высоким- Руоль макушкой едва доставал ему до плеча. И даже злые духи, казалось, боялись Димбуэфера.

Как-то так получилось, что однажды Руоль поведал и свою историю, хотя Высокий ни о чем не спрашивал. Внешне бесстрастно рассказал о том, как и почему оказался совсем один в этом пустом краю, сам же с огромным напряжением ожидал реакции.

Димбуэфер Мит повел себя несколько странно, не так, как должен был в представлении Руоля- он только плечами пожал, покачал головой, вздохнул.

– Ох и много же дел творится повсюду. Что мне сказать? Видел я и покруче. Но смотрю, парень, ты себя порядком изводишь. Вот бы не мешало кое-кому и у нас... а-то не жрут их духи, поганцев. Ладно, что было, то было, так я говорю. Больно тебе, я понимаю, но прошлого не воротишь. Надо бы думать о будущем, так?

На том он успокоился. А Руолю показалось, что Высокий вообще пропустил все мимо ушей, но хотя бы груз был частично снят, как ни странно.

Однако на следующий после разговора день Димбуэфер подошел к Руолю и сказал:

– Я тут подумал, парень. Стоит ли тебе кинуть здесь? Не отправишься ли со мной?

– Куда? – выдохнул Руоль, хотя ответ был уже ему очевиден, отчего закрутилось, замутилось все внутри.

– Да ты не бойсь, – засмеялся Высокий, – я тебя, конечно, не брошу. Помогу, позабочусь. С жизнью познакомлю. Что ты тут видел вообще?

– Но это же, – Руоль замотал головой, – Турган Туас!

Высокий усмехнулся, насупил свои густые брови.

– Дургандуас! – передразнил он. – Тебя, брат, мои рассказы не убедили? Откуда там взяться духам, тем более вашим духам? Люди там живут, обычные люди. Вот на меня хотя бы посмотри. Случаются, конечно, лихие дела, но дела все человеческие, понимаешь? Ты подумай, обстоятельно все обмозгуй. А вот когда посуше станет, тогда и стоит отправиться. Надеюсь, что вместе. А не понравится, всегда можно вернуться.

– Мне кажется... это путь безвозвратный.

– Хм, ты меня иногда поражаешь.

Руоль закрыл глаза, открыл... сказал спокойно, но с таким чувством, будто нырнул в черную бездну:

– Я подумаю.

И Руоль думал, крепко думал. Велик был страх перед Турган Туасом. И как оставить мору, как уйти из нее? Разве мыслимо это для луорветана?

Но разве он уже не на этом пути? Что остается?

Что ответить Высокому?

Когда уходят снега, все живое, и человек в том числе, слегка шалее от перемен, становится словно бы пьяным в эту быструю пору. Вскипает кровь, поступки становятся горячими, часто необдуманными. Чувства берут верх. Да и на что еще это время? Думать можно в долгую морозную ночь.

Вот и братья- охотники, Кыртак и Акар, забурлили, закипели. Поэтому неслись они прямо к Аке Аке, зная, что тот находится на своем стойбище в Сыле, откуда переезжает в Эдж или в самом конце Муусутара.

Более осторожный и умудренный Кыртак все же обдумывал предстоящую встречу, волновался и всерьез опасался тех вестей, которые ожидают впереди. Акар же скакал, недобро скалясь, зная, что ответы на вопросы все равно никуда не убегут. Но в целом оба брата были охвачены той бесшабашной дерзостью и безумием, что приходят вместе с солнцем, с пьянящим свежим воздухом.

Мчались они к Аке Аке, чтобы из первых рук узнать все ответы.

Князец Ака Ака грустил в одиночестве. Специально выгнал всех- так захотел. Теперь он медленно попивал каыс и смотрел в огонь, вспоминая свои самые светлые времена, когда он и сам был другим. Еще глаза дочки, птички, лучика солнечного. У нее глаза матери. Когда-то Ака Ака знал это наверняка, но сейчас уже не вспомнит ни глаз, ни лица первой своей жены. Ну и пусть. Это давно уже было.

Снаружи доносились обычные звуки живого стойбища, но они словно бы отделились от Аки Аки- настолько он погрузился в собственную тишину. Поэтому не сразу обратил внимание, что откинулся полог, и в юрту вошли двое, сразу заполнив собой все.

– Арад-би, Ака Ака! – звонко, с насмешливыми нотками сказал Акар.

Тогда лишь князец дернулся, судорожно повернул голову.

– Как?!

– Это мы, Ака Ака, – сказал Кыртак. – Ты же хотел нас видеть? Вот мы и пришли. Давай сядем, поговорим.

– Рассказывай, уважаемый Ака Ака, – бросил Акар, устраиваясь на всякий случай возле полога.

Некоторое время князец сверлил братьев гневным взглядом, пот блестел на его толстой коже. Потом он стал рассказывать, зло выплевывая горькие слова. Лица братьев сначала одинаково вытянулись, потом у Кыртака оно стало угрюмым, а у Акара возмущенно вспыхнуло. Младший брат первым и не выдержал, вскричал:

– Ты врешь!

– У людей спроси, дурак! – не менее зло выкрикнул Ака Ака.

– Вели прекратить поиски, – промолвил Кыртак, не в силах поднять голову.

– Ты смеешься надо мной? Ни за что!

– Нельзя же так. Нужно во всем разобраться.

– Он бежит, прячется, что еще нужно? Если вы честные люди и на самом деле ничего не знали, вы должны помочь отыскать его. Он и вас предал.

Кыртак покачал головой.

– Мы не станем его искать. И не отвернемся от него, говорю тебе. Но нужно крепко подумать. Нам очень жаль. Трудно. Как тут быть, пойми ты, Ака Ака... Мы уходим.

Акар кивнул, соглашаясь с братом, потом воскликнул:

– Но если твои молодчики еще раз попытаются нас тронуть- тогда смотри! С тебя спросим за твоих калутов.

– Что?

– Пошли, пошли, Акар.

Полог откинулся и снова закрылся. Ака Ака остался один- бессильно кричать, топтать ногами, потрясать кулаками, скрежетать зубами. Потом он выбежал на улицу, оглядел двор, заорал. Сбежались пьяные калуты и сонные женщины.

– Велел же не тревожить, – пискнул кто-то.

– Зарежут меня на глазах у вас, никто пальцем не пошевелит! – вскричал князец с пеной у рта.

Потом одернул себя. Не подобает так. Сейчас, вместо того чтобы метаться меж этих глупых рож, выберет кого наказать.

И думал было послать за братьями погоню, отомстить, наказать, но успеется. Доберется и до них в свое время. Главное, что никого они не скрывают- это князец понял по их реакции, – а значит, нет у беглеца друзей, и скрывается он где-то в жалком одиночестве.

...Позже, скуля, приполз бесславно разгромленный Тюмят, и уже вскоре все становище и чуть ли не вся мора посмеивались над злополучным воителем.

Это не могло не бесить Аку Аку. Тюмят что? – калут! В первую очередь это над хозяином смеются. Вот и еще одна обида, которая, надо полагать, зачтется братьям- охотникам.

Крепко бил Ака Ака глупого Тюмята, шибко злясь.

На бескрайнем просторе, под широким небом стояли два брата- растерянные, задумчивые.

– Что делать? Как быть? – Акар беспомощно посмотрел на брата. Тот молчал, хмуро глядя куда-то вдаль.

Акар махнул тьяхом, ударил им по голой земле.

– Спешили, боялись, что друзья в опасности! Так оно и оказалось. А кого теперь спасать? Кыртак зашевелился, медленно произнес:

– Уйдем отсюда, Акар.

– Герои древности шли в бой, а мы?

– Забудь ты уже о них.

– С Тюмятом легче было драться. Ты прав, лучше уйти. Слишком тут все непросто для нас.

И братья отправились в путь, и не было уже дерзости и напора, и никуда они не спешили.

Несколько дней спустя увидели они одинокое жилище, заглянули. Велико было их удивление, ибо в том жилище обнаружили Тынюр, Чуру и хворающий старик Тыкель. Все обрадовались встрече.

– Тяжело стало, – пожаловался Тынюр, утирая глаза рукавом. – Совсем мы одни.

– Теперь вы не одни, – сказал Кыртак.

Тыкель приподнялся со шкуры, спросил:

– Не поймали они Руоля?

– Нет.

– Хорошо, -промолвил старик. – Думаю, что не поймают. Ушел наш Руоль. Может быть, он уже не вернется. Что ж, лучше уж так.

– Не будем больше об этом, – попросил Кыртак. – Как ты, Тыкель?

– Поправляюсь. Спасибо Чуру.

Акар же, узнав о происшедшем со стариками, заскрипел зубами.

– Ака Ака! Он у меня поплатится!

Кыртак положил руку брату на плечо.

– Не время сейчас, Акар. Но мы запомним. Знаете, что, – обратился он к супругам и Тыкелю, – заберем мы вас с собой. Все вместе станем жить.

– Конечно, – кивнул Акар. – Мы вот какие охотники. Не пропадем. Еще как заживем.

Просияли лица стариков, навернулись на глаза слезы.

– Завтра же в путь, – сказал Кыртак. – Наш дом отсюда далеко, но и оттуда переедем вскоре. Пока будем держаться подальше от Аки Аки.

– Ох, как хорошо стало! – не выдержав, воскликнула Чуру.

Так они и решили, и назавтра все вместе отправились в новый путь по бескрайней море.

Однажды Руоль бродил по пещере, размышляя о будущем и о прошлом, когда в голове возникло эхо давно произнесенных слов. Злая тень надвинулась. Руоль мотнул головой, зажмурил глаза, постоял так немного, потом пошел искать Высокого.

Димбуэфер Мит сидел у озера и был занят тем, что, развлекаясь, топил палкой прибившуюся к берегу льдину.

– Объясни мне, – сказал Руоль, – что значит... «улымдаанырши».

Димбуэфер посмотрел с недоумением, неуверенно улыбнулся.

– Не понимаю. Что-то по-вашему? А меня почему спрашиваешь? – Вдруг лицо его изменилось, палка выпала из рук. – Подожди-ка! Как ты сказал?

– Улымдаанырши.

– Улемданар Шит?

Руолю стало жарко, голова закружилась, казалось, земля из-под ног уходит.

– Да... Это имя?

– Понятно, имя. Но откуда ты?.. А-а... слухи, и здесь слухи. Надо же, какая слава. Купцы с Верхней, я думаю?

– Нет. Я один раз... встречался с ним. Я тогда ребенком был. Он приезжал к нам, совсем ненадолго, сразу уехал. Но я запомнил.

– Ого! Рассказывали, что Улемданар шатался по тундре... Слушай, Руоль, не перестаешь ты меня удивлять. Посуди сам: и по-нашему разумеешь, еще и с самим Улемданаром встречался. Бывает ли так? Первый встречный, а? Провидение, что тут еще скажешь?

– Расскажи о нем, – попросил Руоль, не сводя с Высокого настойчивого взгляда.

Димбуэфер помолчал, подобрал палку, зашвырнул вдруг ее в озеро, где она ударилась о льдину, отскочила, выбив белые брызги и упала в темную воду.

– Что ж, попробую. Улемданар Шит. Зверь Улемданар, как многие его называют. Никакой он не злодей, никакой не спаситель, я так думаю. Просто власти хотел, как и все. Но в свое время творил большие дела, хотя неизвестно, кем он был на самом деле. Некоторые говорят, простым земледельцем, некоторые убеждают, что боярином какого-то безызвестного рода. А пробился в князья. Удалось как-то, ты понимаешь. Поднял голытьбу, как водится. Был бунт. Улемданар захватил один городок, сам себя произвел в князья. Здесь уже многие стали ему подчиняться. Потом двинул на Верхнюю, тамошних бояр заставил признать себя, а князя казнил. Тогда уже и власть настоящая пришла. И союзники появились, и воины. А бедноту постепенно начал загонять обратно. В общем, довольно круто взялся. Некоторое время отражал набеги, грабил, разбивал тех, кто хотел его скинуть, укреплял свою власть в Верхней. Возможно, так и добился бы, чтобы его, самозванца, признали даже другие князья. Но, видишь ли, Верхней ему оказалось мало, покусился на Среднюю. Средняя- великий стольный город, богатый и могучий. Никому не удавалось захватить его силой и единолично там засесть. Тамошнее боярство само приглашает на княжение. Но и Улемданар был силен, немалую рать собрал. Вспомнил о голытьбе и опять призвал ее, много чего посулив. Недаром сразу нескольких

земель князя собрали против него войско. Рассудили, что свои распри лучше на время забыть и всем стать вместе.

А потом в самой Средней вспыхнул мятеж, и поговаривали, что это дело рук Улемданара, его послов. И могло получиться. Даже кое-кто из собравшихся князей хотел, воспользовавшись смутой, самолично воссесть в Средней. Но Бог миловал, милосердный, мощный.

Армию Зверя встретили неважными силами, и лежать бы им всем там, но получилось, что и в войске Улемданара был раскол- то ли военачальники, плели заговор, то ли само разношерстное войско стало разбегаться, вспомнив все прежние грехи. Конечно, теперь-то говорят, что победа была неизбежной, только, говоря откровенно, Улемданар едва не смял всех этих князей вместе взятых. Ты не подумай, я тоже счастлив, что его разгромили. Я восхищаюсь порой, как он в свое время встряхнул тех, среди которых мои нынешние недруги, но понимаю, что, победи он вдруг, и всему нашему брату житья бы не стало.

Такая вот история. Улемданар был разбит. Сколько-то еще сопротивлялся, огрызался, но всюду отступал, везде его гнали и били. В конце концов бежал и из Верхней, и отовсюду. Хотел прорываться за Хребет, в Леса, но проиграл еще один бой и, совсем уже в отчаянии, был вынужден бежать в тундру. Прямо как я, слушай. Кстати, странное дело. Среди той самой обманутой и битой потом самим же Улемданаром голытьбы до сих пор с уважением произносят в иных краях его имя. Мол, он вел к свободе. Дураки, а?

Руоль слушал молча. Почти ничего не понял, но ни разу не перебил, не задал ни одного вопроса. Просто запоминал и старался представить Улемданара- духа или человека.

– Ну прости уж, – улыбнулся Димбуэфер. – Сам просил. Если непонятно, спрашивай.

– Не надо, – качнул головой Руоль. – Скажи только... где он теперь?

– А вот этого не знаю. Скорее всего, погиб или сам умер. Некоторые верят, что он еще жив. Говорят, что бродит где-то, а-то и отрекся от суеты мира и живет отшельником. Как всегда, земля слухами полнится. Известно, что несколько лет назад он вернулся на Хребет и принялся нападать на деревни. Чего хотел, не знаю. Прорываться на ту сторону или вернуть былое? В любом случае, это был уже не тот Улемданар. Так, ерунда- несколько жалких набегов на деревни. Шайка разбойников. Правитель той области быстренько с ними разобрался. Ну а след самого Улемданара Шита затерялся. Вот и все. И не так уже часто его вспоминают да и... с равнодушием, понимаешь?

Руоль промолчал.

Рассказывают в Верхней, как ушел Улемданар...

Теперь казалось чем-то похожим на сон стоять вот так запросто на этих крутых склонах, снова видеть вблизи эти вершины, эти луга, эти карабкающиеся вверх леса. Столько времени, столько скитаний... и лишь издали смотреть на Хребет.

Только что ушедшее за седые вершины солнце еще окрашивало ту часть неба алым, здесь же, в долине, быстро сгущалась темнота, но и она полыхала недобрым заревом.

Улемданар Шит повернулся к горящей деревне. Навстречу скакал всадник.

– Все! – крикнул он, осадив коня. – Сопротивления больше нет. Да и кому тут?

– Прочесать все. Нам не нужно, чтобы кто-нибудь выскользнул да побежал впереди нас, упреждая. – Улемданар раздраженно дернул головой. – И потушите уже огонь. Хватит.

– Да... пришлось. А вон там они уже сами, негодяи. Шибко горит.

– Тушите. Стой еще, – Улемданар пробежал глазами по деревне. – Я буду... да, вон в том доме.

Всадник ускакал.

Улемданар вдруг сорвал шлем, стиснул голову руками, упал на колени, ударился лбом об землю.

– Ы-ы-ы-ы...

Пальцы скребут землю, зубы стиснуты, с уголка губ стекает слюна...

Потом Улемданар встал, осмотрелся, кашлянул и нетвердой походкой направился к центру деревни.

Возле дома стоял солдат, запоздало вытянувшийся при приближении командира. Улемданар посмотрел на него налитыми кровью глазами.

– Кто это там визжит как резаный? Прекратить! Тишину мне, понятно?

Солдат испуганно вытаращился на него, быстро кивая.

Действительно стало тихо, когда Улемданар входил в выбранный дом.

О, Всезнающий, Всевидящий, Всеслышающий! Усталость... какая усталость...

Отчего-то перед глазами все плыло. Он поднялся по лестнице, толкнул дверь первой попавшейся комнаты, зашел и отгородил себя от всего. Остался один в темноте. За окном отблески пожара. Дергающиеся тени.

Показалось, в углу кто-то сидит. Голова резко повернулась. Никого...

Тени двигались.

– Улемданар...

Холодный пот прошиб его, и словно бы чья-то мертвенно-ледяная рука стиснула горло.

– Улемданар... Зачем? Зачем? Зачем?..

Он вскрикнул и повалился на дощатый пол.

Что-то прогрохотало снаружи. Где-то рядом раздался истошный вопль.

– Командир! Нападение!

Улемданар пришел в себя, вскочил, метнулся к окну. Жгучий холод пробежал по всему телу. Показалось, тени цепко схватили его, обняли как родного.

– Зачем? Зачем? Зачем?..

Дикая боль пронзила мозг горячей иглой. Улемданар затрясся, закричал нечеловеческим голосом. Окно... Из последних сил рванулся, нырнул вперед головой. Звон разбитого стекла...

– Зачем? Зачем?..

...Это была княжеская рать. Прогремел короткий яростный бой. Небольшое войско Улемданара было разбито, рассеяно, а самого его так и не нашли.

А вскоре, как это и бывает, разлетелись по земле во множестве самые невероятные слухи об Улемданаре Шите. Истина же, как обычно, осталась тайной.

Как-то раз Димбуэфер Мит снова спросил Руоля:

– Что ты надумал? Пойдешь со мной?

Руолю стало невыносимо душно, за его спиной ухмылялись во мраке злобные духи.

– Н-нет, – проговорил он севшим голосом. – Боюсь...

– Вот как! – Димбуэфер вскинул густые брови.

Руоль поднял руку, покачал головой.

– Боюсь... что смогу там жить. Я не знаю, как объяснить. Кто это будет на моем месте? Я не хочу его.

– Очень жаль, – сказал Димбуэфер. – Но я понимаю. Да, я понимаю.

Бледно-зеленые иголки проклюнулись на ветвях, сразу оживив и молодые и мрачные старые деревья. Распустились на мшистых склонах цветы-колокольчики, покрытые мягким пушком, будто шерсткой. Розовые, голубые, красные, фиолетовые крапинки на зеленом и желтом. Зима ушла.

– Пора бы уж мне и возвращаться, – говорил Димбуэфер Мит. – Посмотрим, как там. Может, все и стихло. У нас всегда так: сегодня ты в опале, завтра- твой враг.

Они с Руолем пошли поохотиться на север от долины в сторону туахана- корявого леса. Руолю было грустно, он все больше молчал. На плече Димбуэфера висело ружье, Руоль нес лук, нож, все обычные свои охотничьи принадлежности. Высокий вызвался помочь наготовить мяса впрок, и, хотя Руоль не видел в том необходимости, однако не смог отказаться, может быть, в последний раз пройтись по окрестностям с Димбуэфером. Да и для того это было, скорее, чем-то символичным, нежели простой охотой. Во всяком случае, сейчас они шли совсем не по охотничьи, громко беседовали, не особо заботясь о поиске зверя. Руоль, впрочем, не забывал смотреть по сторонам.

– А вдруг и навещу тебя как-нибудь, – сказал Высокий. – Если все утрясется. Найду ли тебя здесь?

Руоль только вздохнул. Кто знает, что будет?

Они добрались до леса. Почти непролазные заросли стояли перед ними: замшелые стволы, выползшие наружу корни, сплетенные между собой ветви. Любой туахан всегда кажется мрачным, древним, но в эту пору даже он оживает, одевается в радостный, колючий зеленый наряд.

– Свободен, брат! Здесь я свободен. Грустно будет уходить.

– Ой, -Руоль удивленно уставился под ноги.

– Что там «ой»? Ого-го!

– Не кричи! – вдруг яростно зашипел луорветан; лицо его исказилось, в глазах заметался страх.

– Ты чего, парень?

Руоль ткнул рукой в землю.

– Здесь кто-то был только что.

– И что это значит? – вполголоса спросил насторожившийся Димбуэфер.

Руоль не ответил.

Вдруг откуда-то из-за деревьев донесся громкий свист. Высокий хмуро взялся за ремень ружья. Через мгновение раздался еще свист, более далекий, затем- шум, топот, треск.

Руоль попятился.

– Это за мной. Я знаю.

– Так, – произнес Димбуэфер с какой-то даже хищной радостью. – С чего ты решил? Мне, конечно, оно тоже не нравится.

– Это воины. От них не уйти.

– Серьезно? Судя по звукам, нас окружают. Я пока никого не вижу. Слушай, стоим тут как чучела. Давай туда.

Они рванулись к ближайшим деревьям, залегли за толстым стволом, растущим почти горизонтально вдоль самой земли.

– Ерунда, – сказал Высокий, почти с нежностью посмотрев на свое ружье. – Поговорим. Они удивятся.

Руоль зажмурился.

– Я не хочу сражаться. Их послали духи. Кровь... совсем мне худо будет.

– О, брось этот вздор! Не таковы мы. Смотри, олени! А вон и люди.

Показались мощные боевые ороны со всадниками, стали приближаться к границе леса, появляясь из-за изгибов склона и снова пропадая из виду. Руоль осторожно выглянул.

– Это за мной, – убежденно повторил он. – За кем еще? Калуты Аки Аки.

Кто-то вдруг закричал впереди, за валунами:

– Он здесь!

– Чего он там орет? – недовольно пробурчал Димбуэфер.

– Нас нашли.

– Они нас видят?

– Они знают.

– Как считаешь, можем еще разойтись миром? – Высокий осторожно высунул черное дуло ружья, стал медленно водить им из стороны в сторону, припав щекой к прикладу, глядя в небольшой просвет меж сплетенных ветвей.

– Подожди, – попросил Руоль.

– Подождем, – отозвался Высокий, не меняя позы.

Несколько раз проревели- протрубили, задрав морды, боевые ороны, донесся легкий звон, потом вдруг стало тихо.

– Что такое? – прошептал Димбуэфер. – Куда подевались?

– Скрадывают нас. Скоро расхраблятся, перестанут прятаться. Сейчас они как бы... наших злых духов обманывают. Призывают своих.

– Я им покажу, обманывать наших духов! – процедил сквозь зубы Димбуэфер.

Послышался короткий посвист и следом- треск в кустах: неизвестно откуда выпущенная стрела упала далеко в стороне.

– Мимо, – усмехнулся Высокий.

Руоль зашептал:

– Не буду... я выйду, а ты сможешь скрыться. Они не знают, сколько нас.

– Еще чего! – Димбуэфер метнул на него гневный взгляд. – Будешь ныть, сам тебя выкину, – он снова приник щекой к прикладу. – Ну покажитесь уже.

Словно вняв его просьбе, поодаль, из-за валуна показался человек. На достаточном расстоянии, чтобы не бояться стрелы, но на всякий случай держащий перед собой щит. Человек закричал что было мочи:

– Трусливый Руоль, выходи! Выходи честно, выродок, если ты еще помнишь, что значит это слово!

– С ним я буду сражаться, – произнес Руоль.

Вдруг он вскочил, стремительно прыгнул через ствол и оказался на открытом месте. Димбуэфер от испуга и изумления разинул рот, да и человек у далекого валуна, казалось, оторопел. В этот момент донесся звон со всех сторон, проревели ороны, прокричали воины. Повевакивали отовсюду. Руоль прищурился, осознавая, что действительно теперь не уйти, впрочем, это последнее, о чем он беспокоился. Воины приближались. Человек у валуна заплясал на месте. Голубое небо вверху, яркое солнце, зеленые склоны, а на них- движущиеся темные фигуры. Все это казалось нереальным, каким-то ненастоящим. Руоль закричал:

– Саин, ведь ты позвал меня для поединка, разве нет?

Дергающийся человек за щитом откликнулся:

– Ублюдок, ты этого не заслужил! Стой на месте, и сейчас тебя не убьют. Повезем к Аке Аке.

– Нет, не дамся, – прошептал Руоль. – Только не тебе.

– Хватайте его, вяжите! – кричал Саин. Он и сам побежал навстречу, видя, что Руоль не двигается с места, даже не шевелится.

Неожиданно из-за дерева с громоподобным ревом выскочил огромный, разъяренный Димбуэфер Мит, словно черный дух леса с гневно торчащей бородой. Он встал возле Руоля, вскинул ружье.

Громыкнул выстрел. Кто-то завопил в смертном ужасе. Приближающиеся группы воинов смешались, рассыпались, иные пали на землю, иные застыли на месте, вскинув руки. Ороны рвались прочь. Саин опять спрятался за каким-то камнем, закричал оттуда:

– Руоль совсем отдался темным духам! Его надо убить!

Воины стали приходить в себя. Страх заглушился отчаянной, иступленной яростью. У Саина тоже перед глазами поплыла багровая пелена, он почувствовал руку духов, разгневанных делами Руоля, зовущих его прямо сейчас смыть позор. Саин мгновенно распалился.

– Я сам убью его! – вскричал он и запрыгнул на камень, поднял лук и натянул тетиву.

Руоль достал нож и держал его в вытянутой руке. Димбуэфер Мит тянулся за новым патроном. Калуты приближались- не спеша, наискосок, будто волки.

– Ну-ка назад, – проговорил Высокий, не глядя на Руоля. – Зачем выскочил, дурак?

Саин изготовился стрелять, но почему-то медлил; стрела застыла на туго натянутом луке. Руоль смотрел куда-то за спины воинов. Димбуэфер уже поднимал ружье, направленное в сторону Саина.

Внезапно Руоль закричал, показывая на что-то кончиком ножа.

– Смотрите!

Невольно все обернулись. В отдалении, на открытом месте у крутого склона стоял огромный черный орон- харгин. Шея его была гордо выгнута, голова, увенчанная мощными ветвистыми рогами, повернута к людям. Это был улик- сэнжой, но, похоже, он нисколько не боялся и не собирался бежать. Поначалу Руоль подумал, что это Куюк, каким-то образом почувствовав, прискакал сюда, но через секунду понял, что ошибся- там вдали стоял настоящий улик. А еще через мгновение осознание прошибло его, будто холодный пот. Тогда-то Руоль и закричал.

Обернулись все, и только Саин не спешил- поворачивался медленно, напряженно, заранее втянув голову в плечи, словно тоже что-то почувствовал. Затем он выкаченными глазами уставился на спокойно замершего вдали харгина. Казалось, улик и луорветан смотрят прямо в глаза друг другу. Тут и воины Саина почувствовали неладное, поняли, что могучий улик-самец не является обычным олья. Трепетный страх пронзил их сердца.

– Уходим, – шепнул Димбуэфер, которому показалось, что Руоль отвлекал внимание. Он потянул его за руку, надеясь в возникшем оцепенении- странном и непонятном ему, укрыться за деревьями, однако луорветан неожиданно уперся. Громким, едва ли не торжествующим голосом Руоль закричал:

– Саин, вспомни шиманку Кыру! Вспомни, куда она девала твою болезнь!

Все калуты будто вросли в землю, лица их выражали тревогу и суеверный страх- творилось что-то непонятное, что-то огромное и пугающее.

Это не может быть Харгин, подумал Руоль. Столько лет прошло. Но не мог, видя его перед собой, усомниться. Это он и есть, возможно или нет.

Саин онемел, задрожала его печенька.

– До конца, брат, – прошептал Руоль, вытер лицо рукавом.

Потом сказал Высокому:

– Дай мне ружье.

– Что? – переспросил Димбуэфер, озадаченный тем, как все повели себя при появлении черного оленя.

Руоль молча взял у него ружье, вскинул... сразу, практически не целясь, спустил курки.

Кто-то упал, лишившись сил от страха, а вдали заревел орон, прыгнул в сторону, мотнул тяжелыми рогами, зашатался и вдруг рухнул. Пороховой дымок поднимался над Руолем, напряженно всматривающимся туда, где чернела теперь уже туша харгина.

Все замерло. Внезапно в вибрирующей как тетива лука тишине раздался истошный, нечеловеческий вопль. Кричал Саин. Он свалился с камня, упал навзничь и задергался в припадке. На губах выступила пена, тело неестественно выгибалось, глаза помутнели в безумии. Саин стал похож на шимана во время совершения обряда. Стало ясно, что в него ворвались духи. Изредка сквозь вой прорывались и внятные слова:

– Уби-и-ил! Теперь я умру-у-у! Она верне-о-отся! А-а-а, убил!

Руоль отдал ружье опешившему Высокому и сказал безжизненным голосом:

– Пошли. Им станет не до нас.

– Но что произошло? – моргнул так и не понявший Димбуэфер. Руоль покачал головой.

– Думаю, они вернутся туда, откуда пришли. Саину нужна помощь. Больше Руоль ничего не сказал. Время, чтобы скрыться.

Духи крепко вцепились в Саина. Старая болезнь возвратилась с новой яростью, принялась терзать слабое тело, еще злее, словно мстя за годы, проведенные в изгнании, в заточении. Саин лежал в забытии, медленно угасая. Черная тень подняла над ним свое крыло, душа отрывалась от тела.

Только сильный шиман сможет теперь вернуть ее обратно и снова изгнать болезнь. И лишь об этом думали калуты, держа спешный путь к Баан- сараю в чудесной местности у реки Ороху, зная, что, когда они до него доберутся, князец Ака Ака уже наверняка будет там. А уж он-то поможет, созовет лучших шиманов.

И они мчались день и ночь, понимая, что ценно любое мгновение. Ничего не зная о детской болезни Саина, но сразу сообразив, что их предводитель и черный орон были как-то связаны, и, как только сэнжой был убит, несчастье пало и на человека. Забыв о задании, не думая даже о возможном гневе Аки Аки.

Но позже во время этого скорбного пути стали со страхом вспоминать о Руоле. Учитывая все его деяния, можно ли по-прежнему считать его человеком? И калуты забоялись Руоля, в них даже появилось некоторое суеверное почтение. Простые люди могут судить только дела таких же как они, деяния же иных существ едва ли можно понять и оценить человеческими мерками.

Быстро, неумолимо утекало время. Мора была широка, необозримо и невообразимо велика и великолепа; казалось, пути никогда не будет конца.

Воины спешили, ороны неслись во всю мощь. Саин истончился, пожелтел, угасал как последняя зола в очаге покинутого жилища.

Руоль убедился, что калуты Аки Аки покинули Архатах, а Высокий все чаще заговаривал о возвращении в родную сторону, но почему-то никак не мог выбрать подходящий день, медлил, откладывал, находил себе то одно, то другое дело. Он говорил:

– Слушай, парень, утро-то какое! В самый раз для рыбалки. А не половить ли мне рыбки в озере? Ушицу сварим, а?

Ловился злой кусун, ловилась хитрая сордо. Высокий безмятежно сидел на берегу, что-то напевая.

Руоль подошел к нему, спросил напрямик:

– Когда ты возвращаешься?

– А? Да вот...

– Я с тобой.

– О!

– Да. Теперь я этого хочу. Я оторвался от...

– Знаешь, что я тебе скажу? Как бы ни была велика твоя мора, для иных и она может стать тесноватой, правда?

Руоль посмотрел на него, глаза его на миг затуманились, он пожал плечами.

– Может, действительно там мне место, – сказал он. – В Турган Туасе.

– Знаешь, – медленно проговорил Высокий, – я все-таки надеюсь, что веду тебя к новой жизни. Понимаешь?

Иногда появляются в народе необыкновенные люди. Кто-то их ненавидит, кто-то любит, но все относятся с уважением, пусть даже порой замешанным на страхе. По ним оценивают весь народ, они лучшие, самые ярчайшие его представители.

Таким человеком был Улькан. Велика была его слава. Кто не знал молодца Улькана? Он считался истинной гордостью своего народа. Даже те, кому он ничего доброго не делал и те, кому он когда-либо причинил обиду, относились к нему с невольным почтением. Пока мора рождает таких сыновей, луорветаны не выродятся- наоборот, будут жить и процветать.

Удачливым охотником был Улькан. Бегал он быстрее уликов, ловко забрасывал плетеный из кожаных ремешков аркан- чуот на рога оронов, валил их одним резким движением. Порой руками хватался за рога свирепого сэнжоя и пригибал к земле его голову, заставляя склониться перед молодецкой удалью. И всякий другой зверь трепетал перед ним. Улькан не боялся никого и ничего- ни зверей, ни людей, ни духов. Он громко смеялся. Был он высок, строен, красив лицом. Стальные мускулы перекатывались под кожей.

У князца Аки Аки была любимая дочь по имени Нёр. Сияла она как звезды, как солнце и затмевала собою все светила. Говорили иные, что солнце на земле, пожалуй, поярче будет того, что на небе.

У нее были золотые, с рыжеватым оттенком волосы, белая кожа, до того тонкая, что, как принято говорить, видно было как струится по жилам горячая молодая кровь, и просвечивала, переливаясь на солнце, каждая косточка, а в каждой косточке был виден мозг, что светился и сверкал. И вся Нёр лучилась светом, была прозрачна, тонка и легка.

Ака Ака вспоминал иной раз, что Нёр похожа на свою мать, которая была удивительной женщиной. Он помнил, он хранил эту тайну, хоть и стерлось уже лицо той, что когда-то была с ним. Да и он был тогда другим.

Сама Нёр тоже не могла помнить лицо своей матери, которая, возможно, умерла именно при рождении дочери. Когда Нёр было четыре зимы, женой Аки Аки стала Туя- старшая сестра Руоля.

Нёр была ровесницей Унги и примерно на год младше Руоля. Когда он стал жить у Аки Аки, они с Нёр как-то незаметно сдружились и проводили вместе свободное время, бегали всюду, держась за руки.

Эдж- песня пробуждения и счастливая вторая луна. Природа чиста, юна и светла, сбросила оковы долгого сна, потянулась к свету. Все еще впереди. Понесутся по морю стада олья, поплывут в сети косяки рыб, быстроногие пастухи уйдут на богатые пастбища. Будут игры, состязания, встречи и веселый смех. Все очистилось и снова начинает свой круг.

Руоль смотрел, оборачиваясь иной раз, как удаляется за спиной Архатах. Странное зрелище. Последний клочок моря, дорога меж двух миров.

Будто наяву Руоль услышал далекий голос давно ушедшей матери. Она говорила, что он, сыночек, появился на свет в самые радостные дни, в луну Эдж, и оттого судьба его должна быть счастливой.

Теперь, двадцать одну зиму спустя, Руоль криво усмехнулся, повернул голову и больше уже не оглядывался.

Впереди выросал Турган Туас- Великий Хребет.

Часть третья

Жизнь на бескрайних просторах моря текла как всегда: в вечном движении день и ночь, тепло и холод. Сражался изначальный орон Хот с жестоким Белым Зверем из нетающих льдов. На земле, над землей и под землей обитали духи. Шиманы, превращаясь в неведомых существ, общались с ними или сражались. Кто-то рождался, кто-то умирал. Приходили долгие- долгие зимы, которые сменялись скоротечным теплом.

Улеглись связанные с Руолем волнения, и как будто смирился князец Ака Ака. Впрочем, иногда он вспоминал, и глаза его загорались былой яростью.

Но ненависть тлела, тлела и поутихла за повседневными заботами. Давно уже ненавистный Руоль не занимал всех помыслов Аки Аки, хотя для него, конечно, всегда оставался темный уголок в глубинах души. Князец всегда не очень хорошо помнил по прошествии времени лица даже тех, кого близко знал, но это не значило, что он совершенно забыл. Будет помнить всегда, даже если злодей сам наказал себя, даже если он давно мертв.

В тот злосчастный Эдж, когда Руоль покинул море, загадочный шиман Тары- Ях снова навестил Аку Аку. Саин умирал, и никто не мог ему помочь. Злодей гулял на свободе. Ярость князца бурлила на самом пределе и готова была политься за край, навсегда вгоняя в безумие. Но пришел Тары- Ях, и вновь Ака Ака испытал трепетный страх. Но было и еще кое-что- некое облегчение. Неожиданно стало почти спокойно на сердце, расслабились дух и тело, схлынула багровая пелена с глаз.

– Его больше нет в море, – сказал шиман. – Говорю тебе затем, чтобы ты прекратил поиски и не гонял, не мучил понапрасну людей.

– Умер? – не понял князец. – Сдается мне, ты врешь.

– Ака Ака, ты поглупел? Я не сказал, что он умер. Он ушел.

– Куда это? От меня не уйдет!

– В Турган Туас, Ака Ака.

– Что? – вскричал князец. – Откуда знаешь?

Шиман только глянул на него из-под седых бровей. Ака Ака закрыл лицо руками, почему-то сразу поверив и поняв, что Руоля уже не достать.

– А ведь я когда-то... – проговорил он медленно.

– Знаю, – кивнул Тары- Ях. – Жил там.

– Жил?

– Был рабом. Знаю. Несладко тебе пришлось.

– Но я прошел через все. И я вернулся.

– С женой.

– Ишгра... так ее звали?... Ишгра...

– Послушай меня еще, Ака Ака, – сказал шиман, внимательно глядя на князца. – Недавно я видел... сам знаешь кого. Ничего не изменишь, ты должен смириться.

– А! – взвился князец. – Но... но... нет, не хочу ничего слышать! Ни слова об этом!

Тары- Ях пожал плечами.

– Это уже произошло. Ты знаешь.

– Я же сказал, хватит! Да, я знаю!.. Проклятый Руоль! Пусть он сгниет, пропадет в Турган Туасе! Так и случится. Луорветану там не место. Уж я-то видел. Нет, он не выживет...

Тары- Ях задумчиво смотрел на него, печальная улыбка таилась в его белой бороде.

Как-то накануне зимы стали говорить, что умерла могущественная шиманка Кыра. Почему это произошло, никто не знал, но ходили самые разные слухи. Смерть шиманов никогда не бывает обыденной. Однако было известно, что перед смертью Кыра находилась в мест-

ности у ручья Юкла, что на западе, почти у самого края больших болот. Есть там небольшой холм, в котором когда-то находились иной раз металлические предметы. На вершине холма стоят два очень старых, давно высохших дерева. Между ними, дескать, и велела шиманка Кыра зарыть себя- вертикально, лицом к восходу солнца, – а сверху положить белый камень. И говорят, шиманка сказала, что два мертвых дерева по сторонам ее могилы к следующему теплу оживут, зазеленеют.

...Узнав о смерти Кыры, другой известный шиман- Оллон- пустился в дальний путь- на запад, навестить могилу великой шиманки. Он достиг кургана, когда в полумгле сыпался с низкого неба сухой колкий снег. Показалось Оллоноу, некие тени шевелятся, пляшут на холме.

Кружился снег, кружилась подступающая ночь. Шиман приблизился, когда уже совсем стемнело, а снег продолжал идти, и задул хаус- пронзительный ветер. Оллон решил не подниматься к могиле сходу, остановился у подножия холма.

Неподалеку жила старуха- кликуша по имени Ульпа. В снежную ночь она нашла шимана Оллона, ворвалась в его походный торох и упала прямо на расчищенную от снега землю. Оллон уже мирно спал возле тлеющего очага и поначалу шибко перепугался- показалось, это дух какой-то явился за ним.

Шиман завизжал, переполошились в другом торохе его помощники, а кликуша Ульпа задергалась и закричала голосом умершей Кыры:

– Шиман! Зачем пришел к моей могиле?

Потрясенный Оллон открыл было рот, но Ульпа продолжала дергаться, закатывать глаза и глухо, словно из глубокой ямы, говорить:

– Если хочешь получить ответы, поднимись на холм сейчас же. Окропи белый камень кровью тунтэса. Никто не забивал жертвенного орона при моей смерти- здесь живут не богатые люди. А у тебя оронов много. Выбери лучшего. И оставишь его на могиле, не тронув. Моя жертва будет принадлежать мне. Делай, как я говорю.

Затем старая Ульпа поднялась и уже своим голосом попросила:

– Дайте покушать.

Перестав обращать на нее внимание, Оллон повернулся к помощникам, испуганно заглядывающим в торох, крикнул на них:

– Чего встали? Выберите какого-нибудь олья из упряжки, не коренного, конечно. Нож мне, одежду теплую, попрочнее ремень. Один пойду, будете здесь ждать.

Только после этого он как бы случайно заметил растрепанную Ульпу.

– Иди домой, – брезгливо сказал Оллон. – Нет ничего.

...Кружился снег, завывал ветер, и шиман брел к вершине кургана, ведя за собой понурого ирги- олья- самца, назначенного тунтэсом. Наверху Оллон привязал орона к дереву, прислушался, взгляделся. Во тьме летел снег; мерещилось, постанывали черные тени двух деревьев с развешанными на замерзших ветвях лентами шкур. Шиман в некотором волнении согнул неловкие, ноющие в стужу ноги, упал на колени и стал руками разгребать сухой рассыпчатый снег. Вскоре обнажилась каменная плита, покрывающая могилу. Руки в толстых варежках старательно очистили ее от снега. Потом шиман с кряхтением встал и посмотрел сверху. В темноте казалось, что это не плита, а некий провал в черную бездну. Шиман снял рукавицу, провел рукой по лицу, взялся за нож.

...И вот горячая, дымящаяся кровь упала на камень. Оллон стал трясти руками, головой и невнятно бормотать. Потом он сам упал и что-то заскулил; над ним вихрились снежные льдинки, будто осколки разбитого неба, и тянулись во все стороны корявые голые ветви застывших в ожидании деревьев.

Оллон поднял голову, и привиделось ему как наяву, что вокруг него все светится. И из того света выступила вдруг нечеткая фигура шиманки Кыры.

– Говори.

Оллон приподнялся, облизал губы и заговорил:

– Слава твоя и сила были велики.

– Они и сейчас.

– Да- да... Я пришел навестить тебя.

– Зачем?

– Как шиман к шиманке, которую всегда ценил и уважал, пришел к тебе. Люди обращаются друг к другу за советом и поддержкой...

– Понятно, – сказала сверкающая тень. – Что ж, говори.

– Кажется мне, Ака Ака теряет ко мне уважение.

– Да?

– Я могучий шиман, это все знают! Но... Тары- Ях... Ненавижу Тары- Яха!

– Чего ты хочешь?

Заслезившиеся глаза Оллона прямо посмотрели на светлый призрак.

– Хочу быть самым первым.

Показалось, тень слегка улыбнулась. Шиман призадумался, лицо его дернулось.

– Я хочу знать, должен ли я вызвать Тары- Яха на поединок? Могу ли я?

Послышался намек на звонкий смех, рассыпающийся звездочками в золотом сиянии.

– Ты сомневаешься? Почему ты вообще говоришь со мной обо всем этом?

– Мертвым шиманам ведомо многое. Я хочу победить.

– Я скажу тебе, шиман. Поединок состоится именно тогда, когда ты скажешь себе, что сейчас самое время.

– И победа будет за мной?

– Случится так, как должно быть.

– Это не ответ. Скажи! Будет ли со мной достаточная сила?

– Она будет с тобой.

– А помощь злых духов?

– Они всегда с тобой.

– Я могучий шиман! – воскликнул Оллон, вскакивая с колен.

– Да, у тебя есть сила, – тихо проговорила тень Кыры.

– Я доволен. Это не совсем то, чего я искал здесь, но...

– А чего ты искал?

– Не знаю... Что еще ты мне можешь сказать?

– Больше ничего. Ты великий шиман, и сейчас твое время. Все зависит от тебя самого.

А я уйду.

И сияющая тень раскинула не то руки, не то крылья и исчезла, хихикнув на прощание.

А потом шиман открыл глаза и обнаружил, что его, лежащего поверх камня, заносит снег. Оллон с трудом поднялся- все тело задубело, старые кости застыли, застонали. Мрачными чудовищами тянулись к нему два дерева- стража. Оллон поморгал, покачал головой, а потом повернулся и побрел вниз по склону- к жилью и теплу. Дорогой он улыбался.

...Утром шиман с помощниками уехали прочь- на восток, к местам более обжитым.

Тогда же старуха Ульпа пришла к людям и упала перед ними. Донесся голос шиманки Кыры:

– Слушайте меня. На могиле лежит принесенный в жертву орон. Пойдите и возьмите его.

И как сказала, так и сделали. Люди ели мясо, добрым словом поминая заботу великой Кыры.

...А к теплу исполнилось пророчество: ожили два мертвых дерева, поражая дивной красотой, раскинувшейся над тихой могилой.

В это же время происходили на просторах моря и другие события. Одним из них стала свадьба храброго охотника Акара.

Осиротела суровой зимой девушка по имени Ата, жившая со старухой матерью по соседству с братьями- охотниками и их домочадцами. Братья, особенно Акар, старались во всем помогать Ате, удивляясь, как она до этого справлялась одна.

И однажды строгая травница Чуру сказала, прослезившись:

– Куда теперь лететь пташке?

А древний Тыкель, о котором из ныне живущих почти никто не мог похвастать, что помнит его молодым, загадочно и несколько лукаво молвил:

– А не лететь ли ей к нам?

Простоватый Тынюр- муженек Чуру- тоже произнес свое слово:

– Что вы все о птицах, глупые совсем? Давайте-ка о бедняжке Ате поговорим. Все равно ведь она нам как родная. Почему ей вовсе к нам не перебраться?

Кыртак, старший из братьев, засмеялся, а потом посмотрел на младшего.

– Правильно говоришь, Тынюр, ты из нас самый дельный. Что скажешь, Акар? Не позвать ли нам Ату?

Акар, обычно напористый и скорый на язык, неожиданно покраснел.

...Вот и сыграли карум- счастливую свадьбу. На светлый Эдж пришла она и потому была вдвойне счастливой. Выпала она на день двадцать второй луны, который тоже назывался карум- свадьба. А еще так назывались те ороны, которые назначались на убой для свадебного пира. Братья были удачливыми охотниками, но не слишком богатыми людьми, и все же карум получился на удивление щедрым. Подавались дурамы- почетные блюда из филейных частей, и было много жира. В дело пошли также запасы орчаги- вяленого мяса, а ко всему этому подавалась во множестве разнообразнейшая рыба. И рекой тек как снег белый каыс.

Свадьба такого молодца как Акар угодна и духам.

Немногим после вся большая семья перебралась чуть к востоку и к югу- к большой Серой Горе, что возвышается над морой словно гигантская болотная кочка. Места там были тихие, охота удачная, уловы богатые. Правда, подались туда скорее вынужденно. Прослышали братья, что неподалеку от мест, где они жили протянулась рука могущественного князца Аки Аки, с которым отношения были самые недружественные.

Стало известно, что скачут по становищам калуты князца и берут дань, ибо Ака Ака неустанно заботится обо всех жителях моря, надежной преградой стоит на пути злобных духов, большими жертвами старается о приходе тепла- кормит создателя Хота, помогает ему в борьбе с Белым Зверем. И за это, говорили калуты, нужно вечно благодарить заботливого князца. Там же, где ничего не знали о могучем Аке Аке, где плохо понимали, о чем речь, считая все, что непосредственно не касалось их жизни, далеким и нереальным, дань взималась силой, и на другой раз о князце уже не забывалось.

Так уже давно было, но в последнее время калуты как-то чересчур озверели. Один отряд под командованием любимца Аки Аки- злого воина Саина, ставшего больше духом, чем человеком- особенно свирепствовал.

Говорили о событиях, произошедших несколько зим назад, вспоминая причины этих изменений. Упоминалось имя Руоля, но мало кто винил его в своих нынешних бедах. Едва ли кто знал, что случилось тогда, но истиной становится то, во что верят. Люди говорили, что однажды Руоль бросил вызов Аке Аке, сильно задел его жирное тело и его жирный дух. В тех рассказах Руоль становился героем.

Другим же героем стал в глазах народа некий Тэль, который в настоящем бросил вызов Аке Аке. Был он главой большого рода, богатого, но не столь могущественного. Тем не менее, устав от постоянных притеснений, Тэль объявил себя новым князцом и решил воевать с недругами.

Впрочем, Ака Ака не слишком озаботился, – его свирепые калуты пообещали совсем разметать непокорное становище.

Саин- худой, пожелтевший, с темными провалами неподвижных блестящих глаз- прошипел, представ перед Акой Акой:

– Сколько мы пытались вразумить несчастного Тэля. Ничто не пошло впрок. Теперь мы его уничтожим. Неудобный духам выродок. Ненавижу.

И он так смотрел, что князец и сам начинал побаиваться.

– Ограбим, развеем, сождем, уничтожим, – пообещал воин, почтительно склоняясь.

И вот, серьезные дела назревали между Акой Акой и Тэлем.

Кыртак и Акар не стали ни во что ввязываться и ушли к Серой Горе. Не из-за страха, а оттого, что их не интересовал спор между двумя князцами, которые в их глазах мало чем отличались друг от друга. Может быть, братья и не прочь были бы проявить удаль и встать на пути зарвавшегося Аки Аки, но теперь им было, о ком заботиться, а все иное стало уже не таким важным.

У Серой Горы возникло их маленькое становище, и однажды Кыртак сказал:

– Это наш дом отныне. Кочевать больше не придется.

– Ты старший брат, – сказал Акар. – Когда ты приведешь жену?

Кыртак задумался, вспомнил девушку, что была когда-то в его жизни, пока ее не унесла Черная Старуха.

Но потом словно бы пронзил смутной мечтою время и увидел то будущее, где велик и могуч род двух братьев.

– Отчего бы и не привести? – улыбнулся Кыртак, хлопнув брата по плечу.

Двадцать шесть зим- в пустоту... Эй, где вы?

Дни середины лета. Ветра в ущельях, зной на лугах. Выбеленное солнцем и ветром небо, древние горы...

...Руоль сидел за грубо сколоченным столом, подперев тяжелую голову и смотрел в маленькое окошко, за которым не видел ничего кроме яркого пыльного света и клочка пустого блеклого неба.

За спиной Руоля таилась в полумраке полупустая грязная комната; в пятнах и лучах света кружилась искорками пыль. За окном, совсем рядом, кто-то не то орал, не то пел. Руоль вяло прислушивался.

О, я уплыву по этим водам!

О, дорога моя в пути свободном!

Мрачно и пусто. Руоль потянулся рукой над столом, опрокинул кружку и кувшин, из которого вытекла слабая струйка, взялся за надкушенный кусок лепешки, уронил, подумал, убрал руку и снова впал в апатию.

С улицы донесся стук копыт, затем гневный крик:

– Прочь! Прочь!

Песня оборвалась, послышался лошадиный храп, позвякивание, уверенные шаги. Скрипнула дверь. Руоль без особого интереса повернул голову, посмотрел на вошедшего с озабоченным видом человека с рыжей бородкой и желтоватыми, словно выгоревшими на солнце глазами.

Был вошедший не очень высок, правда, чуть выше самого Руоля, но зато широк в плечах. Халимфир Хал. Сверстник, добрый приятель. Друг, быть может. Руоль даже не задумывался.

– Привет, Халим, – сказал он. – Проходи.

– Правду сказали, – недовольно произнес Халимфир Хал. Брезгливо отряхнул кафтан, выбрал место, сел на скамью. – Вот ты где.

– Хорошая пустая избушка на окраине. Ничья. То есть, моя уже. Место уединенное.

– Зачем ты сюда приходишь? – покачал головой Хал. – Дома мог бы уединиться.

Здесь же... голь одна.

Руоль хмыкнул, потом скривился:

– Дома...

– Что так?

– С Шимой опять поссорился. Совсем изводит.

Теперь уже Халимфир хмыкнул.

– Значит, пьешь сидишь?

– Нет. Как видишь. Да. Наливай себе, кажется тут еще осталось... А что за характер у нее, а? Да что говорить...

– И давно ты?

– Что давно? А, нет... не знаю. С утра пришел. Сижу вот. Здесь спокойно. На улице то крик, то скандал, то мордобой, но... А Шима мне изменяет.

– Да что ты?!

– А, брось, это же все знают. Хотя она думает, что я совсем простак. Книжки читаю...

Она и с тобой, небось...

Рыжебородый крякнул.

– Что ты такое говоришь, прекрати. А я ведь по делу тебя искал.

– Да?

– Дайка я в самом деле налью себе. Новость у меня есть хорошая. Эге, а тут пусто...

– Вон там где-то еще было. Есть? И мне плесни.

– Не будет тебе?

Халимфир налил и выпил вино одним могучим глотком, подумал и налил еще.

– Скучно же мне, Халим, скучно. Грустно. Что за новость у тебя? Рассказывай.

– А хорошее вино, слушай.

Руоль засмеялся и громко продекламировал:

Я пил кровавые вина-

Не мертвые, но живые!

Я знаю, что это такое!

Халимфир поднялся, оглаживая полы своего красного кафтана.

– А поехали-ка ко мне. Там все и обсудим. Давай уже оставим эту грязную хибару.

– Ты что? – возмутился Руоль. – Я ее купил. Шима Има Шалторгис доведет меня, возьму и передо. Буду тут жить.

– Не бери в голову. Вот это вино, клянусь, дороже стоит. Да и помирись вы, не впервой.

Руоль тоже встал, запустил лепешкой куда-то в угол.

– Крысам. Не уверен, что хочу мириться. Ладно, что ж...

Он двинулся к двери, вышел на залитую солнцем улицу, нетвердо пошел к ограде по пыльной дорожке. Остановился у столба, глядя вдоль улицы на тесно жмущиеся друг к другу лачуги, взбирающиеся все выше по склону. Подошел Халимфир.

– А твоя лошадь где?

– Вон там, в конюшне. У этого, как его?.. Если не украли.

– В седло-то сядешь?

– Не боись, я верхом привычный.

– Выглядишь не очень.

Руоль только усмехнулся, неопределенно покрутил в воздухе рукой.

Немногим позже поехали по пыльным улочкам. Солнце стояло высоко, и небо было ослепительно чистым- без единого облачка. Халимфир Хал время от времени покрикивал с высоты на нерасторопных прохожих. Руоль вяло раскачивался в своем седле. Вскоре достигли улиц более широких, домов просторных и ухоженных, – там Халимфир ехал уже спокойней.

Они держали путь к центру Средней- большого, шумного города, расплзшегося по склонам в горной долине вблизи речки Звонкой, берущей начало где-то у далеких седых вершин. Ехали по не очень чистым улицам мимо дворов и домов, мимо стен, площадей и заборов, мимо лавок и конюшен- сквозь пыль и людской гам. Голова Руоля гудела, и он с тоской размышлял о том, что за городом, конечно же, пыли нет, а воздух чистый и пьянящий. Почему-то давно не выбирался куда-нибудь подальше от этих стен, от широких и узких улиц, от деревянных и каменных домов- домов больших, с просторными дворами и домов, стоящих почти впри- тирку, липнувших друг к другу, поднимающихся уступами.

Почему он тут ползает как?..

И дождя давно нет. Солнце, пыль, необычно жаркое лето. А где-то рядом совсем другой мир, но как до него далеко!

Покачивание в седле да монотонный гул вокруг сморили Руоля: голова его тяжелела все больше, и он начал клониться вперед, собираясь ткнуться лицом в пыльную лошадиную гриву.

Внезапно раздался отчетливый голос Халимфира:

– Приехали!

Руоль вскинулся. Действительно, приехали. И даже въехали на просторное подворье. А Руоль и не запомнил, как миновали многолюдный рынок, вообще последний отрезок пути выпал из памяти.

Халимфир Хал ловко соскочил с седла, Руоль- скорее, сполз. Слуги увели лошадей. Хозяин дома одернул полы кафтана, позвал Руоля:

– Пошли, брат. В это время я мирно лежу в тенечке. Поближе ты не мог забраться?

Руоль ухмыльнулся.

– От Шимы любое место недостаточно далеко. Глотка пересохла, Хал.

Рыжебородый глянул на него оценивающе.

– Сейчас распорядимся. У меня хоть по-людски посидим.

...Они уютно расположились в одной из комнат с низенькими столиками, мягкими ложами и дорогими коврами.

– Ну что, обсудим новость? – сказал Халимфир Хал спустя какое-то время, в задумчи- вости щелкая пальцами над столиком со снедью.

– А, новость! – вспомнил Руоль. – Ну давай уже, говори.

– Это, в принципе, вовсе не срочно, просто завтра нарочные отбывают домой, и я подумал, ты захочешь что-нибудь с ними передать, привет там, сам понимаешь.

– Кому привет-то?

– Другу нашему. Боярину Димбуэферу Миту.

– Ого! Да что ж ты сразу не сказал? Ну и как он там устроился в Верхней?

Халимфир засмеялся:

– Не в Верхней вовсе!

– Он же туда уезжал.

– А оттуда домой. В Камни вернулся. Счастлив небось, черт. Я, конечно, плохо понимаю, на кой лезть обратно в эту глухомань...

– Это очень личное, – задумчиво произнес Руоль.

– Да, что-то слышал. Враги, месть, все такое?

– Ага. Но как он это сделал?

– Значит, слушай, – улыбнулся Халимфир. – Недавно в Камнях вокняжился Дэс Шуе. Слышал о таком? Говорят, князь что надо. Сильный человек, решительный. Само собой, Камни- малозначительный удел, но все же. Так вот, новый князь и наш Димбуэфер давние приятели. И враги у них, стало быть, оказались общие. При таком раскладе, разве мог наш друг не вернуться домой? И может, не столь уж и неправ он? Увидишь, о Камнях еще станут говорить. Этот Дэс Шуе... А известно ли тебе, кстати, что у нашего князя отношения с ним несколько... натянутые?.. В прошлом, по крайней мере. Было дело, Дэс Шуе тоже претендовал на Среднюю, но получил, так сказать, под зад, и оттого вынужден был шастать по глуши. Так что, все, может статься, очень непросто.

Они подумали об этом, выпили по чуть- чуть, потом Халимфир покачал головой, хмыкнул:

– А не могу я представить, что Димбуэфер останется в Камнях. Ведь это даже не Верхняя. Первое время- да, а потом? Закиснет, поди? Я бы не смог. Если только Шуе даст заскучать. Я тебе рассказывал?..

...Они посидели еще какое-то время; Руоль почти начал кимарить, когда Халимфир неожиданно, будто спохватившись, воскликнул:

– Ах, да, эти гости мои ведь и для тебя письмецо передали!

– А? – ожил Руоль. – Что ты за человек! Вечно же так! Интриган! Давай уже!

Халимфир, смеясь, передал ему замусоленный и потертый темный конверт. Руоль принялся вертеть его в руках, улыбаясь и качая головой.

– Не хочешь ли, однако, прочесть?

– О, конечно...

Руоль вскрыл конверт, развернул большой лист бумаги.

«Руоль, дружище! Пишет тебе твой старый друг. Наконец, спустя столько месяцев, ты получаешь от меня весточку, которую, я надеюсь, ты ожидал с нетерпением. (Халим тебя плясать не заставил?)

Сразу прошу прощения за корявый почерк- что поделать.

И приступим, пожалуй, к правдивому изложению новостей. Хм... а их действительно есть. Надо сказать... впрочем, все по порядку.

Итак, добрался я до Верхней. Хотел сразу по прибытии тебе отписать, но все как-то руки не доходили, ну а потом завертелось. Так что, уж прости. В общем, до Верхней я доехал без приключений. Устроился, стал ждать чего-то... жизнь там показалась мне поначалу тихой и скучной. Уже и не знал, зачем приехал, чего мне вообще надо. А потом началось.

Не буду утомлять долгими подробностями.

Встретился я с одним пресветлым князем. Дела у него в тот момент были не очень хороши, и я, естественно, немного помог хорошему человеку. Ладно, что об этом рассказывать? Дальше...

Затем тот князь... м-гм... обратил внимание на невзрачный такой удел в самой глуши. А до меня уже доходили слухи, что там полный развал. Вот до чего довели некогда замечательный край бездарные люди.

Тут нужна была сильная, решительная рука. Князь- ну и я при нем- оказались как нельзя более кстати.

Переговорили с нужными и понимающими ситуацию людьми, подготовили, если можно так выразиться, почву. И настало время действовать. Сам знаешь, как все это делается.

Могу добавить, что большинство готово было встретить нас, по крайней мере, весьма и весьма доброжелательно, поскольку давно уж тот прекрасный и столь близкий мне удел был словно тело без головы.

Теперь же мой добрый друг княжит и наводит должный порядок. Я же вернул все, что когда-то было отнято и даже сверх того.

Наконец душа моя спокойна. Испокон веку мои предки владели землей и немало значили в тех краях. Позор мне, если бы я отступился. Пусть не говорят, что это не то, к чему стоит стремиться. Это мой дом, а не имея его, я, считай, ничего не имел. Впрочем, ладно, не стоит об этом говорить. Просто делюсь с тобой своей радостью и, надеюсь, ты рад за меня.

Доходили до меня слухи, что дела у вас в Средней...»

Далее шло исключительно личное, бытовое и малозначительное: вопросы, пожелания, наставления. Руоль в молчании дочитал до конца, потом небрежным движением передал письмо Халимфиру.

– На вот, ознакомься, если хочешь.

Тот пробежал глазами, отложил.

– Я почти такое же получил. Ну и что скажешь?

Руоль вздохнул, покрутил в руках полупустой бокал.

– Я рад за него. Ты знаешь, он к этому долго шел. Вот только... этот Шуе... я его не знаю совсем.

– Угу. В корень зришь. Случается, порой, что благодарность княжеская... ты понимаешь. Но наш друг тоже не вчера родился. С другой стороны... ошибиться может всякий, и с ним так бывало. Загадывать не будем, но поддержку, если что, думаю, сможем ему оказать.

– Само собой, – Кивнул Руоль. – Димбуэфера ни за что не брошу. Слушай, он меня там, в конце письма, в гости зовет.

– Да, я заметил, – сказал Халимфир, потом вдруг улыбнулся. – И это еще раз доказывает, что в своих делах он уверен. Было бы нехорошо, стал бы звать?

– Я поеду, пожалуй.

– М-м?

– О, не смотри так! – засмеялся Руоль. – Просто в гости, что в этом такого?

– Что ж, погостить можно. А когда?

– Не знаю. Наверное, еще не скоро. Собраться надо. Да и дела всякие. Купцы вон со своим хрусталем заседают- надо решить. И много чего еще. Но сам-то Димбуэфер, я думаю, еще долго к нам не выберется, так что... съезжу, посмотрю, как там.

– Отчего бы и не посмотреть. Я бы тоже поехал с удовольствием. Только дел сейчас...

– Вот и я про то. Возможно, осенью?

– Да, может быть. Но не в самом начале осени. Там-то как раз пора напряженная. Купцы, товары, зерно опять же: за всем пригляд нужен. А вот потом наступит затишье- и поедем себе по первому снежку.

– А когда мы сговорились вместе ехать?

– Этого я не помню.

И оба засмеялись, а после, за дальнейшими разговорами, продолжили свой вечер, переходящий в ночь.

А под утро Руоль прискакал домой, еле удерживаясь в седле, хотя был, скорее, утомлен, чем по-настоящему пьян. Голова была тяжелой и гудела как колокол. Стоило бы остаться у Халимфира, где он и уснул было, но проснулся посреди ночи, чувствуя себя хуже, чем до этого, и вместо того, чтобы просто перевернуться на другой бок, зачем-то сорвался в путь.

И вот явился к своему дому. Шима спит, скорее всего- может, удастся проскользнуть незаметно. Голосок у нее милый, поет она превосходно, но иной раз слушать ее просто невыносимо.

Ага, проскользнешь тут! Ворота-то заперты! Сторож, подлец, поди тоже дрыхнет.

Руоль угрюмо вперился в ворота, не зная, как быть, посидел, размышляя, потом устало сполз на землю. Хочешь, не хочешь, придется стучать.

Внезапно приоткрылось окошко, раздался голос:

– Кто? Это вы?

Руоль улыбнулся, мысленно поблагодарив слугу. Молодец, бдит. Надо бы запомнить.

– Я, – тихо сказал он. – Открывай, только без шума.

Ворота приоткрылись, Руоль ввел лошадь на подворье.

– Позвольте, – засуетился сторож, которого звали Гарь- не то имя, не то прозвище. – Я кликну, лошадкой займутся.

– Не надо. Потом. Я сам отведу, не будем никого тревожить.

Руоль, кое-как переставляя гудящие ноги, повел лошадь в конюшню. Сторож как-то нервно посмотрел ему вслед. Стал быстро закрывать ворота, потом побежал догонять хозяина.

– Позвольте мне.

Но Руоль уже добрал до конюшни и отчего-то отказался выпускать повод, лишь сказал, указав на двери:

– Отопри.

Сторож помедлил, но подчинился, повернулся с деланно- равнодушным видом, сгорбил спину.

– Хозяйка меня искала? – спросил Руоль, обращаясь к выбритому затылку, сереющему в предутренней мгле. Слуга совладал с простеньким засовом, обернулся, стрельнул несчастными глазками из стороны в сторону.

– Не могу знать.

Руоль хмуро глянул на него и повел лошадь в конюшню, чертыхаясь во тьме. Слуга остался стоять у воротины, почесывая темечко.

Почти сразу Руоль вернулся.

– И чей это конь там стоит? – зло прошипел он.

– Н-не знаю.

– Но ты же ведь у ворот торчишь?

– Не... мое дело маленькое, – заныл сторож. – Не могу знать...

– Пошел вон, – сказал Руоль. – Пошел вон.

И направился к дому, бормоча на ходу:

– О, Великий, Мудрый, Лучший из хитрецов! Сколько же терпеть?

Взбежал по узкой лесенке, вошел через черный ход, случайно разбудив кого-то из слуг, на кухне стукнулся о какой-то бак, наткнулся на широкий стол, сквозь зубы проклиная все на свете. Затем поднялся по лестнице внутри дома, уже не так стремительно, тяжелой поступью, едва ли не наваливаясь на перила. В голове что-то горячо и болезненно пульсировало.

Спальня, как он и ожидал, оказалась пуста. Конечно, зачем, есть ведь такая маленькая дверь за тяжелыми занавесями в конце коридора. А может, ну ее? Завалиться прямо сейчас спать, и пошло оно все. Он знает, они знают, все знают. И ведь нельзя сказать, что есть на что обижаться. С самого начала это был брак исключительно по расчету, они даже особо обговорили личные свободы каждого. Шима получила немалый достаток, который, во многом стараниями Димбуэфера, Руоль приобрел в этой жизни, он же- ее благородную фамилию и вес в обществе.

Но есть же какие-то границы. До сих пор хотя бы видимость сохранялась.

И не привык он так, до сих пор не может привыкнуть. Сам-то он никогда ни с кем не встречался в стенах родного дома. Хотя бы ради приличия.

Руолю было откровенно муторно, и голова трещала по швам, но, может быть, именно поэтому он не мог сейчас в должной мере обдумать и оценить свои поступки. Да и любопытство внезапно обожгло, хотя, казалось бы, до этого ли сейчас? И все же... чей это там конь в стойле?

Руоль взял в руку лампу и потащился по узкому коридору без окон. Продрался сквозь занавес, запутавшись в тяжелых складках и оказался перед дверцей, трясаясь и проклиная. Прислушался. Вроде как, шебуршание или показалось?

Что он вообще здесь делает? Как это все жалко, ненужно и дико.

Руоль качнулся назад, снова запутался в складках и неожиданно закашлялся.

Вдруг заветная для кого-то дверца приоткрылась внутрь. Показалась Шима в темном, поспешно запахиваемом халате, с распущенными светло- каштановыми волосами, разметавшимися по плечам в неистовом беспорядке. В колеблющемся свете лампы Руоль увидел ее лицо. Обычно бледные круглые щеки теперь, казалось, пылали; серые глаза затуманены, верхняя губа подрагивает, рот приоткрыт; влажный блеск на щеках, над губою, на маленьком круглом подбородке, на обнаженной шее и на приоткрытом участке груди в вырезе халата. Выскочила из-за двери, словно дикая кошка.

Руоль одновременно ужаснулся и невольно восхитился. Грустно, печально...

Туман слегка рассеялся в ее глазах, Шима уставилась на Руоля.

– Ты! – воскликнула она нервно- высоким, дрожащим от кипящих страстей голосом. – Мерзавец!

И закатила ему звонкую пощечину.

Секунду Руоль стоял потерянно, лампа дрожала в его руке. Затем открыл рот, но так и не нашелся с ответом.

Внезапно из комнаты раздался громкий, рычащий, властный голос:

– Что там такое происходит, к обитателям огня?!

И дверь окончательно распахнулась мощным рывком руки. Руоль увидел здоровенного мужика, мускулистого, с широченной грудью, светлородого, с гневно сдвинутыми бровями под шапкой спутанных волос и пронзительными темными глазами на широком, угловатом и смуглом лице. Был человек лет на десять постарше Руоля, на пару голов повыше и вообще раза в два здоровее, но не это потрясло того. Черные глаза Руоля встретились с почти черными глазами светлородого. И оба узнали друг друга.

– Пресветлый! – ахнул Руоль.

Гость нервно улыбнулся, бросил взгляд на неподвижную Шиму, что исподлобья сверлила глазами мужа.

– О, Руоль!.. Здравствуй. Извини, я тут... – и раздетый Савош Луа- Пресветлый князь Великой Средней- города городов Поднебесного Хребта виновато улыбнулся и ретировался обратно в комнату. Шима мгновенно захлопнула за ним дверь и встала так, что словно бы закрыла дорогу грудью.

Руоль готов был упасть спиной на тяжелую занавесь, провалиться сквозь нее, и она колыхалась позади как темный омут.

– Мерзавец! – повторила боярыня Шима Има Шалторгис- Как ты посмел?

– Князь? – пробормотал потрясенный Руоль, жутко глядя на нее. – В моем доме?

– В его доме! – Шима запрокинула голову, смеясь. – Конечно! Боярин Руоль Шал!

Неожиданно она подалась вперед, и Руоль увидел что-то новое в ее взгляде.

– Если хочешь знать, – почти прошептала она, – это все ради тебя... ради нас...

Последние слова и этот взгляд настолько озадачили Руоля, что он, не зная, как реагировать, безмолвно улыбнулся, развернулся и пошел сквозь занавесь. Голова была тяжелой, но при этом казалась на удивление пустой.

Вошел в свой кабинет- простую квадратную комнату с десятками книг на полках, – поставил лампу на массивный стол, сел на диванчик и задумался.

Несколько лет назад Димбуэфер Мит привез его в этот край. Показать жизнь. Что ж, он ее посмотрел. Но ведь и жалеть, вроде бы, не о чем. Потому что уже трудно представить себя иным, без всего своего опыта и знаний, без всех этих прожитых дней.

Руоль провел рукой по затылку. Волосы короткие. Когда-то самолично отрезал косу вместе со своим прошлым- может быть, несколько демонстративно, но не строя из себя мученика. Славные герои древности, мужи его бывшего народа, верно, не перенесли бы такого позора, а он вот почти ничего и не почувствовал.

Нет, жалеть не о чем. Ты таков, каков есть, и там, где ты есть. Иначе не бывает.

Руоль еще помнил, как поначалу все смотрели на неведомого дикаря- северянина, как потешались, и как он сам всего пугался и ничего не понимал. Но Димбуэфер был фигурой, и без него бы ничего из сегодняшнего не было. Взял Руоля в долю в одном прибыльном деле, обучал, чему мог. Тот и сам со странным пылом тянулся к новым знаниям. Постепенно к нему привыкали и говорили уже не как о дикаре, а, возможно, с подачи того же Димбуэфера, как о выходе из богатого, знатного и правящего рода некоего далекого народа.

Потом и вовсе Руоль стал не просто купцом, а боярином- купцом над купцами, правителем среди правителей. Влился в род Шал. В его последнюю, вчистую разоренную, угасающую ветвь.

Руоль подозревал, что и здесь не обошлось без доброго Димбуэфера, хотя, насколько помнится, не он свел его с Шимой Имой Шалторгис.

Эта женщина была на три года старше Руоля и умела быть умной и обольстительной, умела потрясать, ничего ей не стоило вскружить голову, и на мир она смотрела широко распахнутыми, честными, такими лучащимися теплом глазами. Одно время Руолю даже казалось, что он влюблен или может влюбиться. Такова была Шима. Но хотя бы она сделала Руоля чуть менее наивным, чем до встречи с ней.

Лампа горела на столе, создавая в комнате загадочный мрак; в ней не было особой необходимости: если открыть ставни, будет уже достаточно светло. С улицы доносились отдельные звуки, пока еще не слитые в единый гул. Хлопнула под окном дверь, и чьи-то шаги проскрипели по лестнице- кто-то из домашних вышел на двор покормить живность, принести воду или еще за чем-нибудь. Или это Савош Луа отправился восвояси со свидания.

Лампа почти догорела, но приятнее будет остаться в темноте, чем открывать ставни и впускать в комнату пыльный серый свет.

Надо бы поспать, подумал Руоль. Совсем чуть- чуть, просто подремать. Какие дела есть на сегодня? Хорошо, что письмо Димбуэферу вместе с Халимфиром набросали, остальное может и подождать. Да, прилечь, прямо здесь, на диванчике.

Руоль начал неловко, без помощи рук спихивать сапоги.

Неожиданно угасающее пламя в лампе колыхнулось, заставив пошевелиться множество теней, и на поверхность стола выпрыгнул маленький, красновато- мерцающий, похожий на уголек маленький человечек.

Руоль моргнул, нахмурился, немо уставился на него. Человечек горестно захолопал себя по бокам и воскликнул на языке луорветанов:

– Ох- хо! Как впал мой живот! Как я усох!

Руоль пошевелился. Человечек повернулся к нему.

– Луорветан! Почему не кормишь меня? Давно не ел я вкусное мясо, сладкий жир!

Руоль продолжал хмуриться, не сводя глаз с рассерженного духа огня.

– Что ты смотришь? – возмутился человечек, забежав по столу вокруг лампы. – Будешь меня кормить?

– Надо же, – прошептал Руоль.

– Корми меня. Ты же луорветан.

Руоль усмехнулся.

– Послушай! – голос духа сердито взвился. – Как у вас здесь говорят? «Они смотрят и не видят». Но ты смотришь и видишь. Подумай об этом. Даже сквозь свое неверие, сквозь все

сомнения ты смог увидеть меня. Возможно ли тебе будет думать после этого, что я не существую?

Руоль хмыкнул, неожиданно остро почувствовав присутствие духа в своей собственной голове... и нигде больше.

– Смотри-ка, – сказал он, – как ты заговорил. Не оттого ли, что я сам вкладываю в тебя слова?

– Я существую! – от гнева человек совсем покраснел. – Я по-настоящему!

– В моем сне, – кивнул Руоль со злой улыбкой.

– Не шути со мной! – вскричал дух, потрясая огненными кулачками.

– Заправлю я лампу, обещаю тебе. Или кто-нибудь заправит. В конце концов, не я лично всеми этими домашними делами занимаюсь.

– Гореть я могу на всем. А как же жертва от чистого сердца? Как же благодарность и уважение?

– Между прочим, не бесплатно ты тут горишь.

– Ух! Попомнишь еще у меня! Вот попомнишь!

– Исчезни, – сказал Руоль, подался вперед и загасил лампу.

Не было духа. Руоль лег на диванчике, поджав ноги. Закрыв глаза.

Все вокруг пробуждалось, шум снаружи нарастал, сквозь щели в ставнях пробивался блеклый свет. А Руоль уснул, и там, во тьме, к нему пришли его личные настоящие духи. Как когда-то.

Минус еще один день из жизни.

Еще в ту пору, когда старик Тынюр был пастухом и смотрел за несметными стадами князца Аки Аки, Руоль пошел к нему в помощники. Едва начав жить у Аки Аки, он считал себя уже достаточно взрослым и удивлялся, почему князец не доверил ему одному стеречь какое-нибудь стадо. Вскоре, однако, выяснилось, как мало в действительности знал Руоль в этой непростой науке. И то верно: сколько оронов было у бедного Урдаха? Да и жили они в основном охотой. А тут – целые стада. Впору растеряться, но чудаковатый и все же знающий свое дело Тынюр оказался хорошим учителем.

Все тепло они кочевали вместе со стадами, и Тынюр со своими неизменными шутками передавал мастерство юному помощнику. Руоль очень многое узнал об ольях и сам становился более ловким и сноровистым. Ведь нужно резво бегать, набрасывая чуот на рога, кидая его так, чтобы он падал сверху раскрытой петлей и резко затягивался; нужно постоянно следить за стадами и отпугивать хищников. В общем, время впустую не прошло.

Тынюр сказал как-то, что на следующее тепло Руоль будет пасти оронов уже самостоятельно, чему тот был очень рад. Это ответственное мужское дело и хорошая школа для будущего настоящего охотника, каким Руоль надеялся когда-нибудь стать.

К зиме они вернулись в становище Аки Аки. За это время Руоль весьма сблизился с простоватым Тынюром, знающим множество забавных историй, всегда очень смешно их рассказывающим, и с его женой Чурой, которая сразу полюбила Руоля как сына.

Ему нравилось бывать у них, ибо у их очага ему было уютней, чем в тепле и роскоши у Аки Аки. Порой он приходил вместе с Нёр, дружба с которой все крепла. Тынюр и Чуру были одинаково рады обоим.

Стареющие супруги и озорная Нёр – это почти все, с кем Руоль общался, по крайней мере, с кем ему по-настоящему нравилось общаться.

Ака Ака ничего плохого Руолю не делал, а иногда даже бросал ему какие-то веселые фразы, но тот его все равно почему-то побаивался. Князец казался неким духом, что может растерзать по прихоти, ни за что, ни про что.

Старший брат Саин, еще раньше ставший жить у Аки Аки, первое время сторонился Руоля, отводил глаза при встрече, хмурился, словно ему делалось неудобно. Потом вроде как по привычке, но как будто затаил на Руоля понятную лишь ему одному обиду – относился к нему холодно, часто насмехался, а пару раз даже поколотил за якобы провинность. Руоль еще помнил, что Саин его брат, но уже как-то смутно в это верилось.

Старшая же сестра Руоля Туя, жена Аки Аки – холодная, надменная, всегда прямая и малоподвижная дева, красота которой была подобна красоте льда, сверкающего в зимнюю ночь во всполохах небесного огня, – и вовсе едва его замечала. Луна шла за луной, и за каждую можно было на пальцах сосчитать количество слов, сказанных сестрой Руолю, да и те в основном были какими-нибудь нелепыми замечаниями, и только изредка – доброе слово, но при снежной улыбке и со льдинками в черных глазах.

Нёр никогда не называла Туя матерью, а Руоль никогда не называл ее сестрой.

Постепенно боль и ужасы, пережитые Руолем отдалялись, во многом благодаря обществу веселой Нёр, и он опять стал живым и жизнерадостным. Потому и Туя была для него бесконечно далека и непостижима. Все время она ходила как во сне или смотрела поверх голов. Он и потом не мог понять, что это было: то ли молчаливая тоска и грусть, то ли скука и безразличие, то ли надменность и презрение.

Ака Ака, в свою очередь, тоже едва ли питал к Руолю какие-либо глубокие чувства, если он вообще любил кого-нибудь, кроме дочери и, как ни странно, замороженной Туи. Во всяком случае, для Руоля оставалось загадкой, кем вообще считает его князец. Саина он иной раз называл сыном, к Руолю же чаще обращался: «эй, парень».

Но Саин был готов ходить перед Акой Акой на задних лапках, а Руоль всегда знал, что однажды будет жить отдельно и поэтому был как бы сам по себе.

Тынюр оказался прав: на следующее тепло Ака Ака доверил Руолю одному пасти целое стадо, но того к тому времени это уже не слишком радовало. Другие Руолевы сверстники считали себя истинно повзрослевшими охотниками. Конечно, это было не так, но объяснить им было некому. Довольные отроки калутов Аки Аки ходили с важным видом и говорили, что стеречь олья это, конечно, занятие не для малышей, но и не для настоящих мужей, что с криками скачут на вольном просторе, как герои древности. Дети ждут не дождутся, когда им доверят стада, а потом, едва пройдя это своеобразное посвящение, смотрят с некоторым превосходством, если не с презрением, на тех, кому оно еще предстоит. Из-за всего этого в голову Руоля вкрались невеселые и горькие думы.

Как-то он воскликнул перед Нёр:

– Я уже взрослый! Я охотник! А должен пасти оронов.

Нёр улыбнулась, присела рядом и утешающим жестом положила ладонь ему на голову, совсем как сестра когда-то.

– Глупенький Руоль, – сказала она. – Зачем думаешь об этом? Смотри, старый Тынюр всю жизнь пасет стада. Кто скажет, что он мальчишка?

– А кто уважает Тынюра? – выпалил Руоль в горячке и сразу же пожалел о своих злых, неправильных словах, горестно опустил голову.

Нёр нахмурилась.

– Я его уважаю. Понятно?

Руоль смолчал, сгорая от стыда, а Нёр вздохнула, покачала огорченно головой.

– Какой же ты, видно, дурак, Руоль. Я люблю Тынюра. Пастуха. А спроси меня, что я думаю, например, о калуте Тюмяте, который считает себя великим воином, героем и охотником? Все глупые мальчишки хотят быть похожими на него.

– Я не хочу быть похожим на Тюмята, – сказал Руоль, начав понимать правоту ее слов.

Впрочем, Нёр все равно была обижена, а Руоль, в общем-то, не нашел утешения. Он даже побежал жаловаться к дедушке Тыкелю, который в ту пору вернулся в края, где жил теперь Руоль, и поставил свое жилище неподалеку от юрты Тынюра и Чуру, за пределами становища Аки Аки.

Руоль и сам знал, что обида его глупа, но в тот момент, когда он рассказывал обо всем, из его глаз готовы были хлынуть слезы.

Седые брови старика поползли вверх, когда он услышал жалобу своего приемного внука.

– Мне нравится это, – произнес Руоль. – Это хорошее, почетное занятие, но... другие говорят.

– Кто говорит?

– Да эти... – Руоль помотал головой.

– Пацаны, – закончил за него Тыкель. – Которым в жизни никогда не стать ни хорошими пастухами, ни хорошими охотниками. Всерьез ли ты прислушиваешься к их словам?

– Да нет... я... – Руоль шмыгнул носом, отчего-то почувствовав себя совсем ребенком, и провинившимся к тому же. Однако мудрый Тыкель, конечно же, не стал отчитывать Руоля, не стал и наставлять. Он просто долго говорил с ним о жизни, рассказывая разные, на первый взгляд, отвлеченные истории, предоставляя Руолю самому разобраться в себе.

Собственно, тот и без того все осознавал.

Ни за что бы он не посчитал, что присматривать за оронами- постыдная обязанность; никакие насмешки посторонних не заставили бы его устыдиться. Ему действительно нравилось кочевать со стадами на пастбищах, водопоях и солонцах, всячески оберегать оронов, защищать их от хищников. Это дело не для пугливых. Ни один по-настоящему взрослый человек не сказал бы, что это недостойное занятие для мужчины. Только те, кто сами еще вчера бегали в помощниках у пастухов, а теперь возомнили о себе невесть что, так говорили.

Но даже их треп не задел бы Руоля, не заставил бы трястись от обиды и злости. Саин. Старший брат сумел- таки задеть. Брат, который не был вчерашним пастушком, который как будто бы уже давно вырос, ведь он был старше Руоля на целых пять зим.

Саин говорил:

– Всю жизнь ты будешь ходить за оронами. Как Тынюр. Жалкий поедатель тухлой рыбы. Как это она только тебя вместе с родителями не убила? Выродок со впалым животом.

Руоль понимал, что глупо пытаться что-либо доказывать, о чем-то напоминать, но ему все сильнее хотелось, чтобы Саин увидел его настоящего- большого и сильного охотника, такого как давно погибший Стах, о котором Руоль всегда вспоминал с теплотой. Чтобы Саин наконец начал уважать его, даже бояться, ползать, как он ползает перед Акой Акой.

И именно оттого Руоль страдал и не очень уже рад был ходить в пастухах, но о Саине не рассказал ни Нёр, ни дедушке Тыкелю.

Но когда Руоль присматривал за стадами, находясь вдали от насмешек старшего брата, он относился к своему делу со всем старанием и даже с удовольствием, забывая и о Саине, и уж тем более об остальных, скорее глупых, чем по-настоящему злобных насмешниках.

На следующий год у него появилось двое помощников из младших, для которых Руоль стал наставником, каким для него был Тынюр, хотя сам был совсем ненамного старше их.

Однако Руоль по-прежнему стремился быть охотником. Пастухи тоже охотятся, охотился и Руоль, участвовал даже в предзимних тизкэнах. Мечтая целиком посвятить себя этому, уезжать на охоту, подолгу пропадать, а потом возвращаться с богатой добычей на радость всему становищу.

Однажды он пришел к Аке Аке и сказал, плохо скрывая в голосе нотки обиды:

– Почему меня не берут в охотники?

Князец посмотрел на него самодовольными глазками и расплылся в улыбке.

– Придет еще твое время, – отвечал он, вертя в пальцах приличных размеров кость с исходящими паром мясом и жиром.

– Для других время давно пришло.

– Послушай, ты! – Ака Ака пошевелился, глаза его сверкнули. – Никогда не говори со мной так! У меня много хороших охотников, понимаешь? Подожди.

– Тогда я сам пойду и буду охотиться.

– Кто запретит это луорветану? – перемазанные жиром губы князца растянулись в ухмылке.

– Я пойду и буду охотиться, сколько захочу и где захочу. Я покажу...

– Да? – сказал Ака Ака все с тем же самодовольным видом.

И он махнул костью, давая понять, что разговор окончен. Руоль выскочил ни с чем, кипя от обиды.

...Спустя некоторое время, в луну Оту, четвертую в году и последнюю луну тепла Руоль гулял с Нёр по берегу реки Ороху. Нёр говорила о грядущей луне Тиэкэн и об одноименной большой охоте на уликов. Руоля разговоры об охоте заставляли мрачнеть. Вдруг он сказал:

– Нёр, я, наверное, скоро уйду.

– Куда? – не поняв, она с улыбкой посмотрела на него, но тут же улыбка угасла. – Куда? – повторила она уже с тревогой.

Руоль пожал плечами, отвернулся, бросил в прозрачную воду подобранный камешек.

– Не знаю. Меня никто не снаряжает на охоту, никто не помогает, не хочет, чтобы я привозил богатую добычу. Здесь это никому не нужно. Значит, я уйду, буду сам по себе. Стану охотиться. Хотя бы для Тынюра и Чуру. Для Тыкеля. Да. Это будет правильно. А еще... где-то у меня есть младшая сестренка... Может быть...

Нёр захлопала длинными ресницами.

– Хочешь уйти? Совсем- совсем уйти?

– Да. Я могу жить... сам. Они увидят, что я могу. Нёр, ты сомневаешься?

– Но Руоль...

– Я даже с Высокими стану торговать. Сам! Я знаю, что им нужно. Научусь добывать хорошие шкуры. Вот увидишь.

– Руоль, я знаю, – голос Нёр стал слабым, дрожащим, как трепещущий язычок пламени. – Но зачем тебе уходить? Тебе нехорошо здесь, с... с нами?

Руоль не знал, что ответить. Пока ему плохо представлялось, как это он бросит все и уйдет, останется один- без друзей, без привычной жизни... без Нёр. Он задумался.

Внезапно лицо Нёр озарилось.

– Руоль! – воскликнула она звенящим от найденного решения голосом. – Я поговорю с отцом! Он разрешит. Конечно же, он разрешит!

Руоль помолчал, как бы обдумывая, хмуро глядя куда-то за реку. Потом покачал головой.

– Не нужно, Нёр.

– Но почему?

– Не хочу, чтобы ты просила за меня. Не хочу. Обещай, что не будешь.

Он посмотрел на нее и увидел, как в ее больших красивых глазах дрожат слезы. Тогда Руоль подумал: как я уйду?..

Шло время; Руоль все медлил со своим уходом. Становился старше, и даже Саин уже меньше доставал его. Может быть, старший брат и сам повзрослел наконец-то. Или попросту он считал уже недостойным для себя вообще замечать какого-то там пастуха. Ведь Саин стал важным, скакал по морю с целым отрядом калутов, а Руоль не знал, как называть своего брата. На охотников ни он, ни его отряд не походили, но часто возвращались с богатой охотничьей добычей.

В целом отношения двух братьев не стали теплее. Но именно Саин помог Руолю понять однажды, что именно он чувствует к Нёр.

Саин боялся Аки Аки и потому никогда не цеплялся к Нёр, как к другим. Но как-то раз после удачного похода он перебрал каюса. Руоль и Нёр были вдвоем, сидели в одном из любимых мест за становищем, болтали и весело смеялись. Внезапно показался Саин, глаза которого были красны, мутны и разъезжались как тонкие ноги новорожденного туюта.

– Нёр! – закричал он, приближаясь. Его крепкие короткие ноги заплетались, как и его язык, и тоже напрашивались на сравнение с новорожденным оляя или со смертельно раненым сэнжоем. – Красавица Нёр! Все говорят о твоей красоте. Почему ты сидишь здесь с этим... с этим вот... вот с этим? Разве это прилично? Тебе уже нельзя... а... понимаешь? Ты уже достаточно... ух... выросла.

Он подошел вплотную и уставился на нее мутным взглядом.

– Ты стала красавицей, Нёр. Нёр, ты стала... – взгляд его уткнулся в Руоля, выступившего вперед. – Убирайся прочь, выродок. Нёр, посиди лучше со мной. Давай... вместе...

Он попытался то ли притянуть ее к себе и обнять, то ли схватить за руку и увести, но Нёр закричала, отскочила и чуть не упала. Но быстро взяла себя в руки.

– Уходи отсюда, Саин. Иди проспись.

– Чего это? Не хочу.

– Иди, или я все расскажу отцу.

– Ох- ох, – пьяно засмеялся Саин. – Да я сам ему расскажу. Посмотришь. Ака Ака отдаст тебя мне. Он меня уважает и только рад будет. Лучшего жениха тебе не найдется.

И тогда Руоль ударил. Саин чуть ли не кувыркнулся в воздухе, упал на спину и остался недвижим.

– Пойдем отсюда, – сказал Руоль, взяв Нёр за руку.

Он весь дрожал от душившей его ярости, но, когда посмотрел в ее глаза... все словно замерло вокруг. На долгий миг. Замерло его собственное сердце. А потом все вновь ожило, но стало другим.

А вскоре Руоль осознал и то, что больше не в силах оставаться у Аки Аки. И не из-за Саина даже, который, протрезвев, вел себя до странности тихо. Осталось также неизвестным, говорил ли он с Акой Акой по поводу Нёр. В конце концов, он был тем, кто питается от очага князца и, по всей видимости, ему не хотелось, чтобы сейчас или в будущем возникли какие-нибудь проблемы с Акой Акой. Похоже, что Саин рассудил, что лучше всего будет попросту подождать.

Руоль же меньше всего любил ждать. И именно это ожидание сделало невыносимой его жизнь в становище. Он вдруг понял, что ожидание может быть вечным.

Но одно, и самое главное, стремление его сердца все-таки было здесь. И он не мог взять и уйти просто так, бросить ее.

Как-то он вновь заговорил с Нёр о своем уходе.

– Руоль, – отозвалась она, глядя его по плечу, – мне казалось, ты уже давно перестал думать об этом.

Он грустно улыбнулся.

– Как я могу перестать?

– Но неужели ты и теперь хочешь уйти?

– Хочу, Нёр, – ответил он. – С тобой. Ты пойдешь со мной?

Она испуганно посмотрела на него.

– Как же... ведь отец... он никогда не разрешит.

Руоль улыбнулся.

– А мы не станем спрашивать. Я тебя украду.

Ему показалось, она сейчас заплачет.

– Нёр... – голос его дрогнул. – Тебе не хочется этого?

Нёр молча смотрела на него. Он криво усмехнулся, опуская голову.

– Я понимаю. Здесь у тебя все...

Краска хлынула к щекам Нёр.

– Не говори так! Я очень хочу быть с тобой. Но я не могу... без позволения.

– Понятно, – сказал Руоль, повернулся и пошел прочь.

– Руоль!

Он остановился; Нёр подбежала к нему.

– Давай просить отца. Он поймет. Поймет, я уверена.

– Поймет? – брови Руоля поползли вверх. – Поймет? Ака Ака?

– Он мой отец. Он не сможет мне отказать.

Тут Руоль засмеялся. У него внутри все переворачивалось. Обида... злость... боль. Он никак не мог остановиться.

– Почему ты смеешься?

– О, он твой отец и он тебя любит. Но ты его плохо знаешь. Сказать тебе, что он сделает?

– А ты, значит, боишься?

– Я не боюсь! Хорошо же, я прямо сейчас пойду к нему.

– Вместе пойдем, Руоль. Будем умолять. Он поймет, вот увидишь.

– Умолять не будем. Я прямо скажу ему все.

И Руоль пошел к Аке Аке. Князец смеялся долго и громко. Потом он сказал:

– Хо- хо, Руоль! Ну и насмешил!

В этот момент в юрту вбежала Нёр, вся в слезах, и упала перед отцом на колени. Ака Ака нахмурился.

– Отец, я умру! – закричала Нёр.

Князец нахмурился еще больше. Стал мрачнее самого ненастного дня, темнее холодной зимней ночи.

– Слушай меня, парень, – сказал он. – Я приютил тебя как родного, и так-то ты мне отвечаешь? Когда я надумаю отдавать дочь, я, как в старину, устрою большое состязание. Нёр достойна этого. Она не кто-нибудь, а моя дочь. Лучшие женихи со всей моры соберутся. Просто так никому не отдам.

– Я буду там участвовать, – твердо сказал Руоль.

Ака Ака ухмыльнулся.

– Это еще не скоро будет. Я доволен, что моя дочь пока рядом со мной.

– Я буду участвовать, – повторил Руоль.

– Не думаю.

– Я буду, – и Руоль вышел.

...Позже они встретились. Нёр сказала:

– Ты слышал слова отца. Нам придется подождать.

– Это неправильно! – закричал Руоль. – Что он делает? Он же... ты не понимаешь!

– Я уверена, ты победишь.

– А ты этого хочешь, да? Этим глупых состязаний?

– Но ты же сам сказал...

– Если это единственный путь. Но так не должно быть!

Нёр пожала плечиками.

– Ты победишь. Иначе я умру. Будем ждать, Руоль.

– Вижу, тебе понравилась эта мысль.

– Мне кажется, это правильно. Но я вижу, тебе самому не очень-то хочется за меня сражаться.

– Я буду! – вскричал Руоль. – Буду! Буду! Во что бы то ни стало. Но Ака Ака!.. Ах, он жирный!..

– Не говори так о нем! – взвизгнула Нёр.

Руоль долго смотрел на нее.

– Я уйду, – промолвил он наконец. – Когда придет время, я вернусь. И заберу тебя. Но я не могу ждать здесь.

– Почему? Ты меня бросаешь? Мы станем ждать вместе.

Он не знал, то ли засмеяться опять, то ли зарыдать.

– Ты не видишь, как все это... глупо?

– Это ты глупый! Глупый дурак! Ну и уходи! Уходи, уходи!

Нёр попыталась рассмеяться, чтобы не показывать своих слез, но вышел скорее всхлип. Она развернулась и стремительно побежала прочь.

А Руоль ушел. Наконец-то. Решился. Уход его был полон горечи и лишь позже узнали о нем, поскольку ушел он для всех внезапно, не готовясь, никого не предупредив. Ака Ака, услышав, что Руоль исчез, сказал:

– Неблагодарный. А, впрочем, пусть. Не шибко-то он и нужен, – и он покосился на жену Тую, вспоминая, что именно она когда-то просила за Руоля. Но Туя молча опустила голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.